

ПЕТР ЕЛИЗАРОВ

ОДНАЖДЫ В ЧЕЛЯБИНСКЕ

I

ЧРЕЗМЕРНОЕ
УПОТРЕБЛЕНИЕ
АЛКОГОЛЯ
ВРЕДИТ ВАШЕ
МУЗДОРОВЬЮ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Петр Елизаров

**Однажды в Челябинске.
Книга первая**

«Автор»

2023

Елизаров П. А.

Однажды в Челябинске. Книга первая / П. А. Елизаров —
«Автор», 2023

ISBN 978-5-532-91008-9

Юниорская хоккейная команда из Магнитогорска приезжает на две выездные игры в Челябинск. Из-за бутылки дорогого виски, которая случайно разбилась в одном богатом доме, хоккеисты становятся участниками череды хитросплетенных событий, курьезных и смертельно опасных, которые в морозные декабрьские дни 2011 года происходят с жителями самого сурового города России. В книге представлены: пролог и первые две части романа.

ISBN 978-5-532-91008-9

© Елизаров П. А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Дисклеймер и эпиграфы	5
ПРОЛОГ	6
«Бегущий мальчик»	6
«Блюющий мальчик»	9
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. «АПЕРИТИВ: ПРИБЫТИЕ»	14
История первая. «Mr. Jack Daniel's»	14
История вторая. «Приезд»	18
История третья. «Мужское и женское»	42
История четвертая. «Смерть хоккеиста»	63
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Петр Елизаров

Однажды в Челябинске. Книга первая

Дисклеймер и эпиграфы

Хоккейная команда «Магнитка-95», персонажи и описанные в книге события являются художественным вымыслом автора, а совпадения случайны.

Упоминания реально существующих персон, наименований географических мест, организаций, органов власти, торговых марок и брендов не несут в себе рекламных целей, намерений запятнать их деловую репутацию или оскорбить кого-либо.

«Челябинск – я (не) люблю тебя!»

Большинство жителей Челябинска

Минздрав предупреждает:

«Чрезмерное употребление алкоголя вредит вашему здоровью!»

ПРОЛОГ

«Бегущий мальчик»

Прожекторы, парящие где-то в небесах, ярко освещают параллельные и пересекающиеся вены железной дороги – рельсы и шпалы, которые резво перепрыгивает невысокого роста худощавый голубоглазый парнишка, спеша к первой платформе, побаиваясь споткнуться и упасть на припорошенный снегом щебень. Белобрысый беглец будто огорчен, раздосадован чем-то. Жадно глотая морозный ночной воздух, он не сбавляет скорости, перелетая через полотно как заправский гимнаст, высоко задирая ноги и крепко придерживая за лямки выдавший виды рюкзак, видимо, набитый под завязку чем-то жизненно важным. Паренек, преодолевая своеобразную полосу препятствий, скользкую и холодную, лавируя между пассажирскими и грузовыми вагонами, стрелками и семафорами, держится за поклажу, как скалолаз держится за спасительный трос на отвесной скале.

После бесчисленных перегонов, линий, фонарей и столбов парнишка наконец взобрался на ровную вымощенную платформу и из последних сил устремился к оговоренному месту встречи – у часовни на перроне. В округе, кажется, нет ни души – еще бы, на дворе глубокая декабрьская ночь. Пахнет углем, где-то на путях то и дело гудит маневровый локомотив, неподалеку с дребезжанием тронулся в путь бесконечный товарный состав. Сбавив ход, парнишка зачерпнул в ладони горсть снега и умыл разгоряченное лицо. Пирамида «Синегорья» затерялась в тумане и легкой измороси.

Часовня. Именно здесь они условились встретиться. Наверное, он прибежал раньше, поторопился, не рассчитал, ибо возлюбленной еще нет. Без устали бьющееся сердце выдало подозрение, что девушка не смогла выполнить свою часть оговоренного. А может быть, она не настолько любит его, чтобы вот так все бросить, собрать манатки и убежать черт знает куда – в новую жизнь, жизнь с чистого листа: без этого города, без этих проблем и предрассудков, без этих обязанностей, без этих надоевших людей вокруг. Любит или не любит? Решится или передумает? Поедет или бросит? Парень тоже долго метался, ибо не каждый день собираешься сбежать: от родителей, учебы, подработки – одним словом, от всего, что осточертело. А каково же ей сейчас? Какие у нее аргументы? У нее ведь на порядок меньше причин сваливать из этой дыры.

«Даже если меня оставили одного, мне не привыкать. Подумаешь, будет немножечко больно и грустно. Главное, что я сам для себя решил сбежать. Я уже совершил то непоправимое, что не позволит мне задержаться в Челябинске ни на секунду», – думал он, как вдалеке показался чей-то изящный одинокий силуэт, еле проглядывающий из тумана. Позади послышались шаги, прервавшие безмятежность и смазавшие предвкушение долгожданной встречи. Почему они сзади? Парень проделал длинный путь, не оглядываясь: он смотрел только вперед – в новую жизнь.

Неужели она? Нашла время для сюрпризов со спины.

Обернуться он не успел. Его резко отдернули так, что обе ноги оторвались от земли. Некто больно схватил бедолагу за шею и плечи. Чья-то волосатая рука, словно кляп, опустилась на маленькое личико и почти полностью закрыла его – не вдохнуть и не выдохнуть, будто на засорившийся слив ловко накинули вантуз. Его вырубili, накинули на голову непроницаемый мешок, провонявший землей и гнилью, поволокли куда-то. Безымянный силуэт еще долго маячил перед глазами мальчугана.

Очнулся парень от пронизывающего ледяного холода вокруг. Он связан по рукам и ногам, рот заклеен скотчем. Куда он попал? Огромный мусорный бак? Нет, валяется он в

какой-то холодной промасленной мясорубке с искрящимися крапинками инея на стенках. Ее жернова больно давят на спину. Пленник попытался задрать голову: черные, как смола, стены металлоприемника мало отличаются от цвета ночного неба. Однако наверху то и дело шныряли туда-сюда два силуэта: тонкий высокий и пухлый низкий – даже в крошечной темноте парень узнал этих людей. Вскоре они прекратили движение: видимо, принялись глазеть на паренька, лежащего на дне.

Первым подал свой хриплый с ярким кавказским выговором голос (такой, будто кто-то горло без остановки полощет) низкий и пухлый:

– Ну чего, браток?! Думал, что самый умный?! Думал, что мы не найдем тебя?! От дяди Тиграна еще никто не убежал. Дядя Тигран всех ловил.

– Руки у нас длинные, – звонко и самодовольно вставил высокий.

– За свои поступки надо отвечать, Андрей, – продолжил Тигран. – Дай-ка, – высокий подал кавказцу несколько пачек банкнот (они вытрясли рюкзак Андрея). – Что это, Андрюша?! Откуда столько?! Не из нашего ли сейфа, а?! – снизу слышались жалобные стоны. – Чего ты мычишь там?! Нормально отвечай!

– А как он вам ответит? – шепнул на ухо Тиграну Гордей, его подручный. – У него хлебальник скотчем заклеен.

– Это риторический вопрос! Я знаю ответ. Это все мое! – крикнул в резервуар толстяк так, что у пацана на дне зазвенело в ушах. – Разве так поступают?! Особенно с теми, кто дает тебе работу, обеспечивает достойными условиями труда, подобающей зарплатой без лишних вопросов и безграничным доверием. Я считал тебя нормальным в отличие от прочих твоих коллег. Им лишь бы нажраться, чего-нибудь стащить да подраться. Выходит, с ними накладок меньше, чем с тобой, – тряс купюрами Тигран. – Воровать деньги – это я еще могу понять. Но зачем тебе понадобился ствол?!

С хитрым прищуром напарник Тиграна протянул ему пистолет. Странно, но в огромных волосатых ладонях пистолет и деньги не уместились. Одна пачка купюр даже спикировала на дно прессовочной машины для лома. Именно в ней и лежит Андрей. Тигран выругался.

– Залезешь потом и найдешь, – поручил Гордею он.

– Если не расплющит, – сквозь губы выщедил тот.

– Чего же ты хотел с ним сделать?! – Тигран продолжил расспрашивать Андрея. – Пришить кого-то? Или от нас отстреливаться? Иронично: я приобрел это оружие, чтобы базу охранять. А ты хотел применить его против меня.

– Это же травмат, – вновь вмешался Гордей, сунув руки в карманы своих облегающих джинсов, словно они ему впритык. – Максимум синяк бы заработал.

– Поверь, – спокойно ответил хозяин металлобазы, – если я сейчас приставлю эту игрушку к твоим яйцам и шмальну, ты их лишишься подчистую. Стой молча или составишь компанию Андрюшке, – Тигран вновь заглянул в резервуар. – Слишком много грехов за тобой сегодня. Ты не оставляешь мне выбора. Предоставляю тебе отличную возможность узнать, как работает пресс изнутри, – Андрей, осознав неминуемый конец, забился в истерике. – Поступали предложения разрезать тебя болгаркой, но это чересчур. И заметно слишком. Да ты кричи, кричи. Ты прекрасно знаешь, что тебя никто не услышит. Вообще я бы сначала пристрелил тебя из этого пистолета и только потом бросил в пресс, но ты даже не удосужился его зарядить. А до будки идти далековато, так что... – Тигран развел руками под еще одну безуспешную попытку Андрея взмолиться о пощаде.

«Какого хуя тогда я тащил это тело на своем хребте, если ты тупо хотел его пристрелить?!» – думал Гордей.

– Понятно, почему ты, Андрюха, хотел сбежать. Житуха у тебя – не сахар, работа – рабская, родители – алкаши, помочь и поддержать некому, надежды нет. А куда пропадешь, никто

и не хватится. Нехорошо одиноким быть – это тебе посмертный урок, студент. Прощай! – махнул рукой Тигран. – Врубай!

Гордей вприпрыжку кинулся к рубильнику, хотя оба планировали вальяжно спуститься по лестнице под предсмертный рев пленника. Только Тигран шагнул на первую ступеньку, как его недалекий телохранитель нажал на кнопку запуска пресса. Со скрипом и скрежетом шестеренки машины двинули навстречу друг другу два огромных поршня. В пространстве между ними лежит Андрей, успевший пару раз обделаться. Ничего страшнее огромных тисков, которые сейчас превратят его в брикет, он не видел. И, видимо, уже не увидит.

Шум механизмов поверг Тиграна в шок.

– Вырубай пресс, сучонок! Ты чего творишь?!

– Но ты же сказал... – удивился тот.

– Я сказал, что нужно припугнуть, а не мочить пацана! Выключай быстро! В тюрягу захотел?!

Парень надавил на красную кнопку экстренной остановки оборудования – должного эффекта не последовало, отчего глаза у мужиков чуть не выкатились из орбит. Свободного пространства внутри остается все меньше. Андрей визжит все сильнее. Кнопка не работает, как бы сильно на нее ни нажимали.

Изящнее болгарки. Проще повешения на крюке крана.

«Блюющий мальчик»

– Выпьем? – предложил Данил, элегантно открыв припасенную для такого случая бутылку виски «Jack Daniel's».

«Сегодня все должно быть хорошо. Это точно. Я чувствую, что сегодня все будет хорошо. Все будет пучком», – мысленно убеждал себя Даня перед первым глотком.

«Плохая вода» – так нарекла алкоголь мама, когда Данил был маленьким.

Даня осторожно поднес бокал к своим устам, не спуская глаз с сидящей напротив Леночки, симпатичной и длинноногой (потенциально доступной). Гостья, отвечая пареньку взаимностью, с усладой потягивает напиток. А что же он? Он лишь увлажняет им губы: волнуется, боится принимать внутрь. Часто первый бокальчик становится для него последним.

Паренек считал, что, хряпнув виски именно сейчас, ожидаемого, неконтролируемого, внезапного ухудшения не последует – эта напасть его оставит, и далее все пойдет как по маслу. Он беспрепятственно откроет для себя дивный мир, который дарит алкоголь, вольется в нужные ему компании, будет гулять и пить без ограничений, как и остальные. Если же облегчения не наступит, то он вновь станет посмешищем. Весь ужас проявится через рот и распотрошит его, словно пойманную рыбешку, которую срочно ждут к столу. Чего он только не делал для борьбы с этим недугом. Пробовал начинать с малого и постепенно повышать дозировку, чтобы выработать иммунитет, словно к яду. Из раза в раз результаты отличались друг от друга: то удавалось продержаться долго, то рвало немедленно. Вот ведь позорище, думал он. Сын челябинского алкогольного короля, а к спиртному не прикасается (опустим нравоучения про возраст).

– Ты чего такой напряженный? – ласково поинтересовалась Лена. Неужто зомбировала мальчишку притягательным нарядом? Молодец, не прогадала.

– Ничего, – опомнился Даня. – Просто засмотрелся на тебя.

Он действительно не мог глаз от нее оторвать.

Та улыбнулась – на первый взгляд смущенно, но на самом деле очень хитро. Она, оценив комплимент, которого толком не прозвучало, дала понять сидящему напротив пареньку, что не против. Конечно. Ее привели в роскошный особняк, поят дорожным алкоголем, потчуют закуской, будто из лучшего европейского ресторана. А обаятельный и притягательный Данил всю раздвигает ее глазами. Через несколько приятных мгновений, медленного танца и душевного разговора, он ее неловко приобнимет. Вот тогда держись, парниша: запустит к себе в домик и получит тем самым весьма выгодную партию.

Данилу едва удастся утихомирить дрожащую руку с бокалом. Сколько лет он борется с самим собой? Еще и навалилось столько в последнее время – вот и пригласил Ленку, чтоб расслабиться.

Эх, пан или пропал. Была не была.

И вот терпкий вкус виски «Jack Daniel's» заполнил рот, разжег в горле умеренно сладкий огонь. От трепета все внутри сжалось. Даня больше сосредоточен на собственных внутренних ощущениях, чем на даме. «Надо бы отвернуться от нее, чтобы не запачкать», – мелькнуло в мыслях, но вида он не подал, лишь плотно сжал губы. Если желудок запротестует вновь, это станет последней каплей, которая потопит не только свидание, но и его репутацию. «Да ни одна девушка сюда носа не сунет. Чем их заманивать тогда?» – задался вопросом Данил. Давненько он над этим размышлял. Хотел даже пойти в церковь, поставить свечку за здоровье, встать под купол и спросить, что необходимо сделать, дабы недуг оставил его.

Прошло несколько секунд. Ничего. На удивление первый бокал зашел без последствий, но не факт, что следующий пройдет так же гладко. Неужели организм сегодня благоволит хозяину? Далее нужно быть предельно осторожным и чередовать активности с выпитым.

Даня ослепительно улыбнулся девушке. Напряжение спало – неужели он наконец-таки может быть самым собой и включить обаяние на полную катушку?

– После первой и второй... – произнес он, вновь откручивая бутылочную крышку.

– Как-то это по-деревенски, – ответила гостья. Ей не нужно быть чересчур доступной и во всем потакать кавалеру – нечего ему расслабляться раньше времени. Следует немного высказать свое фи. Но бокал она все же протянула. – Мне буквально капельку. Много не буду.

Данил плеснул ей столько, сколько счел нужным, коварно посмотрев на дамочку: «У-у, кого ты строишь из себя? Знаю я тебя, – ехидно думал он. – Видел, как ты любишь убухиваться в хлам и вытворять всякое с первыми встречаемыми. Пей, пей. Ты здесь как раз для этого».

Студент все еще не мог поверить в успех – чем дальше развивалось общение, тем слабее была бдительность. Вскоре гостья уже вовсю стала размышлять, как незаметно избавиться от нижнего белья. Даню же несло вперед: он желал покорить сегодня обе вершины – он постепенно развязывался, ощущая приятное успокоение.

Гостья на поверку оказалась несколько выше Данила. Ныне полноправного хозяина дома – худощавого брюнета с немного вытянутым личиком, черными глазами, маленьким носиком и таким же миниатюрным ротиком – сие несколько не смущало, даже подзадоривало. Он провел девушке экскурсию по семейному особняку, обставленному богато и со вкусом. Побывали в винном погребе, посмотрели на джакузи и бассейн.

Главная достопримечательность дома (за такие в музеях берут отдельную входную плату) – кабинет отца Данила, выполненный в викторианском стиле и чем-то напоминающий царский кабинет: картины на стенах, антикварная мебель, а также позолоченные стеллажи, подсвеченные лампочками. Заставлены они всякими разными бутылками и склянками – вся алкогольная география мира: вино, коньяк, текила, саке, водка, шампанское. От изобилия рябит в глазах – экспонаты редкие, коллекционные, непочатые. Кажется, к каждой из бутылок разных цветов, форм и наполнения подключена сигнализация.

Кабинет до глубины души поразил девушку. И тут Данил на полном серьезе заявил:

– Что из этого мисс желает попробовать?

– Да ла-а-а-дно?! – у гостьи отвалилась челюсть. – Можно?!

– Мне все можно.

– Это же... твоего отца коллекция, – недоумевала она. – Он тебе голову свернет, если узнает, что ты к чему-то прикоснулся. Сам же говорил, что...

– Во-первых, я его наследник – все это потенциально мое. Во-вторых, все свои проблемы, если они возникнут, я смогу решить с ним лично. Тебя это не должно волновать – ты моя гостья.

– Тут бухла на миллион... не меньше.

– Эксклюзивно предлагаю вкусить прекрасное. Не стесняйся, выбирай, обо мне не думай.

– Не прикалываешься?

– Нет. Смелей.

У девчонки загорелись глаза. Она стала присматриваться к бутылкам на стеллажах, удерживая дистанцию от сосредоточения хрупкого, но такого притягательного стекла. За ней с интересом наблюдал Данил, сохраняя уверенную и серьезную мину на лице.

– Вон ту. Всегда мечтала попробовать, – Леночка указала на длинную прозрачную бутылку с жидкостью необычного цвета.

– Хм, абсент, – Данил жестом велел гостье отойти в сторонку. Он аккуратно отворил дверцу и, театрально задержав дыхание, медленно потянулся к бутылке, словно хирург в ответственный момент сложнейшей операции. Парень ювелирно выудил абсент с задних рядов.

– Вау, – выдохнула она, с замиранием сердца наблюдая за проделками бесстрашного парня. – Ты, наверное, в детстве обожал игрушки из автоматов вылавливать.

– Было дело. А потом загонял их втридорога менее ловким друзьям, – улыбнулся он. – Шучу, конечно. Хотя стоило попробовать.

На расписном столике у окна стоял поднос с двумя рюмками. Вот совпадение. Как раз для дегустации. Невооруженным глазом видно, как трепетно девушка ждет пробы абсента: вся взмокла, дыхание затаила.

– Ты давай только залпом, – предупредил Данил, проведя необходимые манипуляции с абсентом.

Попробовали. Необычный вкус.

– Боюсь, я несколько пьян, чтобы проделать эту операцию вновь. Отложим на потом, – произнес Даня, оставив заветную бутылку на столе.

Наблюдая за реакцией Лены, он ликовал: «Теперь ты точно моя!» Схема работает безотказно: всем пришедшим в гости друзьям и подругам он читает лекции об алкоголе и водит в отцовский кабинет, показывает все это великолепие и сообщает о том, как его папаша серьезно относится к коллекции и запрещает ее трогать, а затем неожиданно предлагает что-нибудь продегустировать. Все ошарашены. Удар по сердцу тем, кто не пил ничего дороже разливного пива. Соображалка у гостей мгновенно отключается, и все выбирают самое заметное – абсент. Сам по себе он (по сравнению с другими экземплярами) никакой ценности не представляет – обыкновенный абсент из магазина, заранее поставленный Данилом на полку. Папина коллекция остается в целости и сохранности. А гости сражены наповал: пацаны уважали еще больше, девчонки дополнительно к восторгам еще и давали. Так планировалось и сегодня. Сбоев не было.

Даня расхаживал по дому в обнимку с Леной и умудрялся подливать ей вискаря. Вскоре стало очевидно, что нужная кондиция достигнута и следует переводить встречу в горизонтальный интенсив. Игривому настроению паренька подыгрывала и впечатленная гостья, которая не прочь порезвиться, ибо тоже занятно подпила. Впрочем, долго ждать не пришлось.

Свалились на диванчик в столовой, где и сидели вначале. Растянувшись на девчонке во весь рост, Даня покрывал ее знойными, но слегка неумелыми поцелуями, одновременно елозя по ее стану как утюг по гладильной доске, ненасытно стягивая с нее не по сезону легкую одежду. Пассия Данила в свою очередь распахнула руки, раздвинула ноги, зацепившись икрами об его бедра, словно самка богомола, жаждущая отужинать самцом еще до спаривания. Будто осьминог, не встречающий препятствий, парень ласкал и целовал ее. Она же будто свободно падала в бездонную пропасть: закрыла глаза и сексуально вздыхала, смирившись с неизбежностью грядущего полового акта. Для нее сейчас приемлемо немного потерпеть, постонать для вида, дабы парень поверил в себя. Даня же в алкогольном угаре не мог совладать с собственным счастьем – добрался наконец до настоящей женской плоти. Он не знал, как объять ее всю и что нужно сделать в первую очередь для наибольшего наслаждения. Глаза его неистово горели, дышалось тяжело. Он словно яростная ненасытная собачка, которой кинули в подарок сладкую косточку: та накинулась на угощение и готова проглотить его полностью, лишь бы не отняли.

Когда штаны от спортивного костюма в области паха стали прилично жать, Данил решил завершить предварительные ласки смачным и развязным поцелуем в губы (со вкусом ранее выпитого виски). Он отвлекся от инспекции живота и груди Елены, многозначительно взглянул ей в глаза и мгновенно впился в губы своей пассии, желая больше не лицезреть это личико, а обратиться к другим, более аппетитным частям ее тела.

И именно в этот самый момент природа решила отыграть упущенное: наказать за безалаберность и непредусмотрительность. В центре живота Даню схватил внезапный спазм. Парень мысленно шлепнулся с седьмого неба на отрезвляющую твердую землю со скоростью первокурсников, бегущих в столовую. При этом без отрыва от губ партнерши. Он за доли секунды попытался осознать, что же произошло? Он так кончил? Или сейчас случится непоправимое – то, чего он остерегается весь вечер?

Времени на размышления нет. Данил вытаращил глаза, и всем, чем только можно, вдавил возбужденную девку в диван, оттолкнувшись от нее, чтобы подняться и убежать подальше, придав себе хорошее ускорение на старте. Он почувствовал, как из глубин капризного желудка ищет выход взрывная смесь из выпитого и съеденного, словно лава во время извержения вулкана. Он метнулся в сторону уборной, но забег завершился досрочно: от резкого подъема в глазах у Дани потемнело, ноги подкосились так, будто он неделю на диване валялся. Данил шлепнулся на пол, чуть не надломив своего маленького друга из штанов, принявшись из последних сил ползти к туалету на четвереньках. Силы мигом оставили его, на фоне чего сдерживать желчь и кислоту во рту и в пищевод не представлялось возможным. Данила обильно вывернуло красно-желто-коричневой жижой на сверкающий пол.

– Озеров, что с тобой? – воскликнула Лена. Он не слышал ее.

Из его рта лилось как из прохудившейся лейки, которую вприпрыжку пытаются донести до грядок. Позабыв про приличие и брезгливость, Данил полз к унитазу, окуная ладони и колени в дорожку собственной рвоты. А на повороте он, пытаясь подняться, не удержался и влетел в это месиво лицом, слегка всплакнув от досады.

Вечерняя засидчица, отойдя от шока, сначала прикрылась собственной блузкой как щитом. Ее face скривился от омерзения и стал похож на лицо древней парализованной старухи, которую забальзамировали и сунули на тысячу лет в саркофаг. Она боялась не то что прикоснуться, а даже смотреть на это недоразумение. Хотя ничего не предвещало беды. Не скрывая отвращения, она принялась одеваться, оглядываясь на Данила, лежащего посреди коридора в собственной блевотине, со сверкающей из приспущенных треников задницей. Она мигом унесла ноги, хлопнув дверью. А подойди она к Дане и помоги ему подняться, помыться, оклеветаться, привести себя в порядок, он бы женился на ней без раздумий. Плевать, что до совершеннолетия еще почти год. Это и есть настоящая любовь, а не тупые потрахушки из-за дорогого алкоголя и джакузи.

Данил Озеров с изможденной и измазанной мордой склонился над унитазом, ожидая продолжения приступа, но изо рта, как назло, не вылилось ни капли. Все осталось на его одежде и на полу. Данька с грустным видом и приоткрытым ртом сидел на холодном кафеле в обнимку с приятно охлаждающим фаянсом, словно умирал от жажды, медленно и мучительно.

– Ну и беги! Беги, шлюха! – что есть мочи крикнул он. – Поверь, я видел, какая ты, когда бухая в дым. Еще похуже меня. Мне-то не удастся напиться как следует, чтобы это забыть! Блять! – он вознес голову к потолку – его мигом ослепили яркие лампы. От досады он ударил ладонью по унитазу – тот соизмеримо ответил по третьему закону Ньютона. – И только попробуй всем растрепать, что я подсунул тебе паленку, мразь. Тогда мне вообще пизда наступит... Бля, все вы одинаковые! Хоть бы кто-нибудь из вас взял да и остался... По-дружески... По-человечески...

Ничего не скажешь, Данилу хреново. Однако вскоре упаднические настроения стали уходить. Пацан повеселел. Но пуще прежнего хотелось внимания и тепла именно к его душе, а не к дому, отцовской коллекции и отцовским деньгам.

Замыв все в коридоре и закинув спортивный костюм в стиралку, Данька, оставшись в одних боксерках, продолжил диалог с самим собой уже на кухне, ибо кушать опорожненному животу хотелось сильно:

– Ничего, Данька, – успокаивал самого себя он, попивая минералочку и подогревая ужин в микроволновке. – Ты справишься. Я... я справлюсь! Переборю это... «Индивидуальная непереносимость алкоголя» – как-то так. Главное, – он посмотрел на себя в зеркало, – не импотент вроде бы как, верно? Ты настырный парень. Любой на твоём месте давно бы сдался, а ты все пытаешься: выпить и присунуть. М-да... Убить двух зайцев одним выстрелом пока не выходит, – с сожалением констатировал он.

Зазвонил мобильник.

– Алле! ... О, здорова-здорова! Вот кого не ожидал услышать, так тебя. Как сам? – он уселся за стол, прижимая телефон к уху плечом, и по привычке врубил кухонный телевизор в углу. Выпуск новостей – показывали какие-то митинги: куча народа, транспаранты, флаги, какие-то знакомые лица вещают со сцены. Но Данил не мог сосредоточиться на двух делах сразу. – А как поживают кандидаты в молодежку? ... Ага. Как там она у вас называется? «Ржавые листы»? ... Ах, «Стальные лисы». Ясно-понятно! ... Как я? Ну-у... как сказать. 50 на 50! ... Что, приезжаете?! Огонек! Давно не виделись. Когда? ... Агась... Да мы б вам навалили, если б я еще играл, но я ушел, если ты забыл! ... Сам ты слабак! ... Ой, иди ты в баню, мудака! ... Ха-ха-ха, да, было дело... А вот это норм извинение – принимается! ... Да нет проблем – почему бы не организовать. Могу заняться, соберу чего-нибудь из запасов на черный день. Посидим, пошумим, как обычно... Да, конечно. Обнял... На связи! Мужикам мой пламенный привет! Бывай...

После разговора Даня заметно повеселел, ибо его знакомые по хоккейному прошлому из Магнитогорска заваливаются в Челябинск в следующую пятницу.

Пятницу? А ведь в следующую пятницу у него запланирован тот самый день X – день рискованного эксперимента, заключенного им пари, которое станет генеральным сражением в противостоянии с изысками собственного организма, не принимающего алкоголь ни под каким предлогом. И не только. А уверен ли он после сегодняшнего инцидента, что его задумка выгорит? Как-то не очень. Вот и приподнятое настроение куда-то улетучилось: «И кто же здесь сам себе копает репутационную могилу? Правильно», – Данил вновь посмотрел в зеркало. Хотел отвлечься новостями про митинги, но по ящику уже показывали что-то другое. Хочешь показаться умным – трепись о политике.

Открыв холодильник, Данил протянул руку в приятную прохладу и выудил оттуда бутылку с холодным чаем и вдруг обратил внимание на цвет содержащейся внутри жидкости. Так засмотрелся, что холодильник начал отчаянно сигнализировать с требованием прекратить его выхолаживать. Махнув локтем, парень прикрыл дверцу и метнулся в столовку, где на столе все еще стояла початая бутылка виски, которая и стала объектом грядущего пари, из-за которого так переживает Данил. Странно, никакого отвращения после свидания с унитазом – даже снова тянет хлебнуть немного.

– Нет уж, повторять я не хочу. Только ведь поел, – отказался от соблазна Даня. Однако он все равно налил виски в бокал, а в стакан рядом – сладкий холодный чай. – Крышку не закрыла, курва. Ну разве можно так? – ругался Данил в адрес давно ушедшей Лены.

Вывод: по цвету две жидкости практически неразличимы.

– Бинго! – возрадовался Данил. Теперь он знает, что нужно делать.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. «АПЕРИТИВ: ПРИБЫТИЕ»

История первая. «Mr. Jack Daniel's»

«Родниковая вода. Кукуруза, дающая сладость. Ячмень – для золотистого оттенка. Рожь – для пикантности и остроты. Дрожжи. Дубовые бочки, – рассказывал теоретик Данил, словно видел все воочию. – Тенессийская уникальная технология рождает этот аромат, – вдохнул он, – и этот вкус... самого продаваемого виски в мире. Не все понимают, к сожалению. Из уважения к тем, кто придумал сие великолепие, и для собственного удовольствия нужно знать, как его грамотно пить, чтобы прочувствовать. Нужны правильные бокалы, приемлемая температура. Попивать надо без лишних добавок, небольшими глотками. В качестве аперитива. Или, наоборот, дижестива, – собеседница терминологии не знала. – Можно поэкспериментировать с содовой, «Кока-колой», яблочным соком. Шоколадкой или лимоном можно закусить, но не увлекаться. Следует концентрироваться исключительно на напитке. Попробуем».

Уже позже, гуляя по дому, Даня продолжил:

– Как известно, церковь против алкоголя. Был один лютеранский священник по имени Дэнн.

– Ой, прям как ты, – рассмеялась девушка.

– Да уж, прям как я, – согласился он. Не те, конечно, выводы она делает. – Днем Дэнн занимался спасением чужих душ и проповедями, наставляя прихожан на путь истинный. А ночью с большим успехом занимался производством не совсем богоугодного напитка – виски, который очень нравился местным мужикам. Как-то раз на его вискокурню нанялся помощником бойкий и смекалистый мальчик. Он впоследствии стал учеником священника и продолжил дело старика. И весьма успешно. Мальца звали Джаспер. Или Джек, если по-простому. Фамилия – Дэниэл. Этот мальчик и довел скромное предприятие до промышленных масштабов, о которых его наставник мог только мечтать...

У любого человека, который мало-мальски разбирается в дорогом алкоголе, нижеприведенные операции, совершенные Данилом с этим священным напитком, покажутся форменным кошунством.

Новая бутылка виски «Jack Daniel's» проделала долгий путь из США до России: стояла на таможне, переезжала со склада на склад, ожидала муторные процедуры растаможки и маркировки, распределения и транспортировки. Именно эту занесло в Челябинск – прямым в один из алкомаркетов, сеть которых опоясала весь город. Сетью руководил отец Данила – Владимир Аполлонович Озеров.

Хотя все не так. Бутылка приехала в Челябинск не со своей заокеанской родины. А с кустарного завода в Подмосковье, на котором бадяжили алкашку мигранты из Средней Азии, завезенные в грузовом вагоне уроженцем Северного Кавказа, что наладил этот бизнес и надежные каналы бесперебойных поставок, в том числе и в Челябинск к Озерову-старшему. А уже челябинские ласточки завезли партию в несколько магазинов в местах наибольшего спроса: в самых злачных районах города и в непосредственной близости от крупных промышленных предприятий (что часто совпадает).

«Учись, пока я жив. Этот бизнес никогда не потеряет актуальности, сынок, – говорил Озеров-старший. – Так же, как и парикмахерские с похоронными бюро. Тем более в нашем городе». Сынок это усвоил, но достоин ли он своего отца, челябинского алкогольного магната, если не может без последствий распробовать ни капли продукции, благодаря которой озолился отец. Данил испытывал некоторый дискомфорт по данному поводу, однако никогда не задавал своему вечно занятому папаше закономерный вопрос: а нужно ли ему это? Дешевый

алкоголь ведь для быдла, это отрава для спаивания – негоже наследнику солидного бизнеса таким увлекаться. Штуки, которые доставляют такое несказанное удовольствие, по определению не могут быть полезны. Люди ведь пьют не когда плохо, а когда хорошо. «А когда плохо, хочется употреблять. Алкоголики хотят – пьют, не хотят – тоже пьют. Выхода нет. Это уже болезнь. А когда есть деньги на хорошее пойло, то хочется его смаковать – это точно не болезнь, а признак достатка», – так бы рассуждал его отец.

Пользуясь привилегированным положением, Данил мог беспрепятственно посещать отцовские торговые точки и склады, откуда парень периодически таскал товар. Он не выносил в открытую, а делал все как профессиональный воришка – тихо и скрытно. «Возглавлю сеть и первым делом прикрою все лазейки», – размышлял Данил. Может, он и не в ладах с употреблением алкоголя, но бизнес на нем Даня организовал достойный: все, что вынес, он сбывал в своей среде (через друзей и знакомых) – быстро завелись деньжата и постоянные клиенты.

Молодежи среди клиентуры – с избытком. И многих напрягал один-единственный вопрос. Нет, все прекрасно знали, что парень торгует продукцией из папиных магазинов. Но почему же он отказывается выпить со своими заказчиками, публикой весьма презентабельной? Алкоголь вроде бы наивысшего качества, но парень всегда берет самоотвод. Давно бы уже стал маленьким королем этого города, если б не один неприятный нюанс.

По смазливой мордашке и важной выправке и не поймешь. Известные нам обстоятельства (индивидуальные особенности организма) отравляют Дане жизнь: «Неужели нельзя добиться расположения крутых и достойных людей без танцев, алкоголя, сигарет, наркоты, машин и прочей дури? – задавался закономерным вопросом он. И сам же на него отвечал. – Нет, нельзя. Либо очень сложно. Время такое». Вот и приходится довольствоваться соками, газировками, безалкогольными коктейлями. И смотреть, как все по пьяной лавочке веселятся. О нем уже ходят толки. А невинные шутки с подмешиванием алкоголя в его бокал заканчиваются прискорбно. Хочется уже решить эту проблему раз и навсегда. И вот подвернулся шанс.

Вышеупомянутая бутылка готовилась тщательно и в полнейшей тайне. С резного горлышка аккуратненько содрано защитное покрытие. Крышка откручена. Несмотря на пьянящее благоухание изнутри, содержимое бутылки беспощадно перелито в опустошенную бутылку из-под холодного чая, а чай залит в бутылку из-под виски. Крышка крепко закручена обратно, держатель лег на место, защитная обертка заклеена. Найдите теперь десять отличий.

«И как только мои внутренности не приемлют этого чуда света, не пойму? – думал Даня. – Какое во всем этом может быть зло? Это ведь приносит людям счастье, радость, эйфорию – хоть какая-то услада в нашем сером мире. Как выжить без выпивки, когда кризис на дворе и ни единого проблеска света: что в жизни, что в новостях?»

Пари было не совсем пари, а чисто спор «на слабо». Его исход с большой долей вероятности предрешен: в грядущую пятницу при солидном скоплении свидетелей в клубе Данил не сможет выдуть бутылку виски (до последней капли). Да, он согласился в этом участвовать! Самоубийство, скажете вы? И чем он только думал, прекрасно понимая, что не сдюжит? Он бы ответил, что еще более изощренное самоубийство – слиться со спора в присутствии всей тусовки. Стоит хотя бы попробовать уделать другую сторону спора в лице наименее приятнейшего хозяина одного злачного клуба, ибо Данил мужик (в свои 17 лет) и ему слабо. Однозначно, сильнее женской логики только мужское самолюбие. Недавний конфуз с девушкой пошатнул самоуверенность Дани. Но ее подбавила авантюра с чаем и виски. Если все раскроется, страшно подумать, до чего может дойти.

А почему он вообще согласился? Решение вынужденное по нескольким причинам. В последнее время Озеров решил перейти к радикальным методам настройки собственной пищеварительной системы. Считал, что силы организма наверняка мобилизуются при острой необходимости или стрессе – ему хотелось искусственно создать такие условия, не оставив выбора своим внутренним ресурсам. Подобная публичная сцена весьма кстати. Ее благоприятный

исход снимет все вопросы и развеет нелепые (правдивые) слухи о его болезни. Нужно лишь позаботиться о том, чтобы никто не заподозрил подмены, подговорить знакомого бармена. Данил старался не думать об очевидных слабостях плана, которые могут выстрелить. Надеялся на авось.

Хотя этот аспект всего лишь на поверхности. Есть и иная причина...

Подготовив плацдарм для аферы, Данил успокоился и отправил заветную бутылку ждать наступления пятницы в холодильник. Однако бутылка из затемненного стекла оказалась не такой простой, какой ее задумывали. Ведомая хитроумной судьбой она запустит череду последующих необратимых событий.

Казалось бы, что может случиться?

А случилась спустя несколько дней самая обыкновенная домработница по имени Гульназ. Она работает в доме Озеровых с незапамятных времен, дело свое знает, все обязанности выполняет усердно, качественно и в срок.

Очередной самый обыкновенный день ничего особо нового не предвещал – каждый день в жизни Гульназ схож с предыдущим. В большом богатом доме, который она знает вдоль и поперек, практически ежедневно должна проходить тщательная уборка, напоминающая генеральную по многим аспектам. Причем все должно быть убрано, а Гульназ должна бесследно испариться к возвращению жильцов, поэтому она всегда следует заранее намеченному плану.

В тот день в него входила помывка холодильника. Гульназ решила заняться этим после полудня – она уже достаточно натрудилась, а высоченная машина так присосала к себе дверь, что Гульназ своими тоненькими ручками не смогла отворить ее с первого раза. Даже не задумываясь о каких-либо последствиях, она схватила за ручку двумя руками и дернула ее на себя. Отворила так резко, как порыв ветра бросает в сторону неприкрытую калитку, бьющую по забору, словно музыкант по тарелкам. Холодильник распахнулся, и со средней полки на дверце в мгновение ока со свистом спикировала заветная бутылка виски «Jack Daniel's». Этот полет, который никак нельзя было остановить, совершенно вывел из равновесия издававшую виды тетюшку. Гульназ зажмурила глаза и поджала ручки как парализованный от испуга сурок, которого вот-вот прошьет охотничья пуля.

Звонящий треск.

Мир перевернулся в ее глазах. Хлипкая бутылка приземлилась на пол и раскрошилась. Одна лишь этикетка сдерживала передний бок бутылки от полного разрушения. А помещенная в нее жидкость устроила на полу грандиозный рисунок всплеска, окропив как мебель вокруг, так и саму Гульназ по щиколотки. У нее не было сил лицезреть сей кошмар, который она сотворила, наверное, впервые в жизни что-либо испортив. Обездвиженная Гульназ опомнилась только тогда, когда заметила, что жидкость из бутылки стала стремительно растекаться по полу, грозя заполнить все ближайшие стыки между напольной плиткой и попасть под кухонный гарнитур.

Домработница принялась с усердием заметать и замывать следы непреднамеренных разрушений, попутно соображая, что нужно сделать, чтобы никто ничего не заметил. Времени до возвращения хозяев не так уж и много. «За это и выгнать могут – как пить дать!» – женщина уже подсчитала ущерб в денежном эквиваленте – без сомнений он ударит по ее и без того пустому из-за предновогодних трат кошельку. Но должно хватить (впритык).

Душок образовался на всю кухню. Она вытерла разлившуюся жидкость тряпкой, выжимая ее над ведром. Аккуратно сложила осколки в мусорный пакет. Туда полетела и влажная благоухающая тряпка. Протерла полы, вытерла подтеки на гарнитуре. Побрызгала освежителем. Поглядела недовольно на пол. Еще раз помыла его с чистящим средством посильнее. Прикатила пылесос и хорошенько прошлась им по углам и прочим закуткам кухни, ибо маленькие

незаметные осколки разлетелись повсюду. Если их не собрать, то они обязательно вопьются кому-нибудь в пятку. Отдышавшись, она оценила дважды вымытую кухню: визуально нареканий нет, но вот если открыть холодильник, то в нем кое-чего не достает. Гульназ на всех ветрах бросилась в ближайший винно-водочный. По дороге избавилась от стекла и тряпки: «Пусть бомжи выжмут из нее немного – будет, чем отметить Новый год», – успокаивала себя домработница, ведь если не успеет вернуться, то все пропало. Она металась по магазину, разыскивая нужную бутылку, то и дело напрягая свою не совсем фотографическую память на этикетку, черную и с белыми витыми буквами. Нашла и приобрела – едва не расплакалась, когда лишилась парочки хрустящих купюр, отложенных на провизию и подарок самой себе к грядущим праздникам.

Гульназ успокоилась окончательно (как и Даня ранее), когда поставила новую бутылку на место ее предшественницы в холодильнике, и уселась за стол, ликуя, что успела.

Женщина и вообразить себе не могла, как много завязано на предыдущей бутылке. Они с новой идентичны только внешне, но у той внутри был просто чай, ныне подмененный обратно на настоящий алкоголь. Что ж, последствия будут намного серьезнее, чем банальный выговор за неаккуратность. На волоске повисли нормальная жизнь, достоинство, честь и репутация человека, его здоровье, которое вряд ли выдержит убойную дозу чистого вискаря внутрь. Она никак не могла знать всего этого. К тому же Гульназ больно и не разбирается, какой должен быть запах у виски, а какой – у бутылочного чая.

Впрочем, она закончила свое бдение и вскоре покинула дом, довольная тем, что никто ничего не заметил. Прямо-таки идеальное преступление вышло. Однако улыбка сошла с ее лица, когда она поняла, что кошелек практически пуст и на что-то нужно жить дальше, а до полочки еще целых полмесяца.

История вторая. «Приезд»

Среда, 14 декабря 2011 года, вечер.

Тренер юниорской хоккейной команды «Магнитка-95» Виталий Николаевич Степанчук сидел за своим столом в тренерской, похожей на подсобку комиссионного магазина. Я же, водя ручкой по бумаге, что-то устало объяснял, сидя напротив. Приходилось лицезреть недовольную гримасу тренера ежедневно. Казалось, что в ней сосредоточена вся вселенская злоба.

Коуч был человеком с отталкивающей наружностью – сразу видно, что он не любит церемониться, а сразу посылает: поглубже и подальше. Степанчук с легкостью мог обложить любого попавшего под горячую руку человека так, что тот под землю провалится и в другом полушарии вылетит. Никто и не видел Виталия Николаевича в ином состоянии. При любом взаимодействии с тренером всем хотелось, стиснув зубы, просто (ради всего святого) пережить столь неприятные секунды. Но я неведомым образом нашел с ним общий язык. Ох, какая же это тонкая грань: шажок на миллиметр в сторону – сразу же очередь снарядов из зенитки прямо промеж глаз. Благо со мной он еще как-то пытается сдерживаться. А вот что касается хоккеистов... Их-то Степанчук из игры в игру, с тренировки на тренировку (в том числе и с моей подачи) без остановки трет как грязные портки об стиральную доску. Настаивает, что и мне тоже стоит присоединиться и не противодействовать, никого не оправдывая. Он уверен в себе и в собственной правоте, решителен; внешне в меру упитанный, седой.

– ...А вот здесь отражены броски каждого за последние игры, количество силовых тоже, – вещал я, перекладывая бумаги. – По поводу тренировок: количество выполненных упражнений и потраченного времени также здесь есть. Пофамильно.

– Угу, – буркнул тренер. Он смотрел куда угодно, но только не в мои бумаги, над которыми я (по его просьбе) каждый вечер головы не поднимал.

Я смирился.

– Для сравнения с предыдущими периодом я добавил столбики с процентами прироста или убыли. Вот вам и демонстрация усердия, – говорил я, ожидая, что похвалит, ибо до моего прихода так пристально за командой не наблюдал никто – все было бессистемно.

– Угу.

– А также списки по пятеркам: оптимальным и тем, которые у нас сейчас.

– Угу.

– По итогам последних семи дней доклад окончен, – я захлопнул папку с нацарапанными на бумаге наблюдениями за играми и тренировками.

– Все это, конечно, прекрасно, – заявил он неискренне, отодвинув бумаги в угол стола. – Но я все никак понять не могу: в чем, собственно, толк?

«Снова-здорово», – разочарованно подумал я.

– Как же? Найти баланс, нужные сочетания, оптимизировать, стимулировать, мотивировать...

– Ой, – скривил рожу Степанчук, – так хочется тебе сказать: засунь ты уже в жопу свой научный подход...

– Но-о-о...

– Да-да, я знаю, что все это ты развернул по моему приказу. Черт побери, не знаю, что тогда на меня нашло. Угораздило же тебя попасть мне под руку... Ладно. А знаешь, как раньше было? Раньше нас учили пахать, пахать и еще раз пахать. Тренеры с нами не церемонились, никого не заставляли, не уговаривали, подход к каждому не искали. Не хочешь – не надо. А если так, то «пошел-ка ты на хуй»! Поэтому пахали, ебашили, выполняли установки и не спрашивали, не возникали.

– Но так ведь в спортсменах любую инициативу можно пресечь на корню.

Моего выпада не заметили.

– ...Какие раньше были хоккеисты! Глаза радуются. А что сейчас?! Тьфу! Плунуть да размазать. Эти, – махнул тренер в сторону раздевалки, – прошлым и в подметки не годятся. Понял?!

– Ладно, не будем горячиться. К тому же, на дворе уже XXI век.

– Я вижу, ты напрашиваешься на полемику. Хорошо...

– Нет, я не...

– Правильно, нечего себя до слез доводить. Выпускаю этих мудаков и сваливаю! Надоело! – на секунду наступила небольшая пауза. – Ты лучше мне скажи: как в команде с межличностными отношениями?

Я оживился и, как образцовый стукач-наблюдатель (этими умениями я гордился, но выдавал информацию в меру, исходя из ситуации, тем самым невольно регулируя репрессии в команде), доложил обо всем: кто с кем в ссоре, кто братается, у кого и что в личной и школьной жизни творится и так далее.

– ...Вот эти поссорились на днях хорошо, – показал я на две фамилии нападающих в списке. Они играли в одной пятерке.

– Отлично.

– Врозь их? – спросил я.

– Ни в коем случае. Пусть в одном звене бегают.

– Я слегка не понимаю.

– Они соперничать будут, лететь вперед, себя показывать: кто круче, кто сильнее. Но защей в их звено надо нормальных поставить, чтобы прикрыли понадежнее. Посмотри на послезавтра.

– Хорошо, – записал я в блокнот. – А как же команда в целом? Разве такой перестановкой мы не делаем звено зависимым от индивидуальных действий двух игроков? Это может кончиться отрицательным результатом для всех.

– Часто здравый эгоизм вытаскивает игры. Зная этих двоих, могу с уверенностью сказать, что они помирятся. Пока они петушатся, надо пользоваться. Ты бы на досуге их как-нибудь натравил друг на друга похлестче.

– Я подумую, что можно сделать.

– Как тебе известно, я решил немного изменить режим тренировок на льду.

– Я заметил.

– Как в команде восприняли новшества?

Я ответил не сразу, ибо нововведения не понравились абсолютно всем.

– Иногда молчание лучше всяких слов, – произнес Степанчук. Догадался. По его лицу я понял, какая ядовитая злость сейчас в нем кипит. – И как меня называли после первой тренировки?

– Может, не стоит...

– Нет, ты скажи. Мне интересно.

Материться я, честно говоря, не люблю – цитируя игроков, я все же сделал это. Поджав губы, Степанчук гневно выцедил:

– С великов у меня не слезут, гондоны.

– Может, стоит дать команде передышку перед выездом? – осмелился предложить я.

– Давай я буду решать! Не заслужили! Ни на йоту, понял?! – он поднялся с места и стал ходить взад-вперед. – Кстати, о выезде. Как у бездарностей с настроением? – как ни в чем не бывало поинтересовался он, хотя пару мгновений назад получил исчерпывающую информацию о мнении каждого из хоккеистов, в частности тех, у кого после тренировки еще оставались силы говорить.

– Неопределенно.

– Потому что у всех уже хаты на Новый год на уме. И бабы! Особенно бабы, – акцентировал внимание тренер. – Видел я их телок. Какие хоккеисты, такие у них и телки – ни о чем. Я кивнул.

– Я тут подумал и принял решение...

– Разогнать команду к чертовой матери? – продолжил я, ибо тренер часто грозился так сделать, хотя это явно не в его ведении. К тому же год выпускной: сворачивать уже поздно и особенно некуда.

– Ты завтра едешь с нами в Челябинск.

– Что вы сказали?

– Что слышал.

– Но я ни разу с вами на выезды не ездил.

– У всех когда-то бывает в первый раз, – засмеялся он.

– А кого за это нужно убить? – уточнил я, не понимая, радоваться известию или нет.

– Никого. Хотя нет – хоккеюг. Потому что от них постоянно несет, понимаешь?

– Да от любых спортсменов после тренировки несет.

– Несет какой-то подлянкой. Причем за километр. И именно на этом выезде. Я чувствую, понимаешь? Так что ты мне нужен. С тобой у них меньше шансов что-нибудь выкинуть. Отказы не принимаются.

– А если...

– Никаких «если». Мы стартуем завтра после тренировки. С тебя, – стал загибать пальцы Степанчук, – сходить к этим кабинетным крысам и забрать все доки на выезд, на гостиницу и прочую белиберду. Там все скажут.

«И вы, конечно же, палец о палец не ударите?» – вопрос сугубо риторический.

– Проблем в школе не будет? Звонить классухе надо? – спросил он.

– Думаю, нет.

– Хорошо. Я и не собирался особо.

– Спасибо за искренность.

В паре дверей от тренерской, в раздевалке хозяев, после тяжелой вечерней тренировки избавлялись от экипировки, освежались в душе и облачались в гражданское 16-летние игроки «Магнитки-95». Команда доигрывала свой последний год в Первенстве России по хоккею среди юношей, в первой группе региона «Урал». Команда шла по чемпионату весьма уверенно, но каких же невероятных усилий это стоило. Однако класс магнитогорской школы – одной из лучших в стране – необходимо поддерживать наряду с юниорами из «Металлурга» (командой «Металлург-95» соответственно). И чем ближе выпуск, тем чаще каждый из хоккеистов старается выделиться, проявить себя, ибо впереди их ждет Молодежная хоккейная лига – серьезная и ответственная ступень профессионального хоккея. Понятно, что до нее доберутся не все.

После изнурительной тренировки в зале и особенного жесткача от Степанчука на льду большинству из молодых и горячих сейчас хотелось поразмышлять не о продолжении карьеры, драфте, будущих клубах и контрактах, а всего лишь о плотном ужине и мягкой постели.

А тут еще Тоша Малкин (не родственник, а однофамилец именитого магнитогорского хоккеиста), мельком проходивший мимо тренерской, услышал, что помощник Степанчука на общественных началах Петр Елизаров завтра едет с ними в Челябинск. До этого ведь не ездил, чем в разы облегчал их участь, позволяя игрокам хоть немного перевести дух и остерегаться гнева одного только коуча.

Огласив новость в раздевалке, Антон, худощавый, но бойкий, трудолюбивый черноволосый нападающий, разве что не вышедший подходящим ростом и достаточной массой, многих в тот вечер окончательно выбил из колеи.

– Чего-о-о?! – возмущенно протянул Артур Гайтанов, смуглый форвард со сбившимися в кучу восточными чертами лица. Многие, кто натыкался на его данные при просмотре списка игроков команды считал, что имеет место опечатка: в дате рождения стоял 1996 год, но ошибки не было.

– Чего слышал, Артурчик, – недовольно буркнул Малкин, опустившись на скамейку. – Получи фашист гранату, – он закрыл ладонями усталое лицо.

– Съездили в Челик, бля, – расшнуровывая коньки, выдал кудрявый блондин Андрей Волчин, капитан команды, всегда мысливший спокойно, трезво и философски. Он в меру начитан, однако чересчур самолюбив.

Андрюха – единственный, кто всегда спокойно и адекватно реагирует на выпады и злодеяния как самого Степанчука, так и его помощника Елизарова. Меня, как и любого человека, сооружающего хитроумные перипетии, дабы вывести из равновесия других, отсутствие обратной реакции задевает. Повторные заходы насолить, вызвать кого-то на словесный поединок заканчивались лишь наглыми усмешками, мол, меня это не берет, но ты старайся, строй из себя неадекватное посмешище. Таков этот Волчин – к нему я питаю особенные «чувства». Заключаются они еще и в том, что спортсмен Андрей умудряется успевать еще и в школе. Да так, что тянет на золотую медаль. Мне же пророчат только серебряную. Серебряную, Карл!

– Готовимся к грандиозной... – еще один кудряш Паша Брадобреев, весельчак и заводила команды, изобразил пальцами и ладонями жест, означающий жесткое совокупление. – Неужели вы еще не разработали свои задницы, пацантрэ?!

– Арс, может, ты поговоришь со своим одноклассником? Больно он распоясался. Мало я этого говнюка в школе дрючил, что ли? – рассуждал Артем Абдуллин, основной страж ворот «Магнитки-95».

Для вратаря Тема чересчур высок и худощав. Но, когда он облачается в экипировку, то умеет концентрироваться так, что вмиг закрывает ворота на замок. Так вышло, что Артем учился в параллельном с моим классе и слыл таким задирой, что хоть в окно выпрыгивай, когда он навещался к нам в класс здороваться. Нет, он не лез на кого-то с кулаками – ему стоило лишь открыть рот и выпустить на свободу свой острый язык. Поверьте, это хуже любого сокрушительного удара по носу.

– Так что ж ты, Тема, не додавил соперника на его территории? Убил бы в зародыше идею оказаться у нас – сидел бы он в своей школе и носа оттуда не высовывал, – резонно выступил Никита Зленко, габаритный короткостриженный бугай, играющий в защите.

– А я знаю почему, – резко вмешался достаточно плотный, рельефный, круглолицый паренек невысокого роста с крупными чертами лица, узкими карими глазами, золотисто-русыми непричесанными волосами, из-под которых выглядывают уши. Держится он важно и спокойно, демонстративно играет мышцами на руках и прессе. Паренек без стеснения считает себя негласным лидером этого разношерстного коллектива. – Абдуллин школу-то не особо часто посещал.

– Как и ты! – парировал голкипер.

– Почаще тебя будет, – ответил Арсений Митяев, результативный и перспективный форвард, по совместительству мой одноклассник, с которым у меня в свое время завязались какие-никакие дружеские отношения. А вообще там долгая история.

– Давай. Скажи, что ты еще и учился там?! – хохотнул Степа Кошкарский, самый высокий из всех присутствующих хоккеистов, отчего невольно стал объектом своеобразной «любви» Степанчука, который выдумывал для него все новые и новые обидные прозвища.

Плечистый и длинноногий с самого детства Кошкарский никогда не обижался. Он – человек улыбчивый и неунывающий – обладает при всех своих параметрах звонким детским головочком. Хоккеист из него вышел техничный. Причем осваивать хоккей в Магнитку он прибыл из далекого и холодного Сургута. А это подразумевает нахождение с 14-ти лет на протяжении

всего сезона (с сентября по апрель минимум) в общежитии-интернате с прочими приезжими. Степка подолгу не видит родных и очень по ним тоскует, ибо сильно привязан к семье, особенно к отцу. Именно батя после тщательного обследования всех условий в разных клубах выбрал для сына «Магнитку». Мальчик без лишних слов подчинился и ради спорта уехал от близких за тысячу километров в абсолютно незнакомый город, в незнакомую команду, перешел в незнакомую школу. В Магнитогорске ему, совершенно одному, нужно было привыкнуть, адаптироваться и начать играть, показывать себя, зарабатывать доверие. Степа быстро освоился: по большей части помогло чувство юмора. У него с Митяевым и Брандбургом вышло весьма сильное и сыгранное звено нападения.

– Конечно! Только на пятерки, – с улыбкой заявил Митяев.

– Дай угадаю. По физкультуре? – вставил Никита Глыба, защитник с запоминающейся фамилией и такими же запоминающимися внешними данными: прямыми, как спагетти, русыми волосами, массивным, словно булыжник, лицом, безэмоциональным взглядом, уставившимся куда-то в пустоту.

– Хотя бы так, – развел руками Арсений, поправляя на шее золотую цепочку с крестиком. – А ты, Абдулла, хоть раз был в своей шараге?! Или там была только твоя мама?

– Чего сам-то в училище не свалил? – спросил нападающий Сергей Соловьев, обтирая полотенцем свою практически бритую голову, по форме напоминающую орех.

– Сам не знаю. Бес попутал.

– Мне вообще в этом году ЕГЭ сдавать, – сказал Кошкарский, словно только что вспомнил об этом.

– Наши соболезнования, – произнес за всех второй вратарь Иван Пирогов, который на фоне эмоционального, энергичного, неутомимого шутника и проныры Абдуллина выглядел напуганным, тихим, замкнутым и забитым ребенком, пришедшим одним глазком глянуть на хоккеистов постарше.

– Пацаны, кто в десятом – зачем это вам вообще нужно? – спросил Кошкарский.

– По той же непонятной причине, что и тебе, – высказался форвард Богдан Чибриков, несколько самодовольный, предприимчивый парнишка с бледновато-чистым лицом, чем-то напоминающим кошачью мордочку, острыми скулами, черными неподстриженными волосами, глазами, усталыми сейчас, но горевшими диким огнем, когда необходимо задействовать хитрость, расчетливость и недюжинную сообразительность на полную катушку.

– Мне до фени по большей части. Но у меня, в отличие от Артема, хотя бы есть человек, который поможет.

– Ты это на Елизарова намекаешь? – решил уточнить Антон Филиппов, которого частенько путали с Глыбой: тоже блондин, тоже защитник, однако его внешность в небесной канцелярии рисовали более искусные художники, нежели дилетанты, которым достался Никита. Да простит он меня.

К тому же Филиппов по своей натуре помягче и имеет более сложную душевную организацию и подход к играм, чем Никитос. Правда, в данной ситуации Глыба в большинстве игровых моментов Антона превосходит, пресекая пробивными и разрушительными силовыми приемами практически все поползновения соперника на зону «Магнитки». Частенько выходит неаккуратно, отчего штрафной бокс для него как дом родной. Тем не менее это ценнее для рисунка игры, чем усилия Филиппова, отчего он близок к переходу в другую команду и в последнее время не очень-то и упирается. Такое безразличие не приветствуется – Степанчук считает дни до ухода Антона. Будь у тренера полномочия, напомню, он сплавил бы всех.

Тут с другого угла раздевалки грубым голосом взревел достаточно крупный хоккеист:

– Тебе самому-то не стремно, Арсен?! Ты команду на какое место ставишь, когда с нашим врагом в школьников играешь?! – грозно и вызывающе спросил тафгай.

Это кончилось терпение у Алексея Бречкина – быть может, самого бесшабашного, беспринципного, яростного, опасного и неуравновешенного игрока «Магнитки-95», которого или ненавидели, или боялись... или признавали его превосходство и уважали. А быть другом Бречкина означает находиться за самой стойкой из всех каменных стен – Великая Китайская нервно курит в сторонке. Пацан готов пойти на немыслимые подвиги ради себя любимого, когда трезвый, и ради своих братишек, когда пьяный или, что еще хуже, разъяренный. Не гнушается как понтами высотой с небоскреба, так и реальными действиями, порой кровавыми. Богатырской силушки ему не занимать. С ним у меня не задалось с самого начала. При этом Леха тесно дружит со многими в команде, с Митяевым в частности, что никак не мешает ему ставить на место «друзей», ссориться с ними и даже бить им морды. Однако позже можно все загладить: проставиться, потусить вместе, что Леха тоже делает с размахом и абсолютно непредсказуемой развязкой. Думаю, с его рвением, недюжинной силой и неординарной внешностью больше подошли бы бои без правил.

Леха наводит страх на многих – чувство собственного достоинства и постоянная тяга защищать свою точку зрения даже в самых неуместных ситуациях бурлят в нем как в раскаленном котле. Сам по себе парень невысокого роста, но достаточно массивного телосложения без ярко выраженного рельефа, которым щеголяют многие в команде. Бречкин же со своей мышечной массой мог с легкостью тащить за собой грузовик с песком в кузове и не замечать этого. Особенно запоминается лицо, смахивающее на квадратный герб, заостренный снизу: мясистый нос, жирные брови, узкие серо-голубые глаза, разведенные друг от друга чуть ли не на противоположные края лица, а также огромный рот, который проще назвать пастью, словно для поглощения самых больших и сочных кусков мяса. О манере вести себя промолчу – это бесцеремонно, вульгарно, хамовато, грубо и производит отталкивающее впечатление (некоторым дамам, кстати, очень по душе).

– Ты берега не путай, Бреча. И вообще. Мудрее надо быть, мужики, – таинственно произнес Митяев, надевая чистую одежду.

– Лично меня он заебал! – злобно высказался Бречкин, небрежно бросая форму в баул.

– Тебя любая мелочь выводит. Это правда, – справедливо отметил Сергей Богатырев, во внешности которого многие постоянно находят знакомые черты, якобы форвард очень похож на «одного актера», после чего все отчаянно пытаются вспомнить имя знаменитости. Ответы всегда разные. Как по мне, внешность у хоккеиста весьма заурядная. Но что-то есть от Эштона Катчера.

– Может, наш тренерский штаб таким образом хочет твой пыл померить? – предположил Саша Патрушев, еще один нападающий с наружностью карикатурного и недалекого гопника, словно из 1990-х годов, но при этом всегда с задумчивыми и серьезными гримасами. Черты лица миниатюрные, поджатые тонкие губы, сосредоточенный и несколько дерзкий взгляд из-под бровей. Глядеть на Бречкина таким взглядом он, естественно, не рискует.

– Я им умерю! – грозно рявкнул Бречкин.

– Судя по настрою Лехи, пока получается плохо, – принял участие в разговоре Дима Коротков, обладающий густой шевелюрой, вышедшей из моды в годах так 1960-х, бледным кукольным лицом со стеклянными глазами, крупными щеками и постоянно приоткрытым ртом.

– Что же мешает разобраться? – вышел из душевой худощавый и высоченный блондин Никита Зеленцов, пытаясь на ходу управиться со своими длинными волосами, напоминающими бесформенную копну соломы, высушить которую не удастся и турбине авиалайнера на полной мощности. Неряшливость в части прически отвлекает от правильно очерченного, чистого, невинного личика, которое, однако, скрывает за собой личность абсолютно безбашенную.

– Мой мир рухнет, если я увижу тебя с короткой стрижкой. А если бритым, так вообще атас, – признался переодевающийся рядом Толя Костицын. Нападающий обладает узким лицом, впалыми щеками, острым носом и угнетенным, изнеможенным, вымученным взглядом. Его светлые волосы всегда кажутся мокрыми и слегка завитыми от шлема, словно лапша в «Дошираке».

– Не зарекайся! На парики продам, – отреагировал Зеленцов.

– Ага, для бритых овец сгодятся! – заржал Толя.

– Боюсь покалечить случайно, – ответил Зеленцову Бречкин. – Проблемы еще потом иметь из-за этого мудака. А ты бы поддержал меня, Зеленка?!

Никита ответить не успел.

– Считаю, нужно сосредоточиться на вещах посерьезнее, – вернулся в разговор капитан.

– Факт остается фактом, – напомнил за Малкина мягкий, уравновешенный и всегда немногословный курносый брюнет Сергей Смурин, обладающий таким светлым и добрым взглядом, что создается впечатление, будто он весь светится. Сергей – это некий моральный камертон коллектива (в нем не вашим и не нашим, что называется). Однако я уверен, что свои секреты есть у каждого, а он умело их скрывает – когда-нибудь я до них обязательно докопаюсь. – Он едет с нами, так что забудьте о своих планах.

– Не порть настроение лишний раз. Есть кинуть? – спросил Митяев.

– Даня там, наверное, уже наготове, – предположил Паша Мухин, прислонившись спиной к стенке и обрисовав в мечтах вечеринку в Челябинске, которую они планировали. Но, кажется, все планы летят к чертям. Сейчас он еще больше возненавидел выскочку Елизарова.

– Печально, – разделил общее настроение массивный защитник Вова Шабашкин, вышедший из душа последним.

– Лошадей не гони, я сказал, – повторил Митяев. – Это всех касается. Ничего не надо отменять, – он повернулся к Брэдобрееву. – Ты кинуть дашь или нет?!

– Бери. Только немного, – заскулил Павлик, – у меня чуток осталось, а еще весь вечер впереди.

– Отсыплю столько, сколько сочту нужным. Будет время, и тебе возьму.

– Ты, как всегда, в себе уверен, Арс, – недовольно и свысока произнес Гайтанов. – Наверное, у тебя есть гениальный план, как нарушить режим, чтоб никто не заметил?

– Уж побольше соображений, чем у вас, – хвастливо заметил Арсений.

– Еще бы, ты ж у нас эксперт. Знаешь Елизарова как облупленного. И Степанчука вокруг пальца обведешь как не фиг делать, – издевательски констатировал Костицын.

– А он знает тебя, – ударил с другой стороны Денис Акмальдинов, о котором до этого словно позабыли, а он есть: маленький да удаленький паренек, уже давно потерявший интерес к хоккею, но команду почему-то не покидавший.

– Это вряд ли, – уверенно отмахнулся Митяев.

– Какое-то неуважение к нему – он тебе все, а ты ничего. Не находишь? – произнес Зеленцов.

– Не изволит ли его высочество поделиться, что же гениального родилось в его светлой головушке? – картинно поинтересовался Волчин.

– Все просто, – заявил Сеня и выждал интригующую паузу, прежде чем выдать свой план. – Мы тупо свалим и никого не спросим, – сказал он и довольно развалился на скамейке под ошарашенные взоры окружающих.

– Упасть не встать!

– Ебать-копать! Да ты стратег, щенок, – выцедил Бречкин.

– Гениально, мать твою! – театрально сыграли своеобразный «восторг» другие. – Ты серьезно?!

– Абсолютно, – спокойно ответил решительный Митяев. – Пора уже дать им понять, что никто не вправе нас удерживать. Мы ходим, где захотим. Как это и было до появления... сами знаете кого.

– Придите же в себя, мужики! – выступил в поддержку Митяева Чибриков. – Какие-то два говноезда способны нам помешать?! Вы только вспомните, из каких ситуаций мы выходили сухими. Самые классные именно те дни, когда мы с вами, парни, наплевали на все и отжигали на полную катушку. Без оглядки на тренеров, родителей, учителей. Я прав или нет? Кто мы, в самом деле, а?! Рабы?!

– Да, потрепало нас знатно. Уже за дверь выйти боимся, – согласился Филиппов.

Тут все повально стали вставать на сторону Митяева.

– А последствия? – резонно спросил сомневающийся Волчин.

– Переживем. Кто они нам такие, по-твоему?! Мама с папой, воспитатели, надзиратели? Последствия, говоришь? Поорут, мозги повыносят. Может, на трене пожестят и успокоятся. Нам не привыкать. Будто это что-то решает. До лампочки вообще! Зрелища-то на льду устраиваем мы, а не они.

– Нет, – не унимался капитан команды, – я предчувствую что-то неладное. Неспроста это.

– Да брось ты!

– Капитан нас вперед должен вести, – напомнил Кошкарский.

– А ты зассал как сучка.

– Кто за то, чтобы выбрать нового капитана?! – предложил Брадобреев, зная, что это заденет Андрея.

– Ты с нами? Или так и будешь сомневаться? Можешь, в принципе, остаться в гостинице – тебя никто не заставляет. Согласись, это ненормально, брат. Как мы без тебя? – произнес Митяев.

– Конечно, я в деле, – без особого энтузиазма согласился Волчин.

– Во-о-о-т, совсем другой разговор. Выше нос, Андрюша! – все принялись жать руки кудрявому, но Волчин все равно предчувствовал опасность. Интуиции ему не занимать – нечто в грядущей поездке его настораживало. Либо таким образом проявляется его внутренний протест из-за участия Пети в выезде.

– Так что все в силе – никакой отмены, понятно?! Когда мы под кого-либо прогибались?! Ни под кого и никогда! – объявил Арс. – А если кто-то еще хочет слиться – самое время...

– Чего отменять собрались?

От неожиданности все чуть не подпрыгнули на месте и дружно обернулись.

В раздевалке возник помощник тренера: незаметно подкрался, как и всегда.

– Что там у вас в силе? – поинтересовался я.

Воцарилась гробовая тишина, непривычная для раздевалки, не считая, конечно, первых минут после провальных игр. Белые стены, деревянные вешалки со скамьями и полками, заполненные под завязку всякой хоккейной всячиной: рюкзаками, баулами, клюшками, сумками, поилками, крагами, блинами, щитками. Казалось, что все это навалено хаотично до потолка и готово свалиться на тебя и придавить насмерть.

Тишь да гладь продержались буквально пару мгновений.

– Полнейший разнос «Мечела», конечно, – уверенно ответил Сергей Соловьев, разрядив обстановку. Все зашевелились и вернулись к делам, которые бросили – всем хотелось поскорее уйти (и без того задержались).

Я же никуда не делся – считал наслаждением лишний раз поторчать на виду, зная, что хоккеюгам это, мягко говоря, не по душе.

– Радует, что настрой на выезд подобающий. Будет очень плохо, если уделат ближайших соседей не получится.

– Если проиграем, скажем, что ты накаркал, – исподлобья зыркнул на меня Патрушев.

– Зачем постоянно проговаривать очевидное? – недовольно спросил Волчин.

– Думаю, что быстрое действие головного процессора у некоторых может слегка отставать от твоего гениального мозга, Волчин. Что ж, тогда до завтра! – выкинул я последний на сегодня козырь, думая, что они не в курсе моего участия.

Волчин резко ударил Кошкарского локтем в бок – тот мигом сообразил, что надо сделать:

– В смысле «до завтра»?! – выразил недоумение Степан.

– В коромысле, – торжествовал я. – Я еду с вами в Челябинск, ребята. С единственной целью. Чтобы до каждого дошло: выезд – это серьезное мероприятие, а не увеселительная прогулка с целью перебеситься вдалеке от дома. И я сделаю все, чтобы не допустить неповиновения. Это ясно? – количество недовольных взглядов увеличилось в геометрической прогрессии. – Чего ж вы так поникли? Здорово же! Чао бамбино, – махнул рукой я и с самодовольной ухмылкой удалился.

– Не дожدهшься, – еле слышимо фыркнул Зеленцов.

– Степанчук явно что-то почуял, – заключил Брэдобреев, оттопыривая нижнюю губу, чтобы закинуться.

Четверг, 15 декабря 2011 года, три пополудни.

Ярко светит солнце. Не согревает нисколько. Клонится к закату в столь ранний час, как это и бывает в середине декабря. Всюду искрится снежок.

На пустой парковке у старого Ледового дворца в Магнитогорске стоит автобус. Все мигом перебежали в него из помещения, на ходу закинув баулы с формой в багажник. Надевать шапки и перчатки ради пары метров никому не хочется, а ведь после душа и тренировки можно в два счета простудиться на таком трескучем морозе. Ничего страшного, сунул руки в карманы и побежал, попутно зачерпнув в кроссовки свежего снега.

Все организационные моменты выезда на мне – я всеми силами старался ничего не упустить. После подсчета хоккеистов, занявших свои места в автобусе, а также объяснения водителю проезда к пункту нашего назначения я заметил затянувшуюся возню снаружи.

Степанчук уже извелся:

– Митяев! Ты мешок с говном! Нет, ты говно с мешком! Шевелись!

– Что здесь такое? – вылез на мороз я.

– Я хочу выехать через минуту. Разберись, или оба тут останетесь, – рывкнул тренер и залез обратно в салон. – Без вас управимся.

«Это вряд ли», – мысль промелькнула синхронно и у меня, и у Митяева.

– Ну чего, умник, получил? – улыбнулся Арсений. – Помогай.

– Не думал я, что ты такой тормозной, Арся. Знаешь, особо не хочется в темноте там шароухаться.

– Видишь, место ищут – не лезет, блядь такая, – Митяев придерживал коленкой бесформенную сумку, одновременно пытаясь запихнуть ее голыми руками между чужими баулами.

– Дорога и без того выматывает всех. А вам бы еще выспаться и сыграть нормально. Ради вашего же блага, – констатировал я. – Так что быстрее доберемся – больше будет времени на... А чего это у тебя за махина такая, скажи-ка мне на милость?

– Сухпак.

– Для целой роты солдат?!

– Для всех.

– А ну-ка покажи.

– Петь...

– Открывай – не задерживай остальных, – настоял я.

Митяев и не думал сдаваться, лишь безысходно бросил на землю тяжеленную сумку так, будто в ней ничего особо ценного нет. Подумаешь, пару бутылочек для разогрева в потайных карманах, а остальное всего лишь продукты. И Елизарову необязательно сообщать, что продукты не на ужин, а в качестве закуски (спиртным их на месте снабдит Данил Озеров).

– Колбаска, лимоны, апельсины – не слишком роскошно? – осмотрел содержимое сумки я.

– Белки и витамины. Да что ты вообще понимаешь в правильном питании?! – недовольно топтался на месте Митяев.

– И всегда на выезды вы так серьезно затариваетесь?

– Спрашивает человек, который едет с нами в первый раз, – твердил он. – Петь, не задерживай остальных.

Вдвоем мы все же всунули провиант в багажный отсек.

– Можем отправляться, – зашел в автобус я, проводив взглядом Митяева, присевшего рядом с Брадобреевым. – Педаль в пол.

Я кивнул в сторону тренера, ожидая подтверждения.

– А ты ничего не забыл? – словно намекая на очевидное, спросил Степанчук.

– Нет, – уверенно заявил я.

– Смотри мне, – с презрением протянул он и отвернулся к окну.

«Черт, зачем он так? Это как спросить, а выключил ли ты утюг в собственной квартире на другом конце города, которую второпях покидал. Зато есть повод еще раз перебрать бумаги. Все однозначно будет при мне, ибо я завел привычку собираться с вечера. А если б тренер промолчал, я бы не озадачился, – подумалось мне. – Эх, плакала спокойная дорога».

– Ну как там? – все в округе развернулись, привстав с мест и взявшись за спинки кресел, устремив взгляды на Арсения.

– Порядок. Но чтоб я еще раз тащил все это добро.

– Оно и твое тоже.

– Потихе, – шикнул Акмальдинов.

– Упаковывать вас надо учить, недотепы, – бросил Митяев, оглядываясь в мою сторону. Я же ушел на свободное сиденье позади и принялся рыться в рюкзаке.

– Мне кажется, он все равно что-то подозревает, – поделился Коротков.

– Да брось ты. Я все сделал чисто, – заверил Митяев.

– Он уже собаку съел на нас – думаешь, ничего не найдя в сумке, он успокоится? Ты debil, если так считаешь, – произнес Абдуллин.

– Мне лучше знать, – заявил Митяев, понарошку замахнувшись на Артема своим тяжелым кулаком. Тот демонстративно задрожал, прикрылся руками и плюхнулся на место, не скрывая улыбки.

– Не на том вы сконцентрированы, мужики, – с выражением полнейшего безразличия заявил Волчин. – Расслабьтесь.

– А кто тогда вчера дрожал больше всех, а? Закинул успокоительного, капитан? – спросил Андрея Антон Малкин.

– Предчувствие и сейчас есть, – не подал вида Волчин. – А этот человек не стоит ваших переживаний, поверьте. Загнались вы, ребята. Причем конкретно.

– Кэп прав, – согласился Глыба. – Пора завязывать.

– Тебе лишь бы поспать, – отметил Бречкин.

– Кто, чем любит, тем и занимается в пути.

– Тогда спокойной ночи! – из-за спинки кресла Глыбы выскочил Кошкарский и натянул шапку Никиты ему же на глаза.

Выезд – рядовое мероприятие для хоккеистов. Именно так они и бывают во множестве мест, причем не единожды. И дело даже не в осмотре достопримечательностей. Часто все ограничивается гостиницами, ледовыми дворцами и кафешками на выезде. Но в каждом из таких городов хоккеисты оставляют частичку себя (особенно в молодые годы). Там случаются знаковые игры, проходят беспощадные летние сборы. Или же команда попадает в передраги, благодаря которым становится ясно, кто и из какого теста сделан. Либо, наоборот, происходят умирительные, порой сумасбродные истории, которые сплачивают хоккеистов, оставляют после себя незабываемые воспоминания. Случаются и мимолетные знакомства с девушками.

Стоит лишь обозначить название города, как, например, Арсений мигом припомнит что-либо памятное оттуда. «А что для парней значит Челябинск? Надо бы спросить, – подумал я. – Ах да, вспомнил – со мной, наверное, только Митяев нормально поговорит».

Переезды – неотъемлемая часть жизни спортсменов. В изнурительных дальних поездках хоккеисты знают, чем заняться: кто-то вдоволь высыпается, кто-то читает, кто-то зависает в телефонах. Вот и сейчас все при деле. Автобус едет неторопливо. Я же решил поразмышлять. Над чем? Как обычно: а что, собственно, я тут делаю?

Я словно делал очередную запись в дневнике (когда-нибудь уже напишу книгу): *«Шел третий месяц моего пребывания в хоккейной школе. Нет, не в качестве спортсмена. Вы мне льстите. По течению обстоятельств я – помощник тренера на общественных началах. Да, из той же возрастной категории, что и хоккеисты «Магнитки-95». Но из совершенно противоположной среды. Поэтому ожидаемого совпадения в мыслях и действиях не случилось, но было нечто другое, что я открыл в себе и что пришлось по нраву тренеру. У меня полный воспитательный карт-бланш, поле для интриг и экспериментов над пацанами, которых я считал зазнавшимися и тицеславными. Я испытывал их, пользуясь положением, заставляя работать, не отлынивать и повиноваться, показывая, как они не правы. Без оглядки на себя – человека с ворохом проблем и комплексов. Что ж сказать: приходится, иногда даже нравится. Чего я только не придумывал, чтобы заставить их работать – на пару с тренером прекрасно получается страшить, поучать, манипулировать, издеваться. Ради дела, ради успеха, ради их же блага. У парней ведь гормональный взрыв, корона на башке, необоснованная установка на усиленное сопротивление, собственную неповторимость и превосходство. Но с каждым днем я все больше осознаю, что это условности, стереотипы о хоккеистах. Люди, конечно, разные бывают, но... правильно ли мы поступаем? Парни ведь сами по себе нормальные – порой удивляют, открывают мне новый мир, невольно заставляют под другим углом смотреть на хоккей, на них самих и на собственную жизнь. Сложно что-то доказать закрывшемуся и нелюдимому человеку, вбившему себе в голову единственную цель и единственную правду, основанную на непроверенных домыслах. Пока что я собственноручно сделал себя их главным врагом. При этом стал где-то смягчаться, защищать, страховать, наставлять. Тренер находил эту работу необязательной: они не дети, чтобы их воспитывать – пора бы уже соответствовать (не в детском саду ведь). А они все ему наперекор, вот он и обозлился пуце некуда, возненавидел их. И совершенно случайно нашел меня. Случился своеобразный «ход конем», когда появился и когда до них дошло, что я собираюсь здесь вытворять. Они подумали, что это шутка. Они могли с легкостью выбросить такого ботана, как я, из хоккейной школы. Однако я задержался, меня оказалось не так просто отодрать – прям как жвачку от линолеума. Я так хотел этого общества, и вот оно кинулось в мои объятия и поглотило с головой. Задача стояла ясно: любыми способами навести порядок, поставить дисциплину, отслеживать результаты расхлябанных и разнузданных парней, думающих только о себе, сделать из них команду, дать им понять, как нужно настраиваться и бороться. Несогласных следовало подавить. Или, как я интерпретировал это, «убедить». Спору нет, я хорошо продвинулся: Митяев, Глыба, Кошкарский, Вольский (с последним, конечно, жуткий перегиб вышел). Объемное досье на каждого со всей подноготной я перегибом не считал – это, скорее, необходи-*

мость. Мне интересно выяснять, выслеживать, вживаться в роль, которую я играл для них и для себя самого. Но я с каждым разом все сильнее осознавал, что это лишь спектакль. Команда оставалась командой, и перевес, благодаря моей работе с отдельными людьми, пока не превосходил всеобщего мнения о том, что я враг и от меня нужно избавиться. Когда мы жестили, стремительно росли показатели, побед прибавилось, как и борьбы, как и конкуренции внутри коллектива. Пацаны стали дисциплинированы, мотивированны, стали покорнее. Едиными стали, наверное, в общем порыве сопротивления мне и моим методам. Тот же результат. Но какой ценой? Мне оставалось продолжать в том же духе – закрыться панцирем строгого, неадекватного, ненормального циника-мизантропа и попирать приличие и здравый смысл в работе с хоккеистами. Стоило ли об этом размышлять сейчас? Неужто я посмел размякнуть, будто сухарик в бульоне? «Заигрался, Петь!» Кто так сказал? Арсений? А ведь к этому невозможно привыкнуть, но мне нравится, ибо хоть где-то я имею вес, власть какую-никакую. Играя в неуравновешенного сатрапа, я стал превращаться в него в реальности. Пока отвлекался грязной работенкой, которую тренер делать не хотел либо просто-напросто не успевал...», – мы чересчур заговорились – не время поддаваться унынию из-за собственного желания выделиться. К тому же сейчас, кажется, будет остановка.

Остановились в Степном (на середине пути между Магнитогорском и Челябинском), чтобы размяться, перекусить и хлебнуть согревающего кофейка.

Пока тренер полетел в сортир, а я оглядывал бескрайние заснеженные поля, раскинувшиеся вокруг автостанции, хоккеисты незаметно сбились в кучку в одной из столовок.

– Говорю вам, все накрылось, – переживал Мухин – ему прямо-таки не терпится пуститься во все тяжкие. Остальные сохраняли внешнее спокойствие.

– Надо бы спросить у Волчина успокоительные таблеточки, которые он принимает, – шепнул Короткову Богатырев. – И Мухину предложить.

– Еще кто-нибудь задумает посеять панику, – злобно высказался Митяев, – того я в асфальт закатаю.

– Я тебе помогу, – поддержал Бречкин.

– Вы оба хороши, – вставил Волчин, – кто ж зимой асфальт кладет?

– Известно кто – российские дорожники. И в дождь, и в снег. Так что все нормально, – хохотнул Брадобреев.

– А знаете, Арсен вчера дело сказал, – начал Сергей Смурин, взяв пару пирожков в буфете.

– И в чем именно оно заключается? – поинтересовался Абдуллин.

– Что твоя мама за тебя учится в шараге! – вставил Кошкарский с ухмылкой до ушей.

– Нет. В том, что нужно действовать просто и ничего не выдумывать, – продолжил Смурин.

– Будто он когда-то поступал нестандартно, – выразил недоверие Зленко.

– Ты считаешь меня скучным?! Пойдем-ка выйдем, – демонстративно похрустел костяшками на пальцах Митяев.

– И какой же у тебя план? – спросил Соловьев.

– Надо просто взять его с собой, – предложил Смурин.

Все замолчали.

– Кого?

Елизарова – с собой. С собой – Елизарова. В голове не укладывается.

– Да вы рехнулись. Оба! – воскликнул Леша Бречкин.

– Я вижу его насквозь, – продолжал гнуть свою линию Смурин. – Все, что нам нужно сделать – это предложить ему выпить, расслабиться, повеселиться, поглазеть на баб...

– Прошу – остановись, – даже фантазер Брадобреев не мог представить себе такого расклада.

– ...А уже потом, – Смурин загадочно улыбнулся, – мы предоставлены самим себе.
– Ты, Серега, до этой части наших вечеринок обычно живым не добираешься, – хвастливо отметил Чибриков.

– Думаешь, прокатит? – задумался Кошкарский.

– К гадалке не ходи, – заверил Смурин.

– Напоминает сюжет какой-то тупой комедии, где двоечники набухивают ботанов, – скептически отнесся к предложению Патрушев.

– В серой жизни таких экземпляров, как он, огонька-то как раз и не хватает. Все, что мы запланировали, ему и не снилось, – убеждал одноклубников Смурин. – Арс, чего скажешь?

Митяев задумался:

– Отчасти ты прав.

– Вы польнь, что ли, курите?! – считал затею глупой Филиппов. – Ха-ха, хотел бы я посмотреть на того смельчака, кто предложит Пете такое.

– А если он откажется, но отпустит нас в благодарность за предложение, которое ему никогда никто не делал?

– Так делать не стоит, – решительно хлопнул ладонью по столу Митяев.

«Лучше я проделаю это сам. И в другой раз», – идея ему приглянулась.

17-й номер продолжил:

– К этой работе он относится очень серьезно. Даже если ему реально нужны такие развлечения, даже если он очень захочет, все равно не пойдет на такое. Знаете, какой кондратий его хватит. Да и таких слов никому из нас не подобрать. Рано ему пока... В данный момент он с удовольствием заложит нас Степанчуку, – констатировал Митяев.

– Но попытка не...

– Никаких попыток!

– А чего это ты раскомандовался?! Ты кто здесь?!

– Я тот самый человек, который лучше всего знает, с кем мы столкнулись. А если кто-то хочет поэкспериментировать – пожалуйста! Но если я не схожу в клубешник в Челике, то этот человек, кто нас предаст, будет отвечать передо мной по всей строгости. И я уверен, что так же думают все здесь присутствующие. Я не прав?

Все промолчали.

– Вы даже представить не можете, насколько это странный, догадливый и принципиальный человек, – продолжил Митяев.

– Да в жопу! Какие у очкастого могут быть принципы?! – терял терпение Бречкин.

– Знаешь, в чем сложность, Леха? – спокойно отвечал Арсений. – Эти принципы нам, наверное, не понять никогда. Как и этого человека. Я, кажется, чего-то начал понимать, когда стал тесно с ним общаться в школе. В людях я, безусловно, шарю, но даже это неподвластно моему пониманию. Многие для него не так, как для нас. И наоборот.

– Да уж, в изложении материала тебе нет равных, – саркастически заявил Волчин.

– Пора идти, – напомнил Пирогов.

Позже в автобусе, мчавшемся по заснеженной трассе дальше, разговор продолжился:

– У нас явно дефицит идей, братва, – констатировал Вова Шабашкин.

– У меня идеи появляются, когда я бухаю, – заявил Бradoбреев.

– А как же игры? – спросил Гайтанов. – Там же выдумывать надо.

– Это другое, – капризно ответил Паша.

– Только вот идеи нужны сейчас, – вздохнул Никита Глыба.

– Так ведь у нас же есть в багажнике, – осенило Павлика.

– Заткнись на хрен! Ты совсем идиот? На хуя так орать? – процедил сквозь зубы Чибриков.

– Я еще и не орал толком.

- Тихо, – шикнул Малкин. – Мы так палимся, что он уже обо всем просек.
- Надо же что-то делать, – вернулся к актуальной теме Зеленцов.
- Если сваливать из гостиницы незаметно, это заведомо проигрыш – нас много, – начал рассуждать Костицын.
- Чур, я не останусь, – воскликнул Тема Абдуллин.
- Ты, Толик, мистер очевидность. У этого засранца не то что пара глаз – их аж четыре.
- А это вариант. Очки раскрошить, – предложил Костицын. – Типа случайно.
- Чтоб он потом раскрошил тебе мозги? – отреагировал Коротков.
- Не получится, – парировал Митяев. – Он запасные очки носит с собой. Чего размышлять? Будем действовать по ситуации. Как на игре.
- Я к другим играм привык.
- Эх, как я хочу гульнуть, – потянулся в предвкушении Бладобреев.
- Не ты один.
- Это вообще самоубийство – делать такое на выезде, – внезапно выдал Пировов.
- Всегда же так делали, – Абдуллин не понял коллегу по вратарскому цеху.
- Ты забыл. Он же в гостинице засыпает постоянно, потому и не в теме, – напомнил Артему Зеленцов.
- Точняк.
- Хочу напомнить, что у нас впереди две игры так-то, – дабы отвлечься, объявил Смурин.
- В Челике полным-полно зачетных хоккеистов. Многие о них говорят, – начал Зеленцов.
- Например? – попросил уточнения Митяев, чтобы знать фамилии потенциальных конкурентов.
- Шаров и Закарлюкин в «Тракторе» смотрятся неплохо, – ответил Смурин.
- Я слышал, что самый лютый там Валера Ничушкин.
- О нем мы все слышали, – отреагировал Митяев.
- Претендент в сборную. Нас вот почему-то не приглашают никого.
- Меня только в форме сфоткали, – сказал себе под нос Кошкарский.
- Сборная – это не главное.
- Говори за себя.
- Скажите лучше, что там по «Мечелу»? – попросил Арсений. – Мы же не с «Трактором» пластаться едем.
- Цапаев там защ неплохой. Лучевников еще.
- Э-э, защита! Пасите завтра своих коллег, – предупредил Митяев. – Что по нападающим?
- Борисенков, говорят, ничего.
- Не помню такого, – сказал Митяев.
- И вообще, – ворвался в разговор Никита Зленко. – Зачетные они там или нет. Какая разница? Ведь их целый автобус из Магнитки едет рвать!
- Аминь!
- Вы чего, на утреннике, что ли?! Цыц! – пробудился от шума Степанчук.
- Отличный тост, кстати, – тихо заметил Степан Кошкарский.
- Говорите тише, в самом деле, – Малкин взглядом указал на Елизарова, сидящего позади с задумчивым видом.
- Сбежать от него – это как играть на уровне «эксперт».
- Когда он нам мешал? – уверенно произнес Митяев.
- «Снова-здорово», – огорчился Смурин. Опять все вернулись к теме, от которой он их отвлек.

Краем уха слушая диалоги, Волчин – голос разума и здравого скептицизма – тихо прошептал:

– Добром это все не кончится.

«Мы адресом не ошиблись?» – тем вечером этот закономерный вопрос возник у всех без исключения. Один я был уверен, что все верно.

– Товарищ помощник тренера, протрите свои окуляры и посмотрите адрес еще раз, – выдал во всеуслышание Волчин.

Его поддержали:

– Ну и хуйня.

– Сколько раз были в Челике и ни разу тут не останавливались.

– В первый и в последний раз согласен с дефективными, – недовольно признал тренер. – Ты куда нас завез? – Степанчук обратился к водителю.

– Куда он сказал, – отмахнулся водитель, указывая на меня.

Мой растерянный взгляд встретился со взглядом разъяренным:

– Вот же, бумага из клуба. Черным по белому: город Челябинск, улица Комсомольская, дом 18, пятый этаж, гостиница.

– К твоему сведению, гостиница и общежитие – это небо и земля. А это, – показал пальцем Зленко, – общага!

– Смысл тот же. И чего ты куksiшься, Зленко?! Скромнее нужно жить – ты не английская королева.

– Меня нет в этих списках, – заявил Степанчук, хотя ни к одной из бумажек даже не прикасался.

– Ну как же нет, когда вот.

– Нет!

– А вот и есть!

– А вот и нет!

– Как дети, в самом деле, – недовольно цыкнул позади Глыба.

– Хлебало завали! – рявкнул на него Степанчук.

– Вот же написано: «Степанчук», С-т-е-п-а-н-ч-у-к!

– Ишь подстава, вашу в душу! – заглянул в бумаги тренер и мигом переобулся. – Чего застыли?! Марш на выход, фигуристы! И чтоб ни слова! А кому не нравится и есть свободные деньги, пожалуйста – весь город к вашим услугам. Хоть на все четыре стороны. Поставим прогул.

Все принялись выгружаться.

– Деды ваши, – вещал я, – когда строили Магнитогорск, вообще в землянках жили.

– В XXI веке неуместно приводить такой пример, – недовольно отметил Волчин.

– Неуместно не уважать память ушедших, – буркнул Степанчук, растолкав хоккеистов на пути к багажному отделению автобуса.

Уже стемнело – ехали долго. Но даже в потемках все смогли узреть злчную, пошарпанную, блочную девятиэтажную общагу с деревянными окнами, решетчатым крыльцом, похожим на тюремный КПП, и с черной пожарной лестницей, что выделяется на фоне грязно-белых стен до самой плоской крыши.

Всюду неприветливые завалинки, стоянки, ржавые гаражи. И многоэтажки тут как тут. Позади пролегает улица Цвиллинга, освещенная оранжевыми огнями; по ней с грохотом проносятся трамвай. В глубине квартала сверкает бело-красная вывеска магазина «Пятерочка». В воздухе витает запах угля – рукой подать до вокзала. Из общаги вышла покурить какая-то шпана и устала на подъехавший автобус и хоккеистов.

– Все злчные места этого города уже собрали, – недовольно констатировал Чибриков.

– Ну и дыра-а-а, – протянул Абдуллин.

– Ты только такие дырки у нас собирать и умеешь. Они-то разные бывают, так что нечего вздыхать, Тема! – троллил Абдуллина Митяев. – Как насчет других дырочек, а?!

– Отставить разговоры! – громко скомандовал я.

– Кто-то хорошенько сэкономил на нас, – приговаривал Смурин.

– Не исключено, – поддержал Волчин.

Я подошел к водителю автобуса.

– Вы разве не с нами?

– Нет, родственники живут недалеко. Перекантуюсь у них, – ответил водила.

– Вот! Самый прошаренный из нас – это водила. Ни за что не будет ночевать в этой помойке, – заявил Бречкин.

– Хватит ныть! – обернулся я. – Вы мужики или кто?! Вам из зоны комфорта иногда полезно выйти, чтобы жизнь медом не казалась.

– Чего ты ему пытаешься доказать?! – обратился ко мне Степанчук. – Этот хер больше всех здесь охерел.

– Будто у нас есть выбор, парни, – трезво взглянул на ситуацию Малкин.

– Это понятно. Но я буду из принципа злить этого козла, чтобы больше на выезды не совался.

– Ха, удачи!

– Завтра к десяти часам подъезжайте, – договорился с водителем я.

– Заметано. Спокойной ночи, парни, – саркастично выдал тот, отгоняя неповоротливую машину.

– Проходим, проходим, – скомандовал хоккеистам Степанчук. Ему хотелось поскорее покончить со всем этим.

– Только после вас, – галантно выдал Абдуллин.

– Хм, словно там японку делают, – ответил я, проходя впереди. – Курам на смех.

Внутри хуже, чем снаружи. Окрашенные густой зеленой краской стены, тусклый свет, местами растрескавшийся бордовый кафель на полу. Потрепанный жизнью вахтер, сидящий за столом меж решеток, выполненных в виде распускающихся цветов. Впереди узкие коричневые двери лифта и лестницы по обе стороны от него. Обстановка – будто в морге.

– Я недавно играл в «S.T.A.L.K.E.R.». Чернобыль отдыхает по сравнению с этим местом.

– И как только люди здесь живут?

Разговорчики в рядах хоккеистов не могли пройти мимо меня:

– Радуйся, что тебе повезло родиться, вырасти и до сих пор проживать в отдельном доме.

А кто-то и такой роскоши не видел. Так что захлопнись и иди.

От большого количества разом зашедших гостей охранник вскочил с нагретого места, чтобы лучше видеть. Баулы шумно грохотали; хоккеисты же гоготали о своем.

– Куда это вы... все? – спросил вахтер, подойдя ко мне – я стоял в сторонке и отмечал всех в списке по фамилиям.

– В гостиницу. Вот бумаги, – махнул я каким-то побочным документом у носа охранника, не обращая на него внимания.

– Вам на пятый этаж. Не ошибетесь.

– А разве этот дом не целиком гостиница? – поинтересовался я.

– Только пятый этаж. И немножечко четвертый.

– Оформляться где?

– На пятом.

– А остальное тогда что?

– Общежитие Челябинского государственного колледжа.

У меня сразу же возник животрепещущий вопрос:

– Дамское?

- Нет.
- Это радует.
- Общее.
- Уже полбеда.
- А вас откуда так много?

Я решил проигнорировать вопрос вахтера – вдруг он фанат «Трактора» – и протиснуться поближе к лифту через толпу хоккейщиков.

Чуть только двери лифта стали со скрипом распахиваться, мы со Степанчуком синхронно юркнули в кабину (внутри тесновато). Видели бы вы физиономии остальных.

– А вот хрен вам, а не лифт, – воскликнул я. – Идете пешочком. Вместо вечерней пробежки. Пятый этаж.

Брадобреева аж передернуло:

– Ух, гнида! – сорвался с места Павлик, бросив баул на пол. Только пятки засверкали. Он понесся вверх, перепрыгивая по две, а то и по три ступеньки. И все ради того, чтобы на каждом этаже успеть нажать кнопку вызова лифта.

Не успела кабина набрать ход, как тут же застопорилась. На втором этаже нам показалось, что лифт умудрился вызвать какой-то лентяй, которому быстрее спуститься вниз на своих двоих. Остановка на третьем этаже насторожила меня и начала злить Степанчука, ибо лифт медленно притормаживал, а скрипучие шестерни натужно открывали дверцы, при этом кнопки их автоматического закрытия в таких допотопных устройствах еще не изобрели. А команда уже всю поднималась на нужный этаж, проходя мимо открытых дверей лифта, еле сдерживая смех. На четвертом этаже Степанчук вытолкнул меня из кабины. В холл гостиницы на пятом этаже я ворвался как отряд ОМОНа – тяжелые створчатые двери от моего удара чуть с петель не слетели.

Кто-то стоит у закрытой двери с табличкой «Комендант», кто-то сидит на больших черных диванах в холле, а кому не досталось места, задумчиво мнут баулы. Сканируя упырей грозным взглядом, я заметил затейника тупой шутки с лифтом – самым развеселым и хихикающим был слегка запыхавшийся Брадобреев, сидевший на корточках у стены.

- Я так и знал, что это ты, недоразумение! Обоссайте его кто-нибудь!
- С чего бы? Мы разделяем его поступок.

Я взглянул на Митяева:

– Ну хотя бы ты, Арсений. По-братски.

– Э-э, нет, Петя, так не пойдет, – увильнул он. – Сейчас мы с тобой в служебной поездке, поэтому ты не мой друг, а помощник тренера. Сам же так говорил, помнишь? Так что прости. Ничего личного.

– Понятно, – досадно вздохнул я. – Попроси у меня еще помощи в школе.

– Да я тебя знаю. Все равно поможешь.

– И ты этим пользуешься, – я ткнул ему в грудь указательным пальцем.

– Жалкое зрелище, – не мог смотреть на нас Бречкин, поэтому закатил глаза и отвернулся.

– БРАДОБРЕЕВ!!! – взревел Степанчук. Он стоял меж дверей, словно голодный медведь, спячку которого бесцеремонно прервали. – Лег и отжался 50 раз! На кулаках! И чтоб пол целовал, глиста кудрявая!

– Но... тренер...

– Лег, я сказал!!! А если сейчас кто-нибудь из вас, пидарасы, хоть слово выплюнет, будет на улице ночевать!

Его строгий клетот, кажется, слышали на всех этажах и перекрестились.

– Что тут происходит?! – визгливо-протяжным голосом, напоминающим звук лобзика, произнесла низковатая бабулька с крашенными в ярко-рыжий цвет волосами, уложенными

стрижкой боб. Она возникла с помытой кружкой в руках в темном коридоре, ведущем в первый блок. В противоположном конце главного холла, аккуратно по диагонали, такой же коридор уходил в другой блок. Хоккеры загораживали женщине не то что обзор, а весь белый свет. – Что вы так орете? Надо же. Откуда ж вы свалились на мою голову? – она протиснулась к своей комнатухе и отворила ее, озираясь на отжимающегося Брадобреева.

Я мигом принялся решать вопросы, пройдя следом. Интерьер ее комнатки перенес меня в СССР (хоть я его и не застал): чисто советский письменный стол со стеклом, под которым лежат какие-то записочки; настольная лампа, источавшая желтый свет и одновременно служившая обогревателем; мерно считающие секунды часы с маятником; чисто советский стул для посетителей, жесткий и без излишеств; кресло для коменданта, получше стула, но не конкурент нынешним диванам, поглощающим пятые точки своей мягкостью. Платяной шкаф в углу; холодильник, способный выдержать ядерный взрыв; телевизор, способный этот взрыв спровоцировать; калорифер посреди комнаты, советские занавески, тахта, подкладка которой уже давно превратилась в пыль, как и одна из ножек, под которую подложены ветхие книги. На стене ковер, узоры которого можно разглядывать часами. И все перечисленное исполнено исключительно в оттенках красного: от темно-бордового до цвета разбавленной томатной пасты.

– Здравствуйте, товарищ комендант! Вот мы и прибыли.

– Меня сейчас больше заботит то, что вы мне там натоптали в коридоре всей толпой.

– Тысяча извинений, – раскланялся я. – Ну-ка все живо тапки надели!

Бабулька уселась за стол, надела очки, висевшие у нее на шее, и с упреком спросила, недоумевая, почему говорю я, а не кто-то из «взрослых»:

– И кто ж вы такие? И почему вас так много? – вроде бы она недовольна, но в то же время заинтригована множеством прибывших в ее смену гостей.

Я обернулся и обнаружил, что хоккеисты стоят прямо за моей спиной (в комнате, в дверях, в коридоре) и приветливо глядят на коменданта, чего-то ожидая. «Ждут, когда к ним выйдет носильщик или портье? Или как этих мальчишек называют, которые подхватывают твой багаж в отелях, а потом кланчат чаевые?» – подумал я.

– И чего ты глаза вытаращил? – крикнул мне откуда-то из толпы Степанчук. – Разбейся!

Я достал все необходимые бумаги, приветливо улыбнулся коменданту и уселся на стул с противоположной стороны стола:

– Вы, верно, не поняли, сударыня. У нас забронировано.

– Не знаю, не знаю, – выделывалась она. – На всех вас комнат не хватит. У меня тут должны металлурги из Магнитогорска приехать.

– Так это мы, – воскликнул Абдуллин.

– Больно вы молодые для такого производства, – не поверила комендант. – Мой муж всю жизнь ЧМК отдал. Так его в горячий цех только в 40 лет запустили.

– Ну, – ответил я, – до настоящих металлургов нам далеко, но тем не менее мы команда «Магнитка-95». Хоккейная. Почти «Металлург», но слегка иначе.

Бабушка удивленно посмотрела на меня. Затем на толпу в дверях.

– Ей-богу, не разбираюсь я в этом вашем хоккее.

– Очень, кстати, зря, – продолжил располагающую беседу я. – Я тоже раньше относился к нему равнодушно. Но вскоре изменил мнение... благодаря кое-кому.

– Ага! Из-за твоих убеждений и из-за кое-кого, – Соловьев презрительно посмотрел на Митяева, – мы тут вешаемся третий месяц.

– Я мог бы сегодня с превеликим удовольствием за чашечкой чая с шоколадкой объяснить, почему хоккей заслуживает вашего внимания. Не конкретно это нелепое отродье позади меня, а вообще, – сказал я и выудил из кармана припасенную плитку шоколада.

– Ой, а вот этого не надо. Сейчас просьбы последуют – не хочу, – отвернула нос она. – Я вообще взяток не беру.

– Не в России, что ли, живете? – ляпнул кто-то из пацанов.

– Это не взятка, а подарок. И вообще она уже лежала на вашем столе, когда мы пришли. У меня целых 25 свидетелей это подтвердят. Да? А ну-ка закивали быстро, – хоккеюги подчинились.

– А ты, я смотрю, еще тот, – с улыбкой пригрозила мне комендант.

– Это ради наших хороших отношений в последующие два дня. От чистого сердца и от всей команды.

– Я ведь на работе.

– Вряд ли ваше место относится к должностям государственной, муниципальной, военной или правоохранительной службы. Так что никакого криминала. Дайте угадаю: вы бывший партийный работник?

– Да. А как вы...

– Случайно догадался. Перейдем к делу: как насчет хороших комнат для этих богатырей, готовых доблестно ковать победы на земле челябинской?

– Поможем, чем сможем, – заверила комендант и ловко скоммуниздила шоколадку. Я повернулся и одним только взглядом дал понять присутствующим о том, как нужно решать дела – сейчас нам все сделают по высшему разряду, если такой речевой оборот вообще можно применить к данному месту.

– Лучше б ты обольстил администратора в отеле получше, – с недовольством высказался кто-то. Похоже на голос Волчина.

– Что ж, заселим вас, как полагается. Не пять звезд, конечно, но...

– Не переживайте. Мы привыкли к спартанским условиям.

– Я еще подумала, чего ж вас так много – в Магнитогорске, что ли, полкомбината оголили? Хоть воздух там немного очистится. А вы, оказывается, спортсмены, – приготавливала потрепанные журналы она.

– Паспорта гоните, – подошел я к хоккеистам. Все принялись лазить по ручной клади. – Можно было и заранее приготовить.

– А если ты кредит на нас возьмешь? Я не доверяю тебе свой паспорт, – заартачился Абдуллин.

– Эта тетушка не похожа на сотрудника банка, так что давай в темпе, – торопил вратаря Степанчук.

– Если только сберкассы, – хохотнул Бречкин.

– А недееспособным, Абдуллин, кредиты не выдают. Тебе бояться нечего, – я выхватил паспорт из его рук под улюлюканье окружающих.

Она принялась заглядывать в паспорта, заполнять журнал, а также мелом вписывать фамилии в разлинованные клеточки с номерами комнат на коричневой доске на стене, напоминающей школьную.

Все ожидали окончания процесса в холле. Когда почти все паспорта были просмотрены, комендант внезапно отвлеклась и пристально посмотрела на меня.

– Вас что-то беспокоит, Галина Степановна? – так ее звали.

– Беспокоит, – пробурчала она.

– Ну так скажите. Решим любую проблему, – заверил я.

– Мальчики ваши беспокоят, – стучала ручкой по столу она.

– Поверьте, они вызывают смешанные чувства у всех. И они не совсем мои, слава Богу. Только в меру. Но я гарантирую, что неудобств они не создадут.

– Вы, Петр, сами-то от них недалеко ушли, – намекнула на мой возраст она.

– Я вообще-то человек ответственный и приличный.

– А я не об этом.

– Понятно. 16-летие никак не помешало мне стать ассистентом тренера и политруком этой своры, – немного оскорбился я.

– Я же, в отличие от вас, многое повидала в жизни. В том числе и на этом месте, – сложила руки на груди она, откинувшись на спинку креслица. – Чего я только не видела. А пацаны молодые. Симпатичные. На этом этаже гостиница, а вокруг все-таки общежитие. Не совсем спортивное. И не совсем мужское.

– И в чем проблема?

– Вы зря ему объясняете. Он не понимает связи, – произнес заглянувший в комнату Митяев.

– Прикуси язык!

– А девчонки на этаже симпатичные живут? – шутливо (или вполне серьезно) поинтересовался у коменданта Брадобреев.

Я хлопнул кулаком по столу:

– Вышли отсюда. Оба!

– Видите, – показал на меня пальцем Арсен. – Об этом я и говорю.

– Галина Степановна, уверяю вас, что после игр и тренировок им будет не до девушек. Я переговорю с тренером, и эти двое получают особую программу.

Пока я уламывал коменданта не смотреть на нас подозрительно, в холле состоялась следующая сценка. Из дальнего коридора, ведущего в один из блоков, на хоккеистов поглядывали две девчонки в совершенно домашней одежде, с полотенцами, мылом и зубными щетками в руках. Улыбались, о чем-то шептались, поглядывали то на одного, то на другого. После долгой дороги многие пацаны притомились и девчат не заметили. Кроме Никиты Зеленцова и стоящего рядом Вани Пирогова.

– Гляди-ка, – ткнул локтем второго вратаря Зеленцов, указывая на девчонок. Те были не то чтоб писанные красавицы, но омерзения не вызывали.

– Ага, – без особого интереса отреагировал Пирогов. – Только не говори, что ты...

– Ты подумал о том же, о чем и я? – не спускал глаз с дам Зеленцов.

– Как раз наоборот, – ответил Пирогов. – Не думаешь ли ты, что сейчас, мягко говоря, не та ситуация, чтобы путаться с кем-то?

– А что мешает? – голова Зеленцова наполнилась всевозможными стратегиями физического овладения той, что слева, низенькой и светленькой девчонки. Вторая же обладала восточной внешностью: жгучая, смуглая, черноглазая. Такие Зеленцова не привлекают – по крайней мере, трезвого.

– И что, и кто, – негодовал Пирогов. – Во-первых, у коменданта сидит человек, который тебе не только кайф, но и хребет за такое поломает. Или еще кое-что нужное, – взглядом Ваня указал на штаны. – Во-вторых, у тебя же девушка, разве нет?

– По первому пункту – пошел он в баню. По второму – думаю бросить ее.

– Как у тебя просто все.

– Вань, у тебя ракушка хоть что-нибудь защищает? Не до твоих проповедей сейчас, – отмахнулся Зеленцов и громко произнес. – Девчонки, вы из какой комнаты?!

Хоккеисты мигом обернулись в их сторону, а девушки тем временем стеснительно хихикнули и скрылись из виду.

– Если возникнут какие-нибудь проблемы, можете смело обращаться ко мне, – говорил я коменданту. – Можно на «ты».

– Прости, – с усмешкой твердила комендант, – но ты никак не производишь серьезного впечатления. Как-то не укладывается все это у меня в голове.

– А вас никто не просит понимать, – несколько злобно принялся вещать я. – Вам только нужно мне поверить. Но моя история слишком длинная, чтобы рассказывать ее сейчас. А сво-

дится она к тому, что я умею находить подход, быть настойчивым и убедительным. И влиять на людей любыми, даже самыми изощренными средствами. Но исключительно для их же пользы. И эти пацаны – не исключение. Они порой распушены, много отвлекаются, много думают, что держат мир на своих плечах и все им обязаны. А результат нужно показывать независимо от того, какое у тебя настроение, болит ли у тебя голова, дала ли тебе подружка вчера или нет. Мой подход приводит к заметным результатам, нежели простая тренерская установка – она действует в рамках ограничений в пространстве и времени. Я же распространяю свои установки на все остальное. Мне остается только приглядывать за ними и корректировать свою работу в зависимости от результатов. А что до собственной учебы – не волнуйтесь, я успеваю. Мне часто кажется, что я родился не в ту эпоху, знаете ли.

– И слушаются?

– Я работаю над этим. А если все выходит из-под контроля и люди не подчиняются, то моя задача всеми средствами дать им понять, как они заблуждаются, сделать так, чтобы они пожалели. И мой возраст здесь не помеха. За возрастом обращайтесь к тренеру. Порой и спортсменом можно не быть. Они лишь кажутся неуправляемыми – у каждого есть то, за что можно зацепиться, что заденет, ломает или поможет.

Комендант молчала, переваривая сказанное.

– Я не тренер, чтобы бегать за вашими хоккеистами, учти, – предупредила она.

– Предоставьте это мне.

– Долго вы там еще?! – крикнул с холла Степанчук.

– Какой он у вас нелюдимый.

– Просто устал, – соврал я. Не говорить же, что он такой по жизни.

– Собственно, мы закончили, – сказала она и вышла со мной в холл, где огласила свод правил. – Мальчики! В комнатах не курить, кушать аккуратно, не сорить, огонь не разводить, в туалетах смывать, в душ по двое не ходить, окна не открывать, не шуметь, по этажам без дела не бродить...

– В азартные игры не играть, девок не водить, – резво продолжил Кошкарский под возмущенный взгляд коменданта.

– Тебе виднее, чем они любят заниматься, – обратилась ко мне Галина Степановна. Я пригрозил Степе кулаком. – У нас порядки такие: отбой в 22 часа, двери на этаж закрываются, ясно? Еще момент по заселению. Команда у вас большая, а полностью свободных комнат не так много, поэтому парочку человек придется отправить на другой этаж, а вас с тренером – в противоположный блок, в недавно отремонтированную комнату для особых случаев. Учитывая ваш приезд сегодня...

– Ха-ха-ха, надо же, «особый случай».

– А чем не особый? Путин вряд ли захочет туда заселиться, если приедет, – сказал Чибриков.

– Не очень хорошая дислокация, – выдал я, глядя на хоккеистов. Сторожить свору из другого конца общаги будет затруднительно.

– Учитывая ваше рвение, вы справитесь.

– Мы благодарим вас, – сказал я коменданту.

– Надеюсь на ваше благоразумие, – ответила женщина и удалилась в свою комнату, передав мне паспорта, списки и ключи. Выходило пять комнат здесь и одна внизу.

– Дабы не соединять самых буйных из вас в одних и тех же номерах, мне пришлось прибегнуть к сегрегации, – объявил я.

– К чему-у-у?

– Типа как с неграми в Америке? – спросил Глыба.

– Тебя за язык никто не тянул. Теперь будешь у нас ниггером, – произнес я и принялся раздавать ключи, попутно называя фамилии будущих соседей. Первым ключ у меня отобрал недовольный условиями гостиницы Степанчук.

– Мы же не в поезде, чтоб нас по билетам рассаживать, – заладил Волчин. Я проигнорировал его замечание.

– Так, кто там дальше? Пашу и Арса точно рядом селить нельзя. Иначе они камня на камне от этого здания не оставят, – комментировал я, зная, что они все равно подселятся друг к другу. Вскоре раздача ключей закончилась. – Все! Марш по палатам, – добавил при этом, что хоккеистам выдадут недавно купленное свежее постельное белье (благодаря моим стараниям). – Не засрите его, пожалуйста.

– Зря ты это сказал.

Тем временем самые любопытные уже провели разведку на местности:

– Общий туалет. Общий душ. Это треш, пацаны!

– Да, давненько не видал такого.

– Вы, бля, еще в комнаты не заходили.

– Кухня вообще как в коммуналке.

– Ладно, хватит, – прервал вздохи я. – Время позднее. В темпе раскладываемся и можно на боковую. Сил на две игры еще нужно набрать. Проверю всех через 15 минут.

– А как насчет поесть? – спросил ненасытный Никита Зленко.

– И помыться? – добавил Зеленцов.

– Да, Зеленый, согласен. С твоей шевелюрой из ванной лучше вообще не вылезать. Хорошо, – решил я, – 30 минут вам на все про все. Кто там кричал про душ? Отведите туда Зеленцова. И со всеми мерами предосторожности – мало ли, кто в нем подмывался. А Филиппов вон знает, где тут кухня... Пойдите-ка, у вас же целый баул жратвы? Или нет?

– Зачем ты про еду брякнул, дурачок? – сквозь зубы прошептал Митяев Никите Зленко. Арс опасался полноценного досмотра баула с едой, который не состоялся перед отправкой.

– Чего затихли?

– Боимся, что Зленко уничтожит весь наш стратегический запас за один вечер, – влез в разговор Митяев.

– Кажется, я начинаю понимать, зачем берете так много. Надеюсь, в нем не чипсы – это за еду не считается. Еда – это то, что можно приготовить вон там, на кухне, какой бы допотопной она ни была.

– Разберемся, – сказал Патрушев.

– Чудно, – хлопнул в ладоши я. – Кстати, осталось 29 минут.

Толпа спортсменов на пятом этаже разбрелась по своим комнатам. Оставшихся я отвел на четвертый этаж и поселил в отдельную комнату, указанную комендантом. Я заметил, что она находится точь-в-точь над блоком, где расположились другие хоккеисты. За окном виднеется пожарная лестница – не отвесная, а с пролетами, образующими что-то вроде балконов на каждом из этажей, к которым по диагонали спускаются перила со ступеньками. Для верности я подергал створки древних окон: присохли намертво, а щели еще и заклеены газетами, чтоб не дуло. Форточка же довольно-таки узкая, чтобы протиснуться. Кажись, надежно, подумал я.

Сама комната немного вытянута. На стены нанесены жидкие обои голубоватого цвета, которые оставляют следы на руках и одежде. Дверь деревянная и, судя по всему, кривая либо просевшая – шоркает об приступок с характерным звуком: чтобы ее закрыть, нужно хорошенько дернуть за ручку чуть вверх. Однако желтый свет с коридора все равно просачивается в комнату через щелки. В номер входит аж четыре кровати. Слава Богу, не панцирные (наверху как раз такие), хотя нынешние ушли не очень далеко от своих легендарных предшественников. В углу шкаф для одежды, благоухающий музеем древностей. С обеих сторон комнаты установлены две тумбочки, дверцы и ящики которых дышат на ладан. У подоконника стоят стол и два

стула. Столешница наполовину пыльная, наполовину липкая. Клеенка прилагается. На каждой из кроватей лежат подушки и накрахмаленный набор белья: наволочки, простыни, полотенца, пододеяльник, а теплые зудящие одеяла прячутся в шкафу, где активно поедаются молью, хотя своих обогревающих свойств не теряют. Одеяла явно понадобятся, ведь в номерах прохладно, однако чугунные батареи при прикосновении обжигают, словно адский огонь. Неестественно громко гудит вентиляция. Занавески слегка покачиваются от сквозняков. Коридорный линолеум настолько изорвался и истончился, что под ним скрипят половицы, словно пол липкий, а каждый шагающий с трудом отрывает от него подошвы. А ходоков взад и вперед как слонов на водопой – предостаточно. Периодически слышатся чьи-то разговоры, шаги, стуки; веет куревом и нафталином. «Могло бы быть и хуже», – смекнул я.

По дороге обратно я надеялся, что наша со Степанчуком комната будет хотя бы на йоту лучше той, которую мне посчастливилось наблюдать. Я решил осмотреться в блоке: два холла соединены узкой перепонкой с аркой на кухню в центре. Кажется, там только вчера демонтировали печку: три раковины с вечно капающими кранами, три маленьких электрических плиты на ножках, два холодильника, гремющих как тракторы на посевной, вечно неприбранный общий стол, разбросанная посуда и утварь, разномастные табуретки вокруг, полки для посуды, облепивший местами на полу и на стенах кафель, наспех сколоченный шкаф. В холле, помимо двух зашторенных окон, натканы двери в номера. Там же на полу остались следы дивана и телевизора, исчезнувших в неизвестном направлении. Их место теперь занимает раскидистое дерево в кадке. Узким проходом зал соединяется с центральным холлом, выходившим на лестницу. В этом проходе таится укромный закуток для уборной. Общим помещением служит комнатка с раковинами и зеркалами – в ней, словно путеводный маяк, всегда горит свет. По обе стороны от нее узенькие двери ведут к унитадам такого вида, будто их разбирали и собирали обратно на скорость. Другие двери прикрывают темные душевые. Внутри имеются: кран с вентилями посреди стены, подвесной душ с засаленным шлангом и засорившейся лейкой, которая то и дело угрожает сорваться с крепей и поставить тебе фингал или шишку, а на полу зияет бездонная дырка. В противоположном блоке все как под копирку. Про легкий флер вообще молчу.

Когда я покинул комнату, Акмальдинов, Пирогов, Филиппов и голодный Зленко переглянулись.

– Вы не ощущаете ничего странного? – задался вопросом Денис.

– Да нет. Это ж общежитие.

Когда я зашел в нашу комнату, меня постигло разочарование: ремонт действительно свежий, но все остальное прежнее, лишь слегка освеженное. Степанчук с ходу заявил:

– Ты был прав. Это прямо, мать его, президентский люкс! Для главы банановой республики.

– Крыша есть, и хорошо, – я тихо опустил рюкзак с вещами на тумбочку, чтобы не производить лишних движений перед разъяренным тренером. Он явно ожидал отдельный комфортабельный номер. Никак не такой.

– Ты вот говоришь, мол, спартанские условия. А сам на спартанца не очень-то и похож.

– Главное, заснуть. И вообще я думаю о деле.

– А я типа не думаю?!

– Я этого не говорил.

– Знаешь что?! – Степанчук не в духе – все толкает его спровоцировать ссору с кем-нибудь поближе. Не свезло, как обычно, мне. – Это я буду думать о деле. А ты подумай об этом стаде. Самое время их проконтролировать.

– Но я только что от них, – запротестовал я.

– Голубчик, – в хамской манере парировал Степанчук, – пока ты шел сюда, эти оборванцы уже перетрахаили половину общаги, ужрались в хлам и поразбивали друг другу носы. Надо – значит надо! Иди с миром, – уселся за столик лакомиться собственными припасами тренер.

У меня урчало в животе. Но я повиновался.

История третья. «Мужское и женское»

Здесь так все смешалось за последние годы, что толком никто уже не может сказать наверняка: где общежитие колледжа, а где гостиница, где студенческая столовка, а где замшелая парикмахерская. Именно из-за этой неразберихи две студентки Челябинского государственного колледжа Света и Амира оказались в своей комнате – не со всеми студентами этажами ниже и выше, а именно на пятом этаже. Как-то не задалось с простейшей арифметикой у тех, кто делил имущество колледжа и имущество гостиницы. Комната девушек стала статистической погрешностью, которую, исходя из норматива, необходимо оставить в распоряжении образовательного учреждения. Но это девчонкам только на руку. Вокруг гостиничных номеров, часто пустующих, все же спокойнее, чем среди сверстников на других этажах. Бывает, конечно, всякое и здесь. Вот, к примеру, сегодня умеренная общажная жизнь разбавилась приездом хоккеистов. Вокруг то и дело шушукались об этом, стараясь поделиться всем, что увидели, услышали или придумали о приезжих. Некоторые восприняли гостей негативно, мол, покоя никому не будет (хотя это получше дембелей или парочек, снимающих номер на час, или еще кого). В основном постояльцы гостиницы и обитатели общежития восприняли спортсменов с интересом.

Перед сном Света с Амирой обсуждали повседневные вещи, не выпуская приезжих из головы.

Укладывание в постель, как, впрочем, и подъем, у дам и у джентльменов различаются кардинально: первые устраивают тщательный и длительный церемониал, ибо столько нужно сделать, дабы выглядеть красиво; вторым же порой хватает двух минут на все про все (еще и с запасом), поэтому они особо не заморачиваются, не считая тех, кто фанатично следит за собой, упиваясь собственным нарциссизмом.

Девушки сидели на своих пока еще застеленных кроватях, заканчивая дела. Так, Амира, прищурившись, изучала тетрадь с конспектами, а Света ухаживала за собственным утонченным личиком, держа перед собой круглое зеркальце с улыбающейся китаяночкой на задней стенке. Во время подготовки ко сну – девушки спали в пижамах под теплыми одеялами – завязался непринужденный разговор. Часто такие диалоги сводятся к некоторым заезженным женским темам, в частности к обсуждению личной жизни.

Такая жизнь была у одной лишь Светочки, отчего Амира, естественно, подружке завидовала, пытаясь временами (из благих побуждений) указать ей на несовершенство этой самой жизни. Тут опять-таки вмешиваются различия между мужчинами и женщинами: если есть крепкая мужская дружба, где любые возникшие разногласия решаются обоюдным проставлением фингалов и последующей примирительной попойкой, то у женщин в данной ситуации тысячи вариантов, включая нож за спиной и улыбку на лице. Не подумайте ничего такого – они подружки не разлей вода: за время совместного проживания притерлись друг к другу, потому что ссориться на общей площади невыгодно ни морально, ни экономически.

Света приехала учиться из Коркино. Оттуда до Челябинска рукой подать, но девушка настояла на самостоятельной жизни в общежитии вместо ежедневной траты времени и денег на дорогу туда-обратно. Однако каждые выходные она тактично смывалась в родительский дом с целью пополнения запасов для продолжения «самостоятельной жизни».

Амира приехала из Средней Азии. В ее ситуации по родителям больно не поездишь. Она хотела вырваться от религиозных предрассудков и отсталости по-особенному яро – это тебе не на автобусе от Коркино до Челябинска кататься. Что бы ее не ожидало в России, Амира была готова с этим мириться. В противном случае – выводок детишек в свои 18 лет, широкий халат с паранджой и шароварами, неоконченная школа в кишлаке, безмолвие и бесправие на всю жизнь. В России многие все больше заикаются об эмиграции в Европу или Америку. Для

Амиры, денег у которой хватило доехать лишь до Челябинска, столица Южного Урала стала глотком свежего воздуха, как бы дико и парадоксально это не звучит. Она всеми силами ухватилась за этот шанс. А в лице своей соседки Светаньки она видела некий путеводный огонек в чужой стране. Но чем дольше она жила в России, тем меньше оставалось стеснения и тем больше проявлялся ее горячий восточный нрав. Язык Амира знает хорошо: в их кишлаке к тому времени еще не выветрился советский душок. А когда начала учиться в шараге, выяснила, что знает его лучше некоторых русских.

Миниатюрная милашка и недотрога Светлана тоже не так проста, как кажется на первый взгляд. Ее жизнь периодически выдает такие невероятные кульбиты, что бывалые циркачи глаза зажимают. Девчонка она хозяйственная, легко увлекающаяся и тонко чувствующая натура, которую часто бросает то в жар, то в холод. Амира то успокаивает подругу, ревущую сутки напролет, то оберегает свои длинные черные волосы от цепких Светиных ручонков.

Очередной кульбит связан с амурной стороной жизни Светланки. Выражалось это в слегка затянувшейся интрижке с 23-летним Витей. Зародилась она благодаря парочке лишних бокалов, которые на следующее утро обеспечили Светочке легкий шум в голове и тихую панику от опутавших ее стан объятий незнакомого паренька, к тому же противно храпящего. Витя – неотесанный и недалекий проходимец, дите своего района. Как говорится, бери больше и кидай дальше.

После инцидента Света пару дней не выходила из комнаты – Витек же ходил по белому свету вприпрыжку, задирая нос к солнцу, ибо Светочка на всем потоке была самой сладкой, красивой, вожаемой и неприступной. Откуда ж он это знал, если уже который год как не учился в шараге? Ответ на этот вопрос идентичен ответу на другой: а где, собственно, Светочка позволила себе такую вольность? На дне рождения Глеба, знакомого Светы и Амиры по колледжу и по совместительству младшего брата Витька. Амира тоже приложила к этому руку, правда, совершенно случайно. Она затащила соседку на тусу, дабы развеяться за компанию, хотя шла на мероприятие исключительно для общения с парнями, внимания которых ей вечно не хватает. Амира из кожи вон лезла, чтобы завести хоть какие-нибудь отношения с противоположным полом, но узбекская внешность почему-то многих отталкивала, привлекая одних лишь нелегалов-соотечественников, что Амиру нисколько не прельщало. В итоге она невольно сделала подружке какую-никакую личную жизнь, вновь оставшись не у дел.

В тот злополучный вечер на хате хитрый, пронырливый, ядовитый, низкорослый, с коротко стриженными обесцвеченными волосами Глебушка как специально подливал Свете в бокал – уж больно она зажата на его безудержной вечеринке. Однако в самый разгар веселья поздравить именинника завалился уже поддатый Витек. Глеб, будучи младшим ребенком в семье, в тысячу раз смысленнее и хитрее своего недалекого родственника. Видимо, в качестве шутки он то и дело обращал внимание братишки на Свету, подсаживал к ней, подстрекал. И случилось то, что случилось.

Светлана хотела под землю провалиться. Жертва обстоятельств переживала, плакала, не могла поверить в свою ошибку. Совсем не так она представляла своего суженого и свой «первый раз». Витек, кстати, искреннее недоумевал, почему Светочка исчезла с радаров. И как такого родителям показывать? Испортил девку, скажет мама. Пойду возьму топор, скажет папа. Витек перебивался случайными заработками, попутно скрываясь от военкомата. Не самая лучшая партия для обладательницы титула «Маленькая мисс Коркино-2006». Но вы недооцениваете Свету.

Однажды она все же собралась с силами, вытерла слезы, попросила Господа Бога дать ей твердую уверенность в том, что засранец предохранялся, взяла за шиворот Глеба и узнала, где можно поймать его горе-брательника. Спустя минуту она уже на всех парах неслась к Виктору, твердо решив обрубить порочную связь, забыть об этом недоразумении и жить дальше. Важно было обозначить, что их дальнейшие отношения по определению невозможны. А если он нач-

нет докучать или возмущаться, следовало вежливо напомнить ему, что в противном случае он сядет за интим с несовершеннолетней без обоюдного согласия.

Света летела в указанное Глебом место, приговаривая про себя заученные фразы и пытаясь предугадать ответы Вити. Но вот незадача. Выбежав из-за угла, она остановилась как вкопанная. Перед ее взором раскинулась стройплощадка. Наступление холодного времени года стройку заморозило практически на нулевом уровне. У залитого наполовину фундамента и у заколоченной будки сторожа, в снегу, перемешанном с грязью, беспомощно валялся Витек, из последних сил прикрываясь от разящих ударов. Трио неизвестных отморозков нехило дубасили его руками и ногами. Вроде бы не ее это дело, так ему и надо и все такое прочее. Но девушка воспитывалась порядочными, добрыми и отзывчивыми людьми и не могла остаться в стороне. Она прекрасно понимала, что это намного серьезнее, чем перевести бабушку через дорогу. Но что-то внутри нее замкнуло. Она набрала воздуха в грудь, расстегнула единственную зимнюю куртку, распростерла руки в разные стороны и с истошными криками понеслась в сторону дерущихся:

– Стойте! Стойте! Перестаньте! Ради Бога! Прекрати-те!!! – кричала она.

Напавшие на Витю увальни даже слегка опешили от неожиданности, как, собственно, и сам виновник происшествия, когда запыхавшаяся девчонка со слезами на глазах всем телом рухнула на Витю, закрыв его как от гранаты, несвязно и с надрывом умоляя нападавших сжалиться и прекратить. Света не помнила себя – ползала вокруг них на коленях, месила грязь, жадно хватая ртом морозный воздух.

Предводитель налетчиков жестом остановил сообщников и проронил одну-единственную фразу:

– Женщин не трогаем.

Он отозвал своих парней – нападавшие мигом скрылись, будто ничего и не было. От облегчения Света охнула и снова свалилась на лежащего Витю. У нее бешено колотилось сердце, от глубоких вдохов вздымалась грудь. Девушка внезапно ощутила невообразимую легкость, приятную сладость от миновавшей угрозы и выполненного морального долга. Виктор, впечатанный в землю где-то под ней, показался Свете таким беспомощным, таким слабым, нежным, униженным, словно маленькое дитя, потерявшее из виду маму и нуждающееся в опеке и любви. Обычному человеку – никак не возбужденной Свете – такой 90-киллограммовый боров, как Витя, беззащитным ребенком априори показаться не может. Она же даст ему эту любовь, помощь, защиту, опеку.

Самого виновника побоища одолевали смешанные чувства: так бы его отмудохали сейчас, и должок погашен. А теперь его еще и презирать будут за то, что он прикрылся девчонкой, и все равно отмудохают позднее. Тем не менее приятно, что именно Светик свалилась ему на голову в столь неожиданный момент – буквально и фигурально. Откуда она взялась, его как-то не заботило. Ее не беспокоило, по какой причине Глеб оказался поразительно точен в определении места нахождения брата. Виктор тоже проникся к спасительнице истинными чувствами (представляете, до этого момента он сомневался). Так проникся, что чуть не словил стояк. Света же так распереживалась, что напрочь забыла о своих изначальных намерениях.

Светик и Витя – яркий пример невнятных отношений: он держался за надежный тыл в лице Светы, которой можно прикрыться. Либо упоминать о ней можно как о супруге с целью разжалобить врагов; иногда от нее перепадает немного неуклюжего интима. Ей же управляет чувство долга как перед подобранным в канаве котенком – никак не чувство любви к неотесанному бугаю, к которому она, к сожалению, успела прикипеть и которому сохранила пару ребер: куда ж он теперь без нее, пропадет ведь. Получился какой-то челябинский ремейк мультика «Красавица и чудовище», очень неуклюже интерпретированный.

Как выяснилось позднее, Витя, в отличие от брата, умевшего выплыть из любой передряги да еще и перевернуть ее в свою пользу, был человеком-карикатурой, человеком-ката-

строфой. Он с завидной регулярностью вляпывается в различного рода истории. Одним словом, попадает: в передряги, на деньги, в ментовку. А Света каждый раз беззаветно несется за ним, то и дело пытаясь наставить непутевого на путь истинный. Витя же напоминает того самого кота: подросшего, избалованного и продолжающего систематически гадить в горшок с фикусом, совершенно не понимая, что хозяйка когда-то спасла его от гибели. Не лишним будет заметить, что больше половины всех Витькиных проблем – результат тонкого подстрекательства Глеба.

Не вынося тягот молчания, Света делилась с Амирой перипетиями своих «высоких» отношений.

– Как там у тебя с Витей? – как бы невзначай спросила Амира.

«Зря ты спросила, – недовольно подумала Света. Вернее, лучше так. – Уж лучше б ты не спрашивала».

На сей раз непутевый Витька задолжал: по глупости и по-крупному. Чтобы отдать долг (с нехилыми процентами), он носился сломя голову по платежеспособным друзьям и родственникам, примечал любую делянку, где гарантирована оплата. Зная губительное усердие суженого, Светлана замечала, что денежного выхлопа от его метаний практически нет. Прибавлялись только синяки, а силы уходили. Она, естественно, тоже подключилась к поиску денег для неизвестных кредиторов. Счетчик тикает, а собранная сумма за ним не поспевает.

Выслушивая подругу, Амира недоумевала, а почему Светик не спросит у него, с какой целью он вообще занимал: «Наверняка скажет, что ей на подарок. А по дороге украли, обманули и все в этом роде. Осел!» – думала она.

– ...Вот он мне вчера заявил, что нашел какое-то там стопроцентное дело, которое закроет финансовый вопрос, – поделилась Светочка.

– И что за дело?

– Не говорит.

– Нечисто все это. Ввяжется твой Витя в большой криминал, и пиши пропало.

– Не ввяжется, – отмахнулась Света.

– Не слышу уверенности в голосе. Разве можно ему верить?

– Нечего на него наговаривать. Ты вот бесишься, что у тебя нет никого. Завидуй молча.

– А чему завидовать, Свет? Оставила бы ты его. Так ему и надо. Сколько он нервов из тебя вытянул? Глядишь, он и тебе криминал какой пришьет – не отмоешься, – твердила с небольшим акцентом Амира, расчесывая свои волосы.

– Какие слова-то ты знаешь.

– Бобо в милиции в Ташкенте работал еще при СССР. Честное слово, – отвлеклась от расчески она, – тебе не надоело так жить? Каждый день – история. Каждый день – волнения. Ты только все о нем да о нем. А о себе подумать не хочешь? – Светик молчала. – Помяни мое слово. Однажды он нас обнесет или тебя под удар подставит.

– Хорошо. Что ты предлагаешь?

– Ты еще и спрашиваешь? – удивилась Амира. – Ты симпатичная, усердная, талантливая кыз. Найди себе достойного парня, а не это недоразумение. Ты не заложница.

– Да где ж их сейчас найдешь? – Света задумчиво посмотрела в окно, впервые за долгое время допустив мысль о разрыве с Витей.

– Тебе труда не составит. Полный колледж парней. Да и посмотри, сколько хоккеистов вокруг, – намекнула Амира.

– Еще чего.

– Ничего ты не понимаешь.

– Больно ты понимаешь. Давай, расскажи мне тогда. Ташкент ведь самый хоккейный город на планете.

– Хоккеист – это идеальный вариант.

– Они же с другого города.

– Они команды меняют как перчатки. Не перебивай меня. Я слышала, что они всегда при деньгах, всегда в отличной форме и целый год при деле. Мечта.

– У этих вряд ли многомиллионные контракты, – выразила сомнение Света.

«Высоко же ты себя оценила, подруга», – подумалось Амуре.

– Все еще впереди. Чтобы что-то получить, нужно что-то вложить. Поверить и сделать первый шаг.

– А сама чего не попробуешь?

– Ты что, нет-нет, – смуглая Амира покраснела. – У меня религиозные убеждения, ты знаешь.

– Прекращай лапшу мне на уши вешать. При чем тут они? Убеждения убеждениями, но я видела, как ты на того кудрявого поглядывала...

И тут откуда ни возьмись именно тот, о ком идет молва, возник перед двумя девушками практически в negligé: в одном лишь полотенце и сланцах, обаятельно и вальяжно упершись локтем об дверной косяк и поигрывая бицепсами. А будь дверь закрыта на щеколду, Зеленцов выдрал бы ее с корнем.

Сразу же в душ и сортир выстроилась очередь. Многие постояльцы, приметив такой ажиотаж к самому популярному месту на этаже, решили повременить с визитом туда, а в некоторых случаях – перетерпеть.

В очереди на водные процедуры всех обошел Паша Брадобреев, одним махом скинув с себя шмотки и вскочив в душ прямо перед Зеленцовым. Неутомимый Паша при этом еще и язык со средним пальцем всем показал.

– Говнюк, блять! – выругался Зеленцов.

– Знаешь, – подошел к нему Зленко, – ты пока весь свой корм для скота на голове перепорошишь, час пройдет. А мы искупаться хотим. И поскорее.

– Я, кстати, за Паханом занимал, – вальяжно прошагал мимо Митяев.

– Да вы издеваетесь?! – выпятил Зеленцов.

– А я давно тебе говорю – избавься уже от этой прически, – в довершок напомнил о себе Толя Костицын, сидевший на диванчике в холле.

– Вот вы, значит, как?! Хорошо, – стиснув зубы, Зеленцов принялся за дело: под нечленораздельные напевы Брадобреева из душа Никита резво собрал все вещички хитреца и завернул их в его же полотенце. – Поделитесь с ним чем-то своим – я вас порешу, – пригрозил он. – Посмотрим, как он из ситуации выпутается... с голой-то задницей, – Никита побрел в сторону противоположного блока.

– Куда ты?

– Это, наверное, не единственная душевая на все здание, так? – ответил Никита. Зленко с Костицыным переглянулись – почему они не догнали об этом сразу?

В душевой соседнего блока несколько лучше, нежели в предыдущей, у которой толпится вся команда. Главное, в этой никого. Зеленцов расслабился и смог наконец неторопливо принять душ, чтобы никто на пятки не наступал. Под обильной струей горячей воды, заполнившей всю душевую паром, вместе с потом и прочей накопившейся за день грязью Зеленцова миготом покинули и навязчивые негативные мысли, в последнее время довольно часто его посещающие без причины. Вместе с ними ушла и злоба, которая бурлила в нем постоянно, то и дело захлестывая на необдуманные поступки, причинение кому-нибудь боли или яростное крушение всего вокруг. Ох, как же он любил силовые тренировки в зале – там это все уходило в небытие. Все чаще в последние месяцы нервишки Зеленцова поигрывали внутри него тяжелый рок. Хотя внешне и не скажешь. Однако невольная выходка Брадобреева с душем едва не

вывела Никиту из себя – он почти что решился схватить кудрявого проходимца за волосы и разбить ему рыло об умывальник.

Вода вернула Никиту в нормальное состояние. Длинные волосы мигом окутали его голову, будто платок. Раздвинув их руками перед зеркалом, Зеленцов посмотрел на себя и коварно улыбнулся. Он принялся старательно тереть свою шевелюру – обычно после такой процедуры полотенце можно отжимать. Прodelывая привычные процедуры, паренек внезапно оживился, припомнив, что где-то в этом блоке проживают те самые девчонки, которые не спускали с него глаз в холле.

Повесив полотенце на шею, он погладил себя по щекам и подбородку, отошел подальше и вновь посмотрелся в зеркало. В отражении он увидел высокого, стройного, атлетичного и обаятельного блондина:

– И кто же посмеет тебе отказать, а? – спросил у своего отражения он.

Не зная наверняка, в каком из номеров живут девушки, Зеленцов мог проверить каждую из комнат, пока не обнаружит нужную. Расправив плечи, он неторопливо зашагал по коридору, оглядывая двери номеров с прищуром хищника-обольстителя, разыскивающего жертв почти что по запаху. В левой руке он сжимал сверток – полотенце с вещами Бradoбреева, воображая, сколько ору последует от Пашки.

Зеленцов разгуливал по общежитию в одном лишь полотенце – в какую бы дверь постучать? «А чего стесняться?» – подумал он, как бы наперед отвечая на безмолвный вопрос о его виде от какого-либо случайного постояльца.

Полноценное общение с девушками и сигнал на взаимность сделали бы его день. И, кажется, он выбрал ту самую дверь, приготавливаясь к штурму, напору и бесцеремонности.

«Облачи его в костюм, и хоть сейчас под венец», – Света уставилась на полуобнаженного хоккеиста в дверях. Ее мыслям вторили соображения Амиры: «Ты о чем? Какой костюм?» Светлана пояснила: «В полосочку». Амира воскликнула: «Какую, блин, полосочку?! И так огонь».

Вожделение на своих лицах девчонки хотели скрыть удивлением и испугом. Безрезультатно. Их выдали глаза – они впелись в Никиту как стрелы.

Зеленцов такие взгляды распознает на раз-два: «Легкая добыча!»

– Привет, девчонки!

Такое впечатление, что две подружки вот-вот обратятся в ненасытных зомби, набросятся на Никиту и сожрут его, словно тот только из армии демобилизовался: «Да уж, вы обе явно по кое-чему изголодались. Вот и ваше спасение пожаловало».

– У вас случайно... фена не найдется? – спросил он, врубив развязность и обаяние на полную. Среди вариантов были: мыло, гель для душа, кондиционер для волос. Хоккеист ждал, что дамы сорвутся с места, чтобы угодить объекту желания. Самодовольный черт. – А то с этим по-другому не справиться, – улыбнулся он, показывая на бесформенную копну волос на голове.

Света с Амирой переглянулись. Не успел Зеленцов продолжить атаку, как из соседнего блока послышались звуки возни и дичайшего смеха. Кажется, Пал Палыч соизволил наконец покинуть душевую, прикрывая ладошками самые непотребные места под громкое ржание братьев по оружию.

Судя по хлюпающим звукам мокрых тапок, Бradoбреев летит сюда. «Кто-то явно меня сдал», – подумал Никита. Неугомонный Павлик может и голышом сюда заявиться – тогда-то план Зеленцова по обольщению девчонок пропал.

Разъяренный Бradoбреев, зацепившись за угол, проскользил на повороте, чуть не шлепнувшись на пол. С него обильно стекала не успевшая высохнуть вода. В его поле зрения –

один только Зеленцов, с которым необходимо поквитаться: стереть загадочную ухмылочку с его лица. Комплекции у них не совпадают, однако Пашу это никогда не смущало.

– Ну чего, мочалка ходячая, готовить умеешь?! Забрало свое приготовь мне! – потребовал Брадобреев, угрожающе приготовив кулаки.

Однако Зеленцов уже потерял к Павлику интерес и хотел отдать ему вещь, за которой тот и прилетел – трусы. Никиту возмущало другое:

– Какая скотина одолжила тебе полотенце?!

– Неважно! Сейчас я твою спущу!

– Валяй! – раскинул руки Зеленцов, играя на публику. – Мне стыдиться нечего. А вот тебе голышом прогуляться бы не мешало.

– С удовольствием выкину тебя на мороз, гнида! – прорычал Паша и в неистовстве бросился на Зеленцова, словно на зазевавшегося у бортика соперника.

Прижимная сила у Брадобреева достойная. Они сцепились напротив открытой двери как борцы сумо. Однако Павлик первым ослабил хватку, увидев, что за ними наблюдают. Он выпрямился, провел пальцами по мокрым волосам, напряг мышцы пресса. Как и Никита ранее, он расслабленно облокотился об косяк, вызвав смущенные смешки у девчонок.

– Добрый вечер, девочки, – ласково поприветствовал Брадобреев.

Света с Амирой все же решились начать диалог:

– Мы не хотели мешать вашим разборкам, мальчики. Продолжайте, – пошутила Амира.

Паша зашел в комнату и тихо спросил:

– Хотите, чтобы я крови пустил этому столбу? – он показал пальцем на Зеленцова.

Света захихикала. Брадобреев с серьезной миной повернулся к ней, уточнив, сказал ли он что-то смешное.

– Прости. Просто ты не похож на борца. Не знаю твоего имени...

– Павлик. Паша. И лучше вам не знать, каков я в гневе, – заявил он, что вдобавок рассмешило и Зеленцова.

– Знаете, это вообще разовая акция, – заявил Никита, пройдя в комнату. – Вообще мы в команде друг за друга горой. Бывает, иногда подкалываем коллег для стимуляции, – Зеленцов внезапно взял Брадобреева в удушающий захват и принялся усиленно тереть кулаком тому по макушке. В мгновение ока Паша освободился – теперь уже Зеленцов, свернувшись в три погибели, невинно улыбался в захвате 55-го номера «Магники-95».

– Да-да, – подтвердил Брадобреев, – мы друзья. Определенно.

– Кстати, это твоё, – Зеленцов протянул Паше боксерки с какими-то аляпистыми мультяшными рисунками и надписями, чем слегка вогнал кудрявого в краску перед дамами.

– Я и без них справлюсь, – заверил Брадобреев, ослабив хватку. – Как видите, девочки, дело не в размере, а в силе.

С этого момента меж парнями началось негласное соревнование за обладание женским вниманием. Никто не хотел отставать друг от друга в остроумии. Света и Амира точно не заскучают: давненько им не было так весело и занятно, давненько их персоны не пользовались столь настырным мужским вниманием.

– Ты не прав.

– Хочешь проверить? Девчонки же нас рассудят? – Пашка, загадочно улыбаясь, поочередно посмотрел на каждую игривым взглядом.

– Не будем ссориться, мальчики. Ситуации разные бывают.

– Паша просто мелкий. Вот и комплексует, – провоцировал товарища Зеленцов.

– Иди потолки обтирай, увалень! – ответил Никите Брадобреев. – Здесь на вкус и цвет, как говорится. Все это теория. А вот на практике... – Пашка пододвинулся к Амуре практически вплотную – от оголенного мужского тела (еще и после душа) она таяла как мороженое в жаркий летний день. – Вот скажите: кого из нас двоих вы бы выбрали? Меня или Никиту?

«Не в бровь, а в глаз», – подумал Зеленцов.

– С какой целью интересуешься? – включилась в разговор Светка, прекрасно понимая, к чему тот клонит – быть легкой добычей она не желает. – Хорошая компания – это главное. Вы нам симпатичны оба.

– Это все лирика! – объявил Павлик. – На этот вопрос только один ответ. Мы хотим узнать – это принципиально для нас. Кого бы вы выбрали?

– А ты настойчивый, – отметила Амира.

– Они бы выбрали меня! – послышалось со стороны дверей. Все резко обернулись и узрели третьего хоккеиста в одном лишь полотенце, опять же облокотившегося на пресловутый дверной косяк.

«Чего ж ты дверь не закрыла?» – взглядом спросила Светик.

«Аналогичный вопрос к тебе», – тем же взглядом ответила Амира.

«Я третьего не переживу, честное слово, – мысленно забеспокоилась Света. – Еще немного, и они всей командой сюда припрутся. Как пчелы на мед. Не отвертимся».

Амира же позиционировала себя гостеприимнее и развязнее. Ибо у нее этим вечером сектор «Шанс» на барабане.

– Ну и стриптиз! – воскликнула Амира.

В дверях стоял Арсений Митяев. Демонстрация силы и тела, словарного запаса и умения кадрить девок пошла по третьему кругу.

«Неужели опять?» – подумала Света.

«Расслабься и получай удовольствие. Когда еще у нас будет такое общество, – мысленно парировала Амира. – Это тебе не подзаборный сброд Витька твоего».

Митяев прошел в комнату в свойственной ему манере: неприлично повиливая бедрами, вырисовывая окружности широкими плечами, слегка оттопыривая пятую точку. Вернее, он лишь хотел так продефилировать перед всеми, но боковым зрением заметил, как из комнаты в конце коридора выхожу я, уставший и раздосадованный. Все как-то позабыли, что находятся в непосредственной близости от собственных надзирателей. И что они здесь собирались творить? Прямо под носом у тренерского штаба?

Под конец дня я был разбит, оттого особо не приметил, как засверкали пятки Арсения и как захлопнулась дверь за ним. Митяева спасла мгновенная реакция.

– Твою мать... – прошипел он.

От неожиданности Никита и Паша соскочили с кроватей. Света с Амирой настороженно переглянулись.

– Устроили здесь выборы, значит? – выцедил Арсений. – А ничего, что Степанчук с Елизаровым через три двери? – пацаны молчали. – Понятно, нечего сказать...

– Сам-то чего сюда приперся? – начал Зеленцов. – Неужто к Петьке шел?

– Ебало завали, – Митяев припал к дверям и прислушался: самый трескучий линолеум в мире возвестил о том, что я, минуя злополучную комнату, переместился в центральный холл.

– Кто там? – Света спросила выпрямившегося как стрела Зеленцова.

– Дьявол, – сказал он без капли шутки.

– Тише, – прислушивался Арс.

– Ежу понятно, что он уже ушел. Нечего там слушать. У двери сердца нет, – сказал Бладобреев.

– Я тебя сейчас на разведку отправлю...

Я миновал центральный холл и прошел к коменданту, дабы узнать, где тут обитают девицы, которые потенциально могут ответить взаимностью хоккеерам. Спортсмены чересчур открыто и развязно разгуливают по этажу в неглиже.

Только я очутился в комнате Галины Степановны, как она с ходу набросилась на меня:

– И что это за дела?!

– Вы о чем?

– Тут еще, слава Богу, приличное место. Но то, что в коридоре творится...

Я еле сдержал зевок:

– Людям же надо ополоснуться с дороги. А в ваших душевых и туалетах помещается только по одному моему бандар-логу. Да и не видит никто.

– Я вижу!

– Рад за вас. Вспомните молодость.

– Ты мне еще и хамить вздумал? – сложила руки на груди нахмурившаяся комендант.

– Виноват, – извинился я. – Это было лишнее.

– Говорю тебе, сейчас все вертихвостки района сюда слетятся. Нужно срочно принять меры.

– Кстати, о вертихвостках. Есть ли такие в непосредственной близости от нас?

– Здесь тебе не бордель.

– Я этого не говорил. Вы первая употребили это слово.

Комендант осеклась.

– За постоялиц я, конечно, ответа держать не буду. Но на этаже в одной из комнат студентки колледжа живут.

– Вот оно! – встрепнулся я. – Номер комнаты?

– Но я за них ручаюсь. Девушки приличные, надежные. Ни в чем порочном не замечены.

«А вы наблюдательны, Галина Степановна, – подумал я. – Даже излишне».

– Ясно. Чистота и пугает больше всего. Хлопцы способны на все. И неважно: чисто или грязно, хотят или не хотят, умные или тупые, – я выудил номер комнаты студенток с намерением переговорить с ними.

– Переговори сначала со своими.

– Будет сделано.

– Девчонки у себя. Ключей нет. Они у меня их оставляют.

– Было бы странно, если б такие хорошие особы где-то шлялись поздним вечером, ведь так?

Я проследовал к душевым и заметил, что уже практически все успели насытиться местными бытовыми условиями (несколько специфическими) и уже рассредоточились по номерам. Оставшимся я сказал:

– Я понимаю, конечно, что гормоны, тестостерон и все такое. Тянет показать себя, похвастаться...

– Тут не монастырь, – прервал меня Патрушев. – Никто не запрещает.

– Делайте это сдержаннее. А то внизу уже потоп, – подмигнул я.

– Поменять бы тут сантехнику, и потопов не будет, – отметил Вова Шабашкин.

– Да он про девчонок, голова ты садовая! – догадался Кошкарский. – Не бзди – никого не тронем, – он похлопал меня по плечу (рука была мокрая).

– Я не верю ни единому твоему слову, Степа. Сотри эту улыбку со своего лица и вали в номер, а то развалился тут на диване. Иди-иди, – согнал его я. – Никто не клюнет на тебя.

– Я бы дал тебе пару уроков, Петруха, чтобы кто-нибудь клюнул на тебя, – бросил он мне напоследок.

– У вас меньше пяти минут! Где Митяев, кстати? Давно его не видал, – озадачился я.

– На толчке, наверно, – ответил Чибриков, машинально прикрывая товарища, даже когда делать этого не требуется.

– Богдан, попрошу тебя проконтролировать, чтобы он там не уснул, – сказал я и отправился к заветной комнате, в которой проживают студентки колледжа.

Брадобреев наблюдал за моими передвижениями, на миллиметр высунувшись из-за угла. Говорил я громко, что помогало ему держаться от меня на расстоянии, но при этом все слы-

шать. Стало ясно, что они в ловушке, ибо любое их появление в том крыле могло быть истолковано неправильно.

– Мы пропали. Он выяснил, где на этаже девчонки живут, – доложил Брадобреев. – Сейчас придет.

– Мы еще кого-то ждем? – якобы ничего не понимая, уточнила Светлана.

– Такого гостя нам точно не хватает, – съязвил Паша.

– Окна не открываются? – уточнил Зеленцов.

– Ты смеешься? – повертел пальцем у виска Митяев.

– Не открывайте никому. Скажите, что не одеты, что уже спите, – обратился Никита к девушкам.

– Кому? – не понимала Света.

– Что будет, если вас застукают? – к сути дела Амира приблизилась больше.

– Даже знать не хочу, – огрызнулся Митяев.

– Если совсем просто, то будет не очень хорошо, – пояснил Никита. – С недавнего времени в нашей команде особый режим – строгий.

Амира предложила:

– Надо ему открыть.

– Да, – поддержал Паша. – Я его вырублю, и мы спасены.

– Ты придурок?! – не сдержался Арсений.

– Если мы откроем, он убедится, что тут чисто, и потом не сунется. Кто бы это ни был, – поддержала подругу Света.

– Если все обойдется, то я тебе обязательно расскажу, – пообещал Зеленцов.

– Это сработает, если тут есть погреб, куда мы все поместимся, – отреагировал на идею Митяев.

Павел прильнул к двери, прислушиваясь к треску линолеума.

– Как тебя зовут, красавица?

– Света.

– Света дело говорит.

– Мы спрячем вас, – заверила Амира.

– Чтобы мочалку спрятать, надо его на три части разрезать, – сыпал скептицизмом Митяев.

– Арсен, очнись. Она хоть что-то предлагает, – заявил Зеленцов.

– Ладно. Если спалимся, в таблю ему дам я, – решил Митяев. – Свои люди – сочтемся.

– Сильно, – оценил решение Арсения Никита.

– Кажись, идет.

– Паш, – вдруг сказала Амира.

– Чего?

– У тебя вот-вот полотенце слетит.

– Не беспокойся, дорогая. Ему есть, за что держаться, – подмигнул ей Брадобреев.

Амира со Светой указали хоккеистам, где схорониться: Паша с Арсением нырнули под кровати, а Никиту запихнули в шкаф, который своим скрипом и хрустом молил девушек жалиться над ним.

– Сучонок ты, – прошептал Брадобрееву Митяев за фразу про полотенце.

– Прикройся одеялом – типа не одета, – толкнула Света Амиру.

Зеленцов трещал вешалками в шкафу.

Света выпрямилась у дверей, подготавливаясь схватиться за ручку, ибо звуки шагов слышны все отчетливей.

– Он, как и вы, мастер стремительного пикапа?

– Как раз наоборот, – заметил Митяев.

- Это мы еще не размялись, – отреагировал Бradoбреев, выглядывая из-под кровати.
- А это был сарказм, – кинула в ответ Света.
- Черт, она мне нравится все больше и больше, – произнес Павлик.
- Т-с-с-с!

Я подошел к двери указанного комендантом номера. Постучался. И мне сразу же открыли. На лице утонченной блондинки с губами бантиком и заплетенным хвостиком я будто узрел некое разочарование. Света ожидала увидеть внушительного, грозного, злобного надзирателя. Но никак не меня. «Да какой же из него мучитель? Типичный школьный ботан», – подумала она.

– Вечер добрый! Дико извиняюсь, что поздно. Не помешал? – вся моя харизма от усталости практически выветрилась.

– Мы почти уже легли, – недовольно отметила Света. Другая особа восточной внешности позади нее тряслась под простыней.

– Тем не менее открыли вы мне за секунду. Кого-то ждете?

– Комната маленькая так-то, – пыталась объяснить она, а потом и вовсе пошла в наступление. – Что вообще за допрос? Ты кто?

– Странные вы. Сначала открываете, а потом спрашиваете.

Неужели Светин соперник (то есть я) уже все понял и раскусил ее?

– В таком случае я имею право закрыть дверь.

– Прошу прощения еще раз, – отключил подозрительность я. – Мне не стоило так говорить. Меня зовут Петр. Я ассистент тренера хоккейной команды «Магнитка-95». Мы приехали на выездные игры и заселились здесь.

– Я знаю.

Ее выпады жутко отвлекают – слова и без этого трудно вяжутся в моей голове перед столь симпатичной особой.

– Так вот, мои ребята...

– Постой-ка. За кого ты нас принимаешь? – возмутилась Света. По ней прямо-таки плачет МХАТ.

«Во дает! – думалось Арсению. – На уровне она его дрючит». Петр толком ничего не сказал, а она уже обвинила его в том, что он принял их за проституток.

Меня вынудили извиниться вновь. Надо срочно брать себя в руки.

– Вы не поняли. Все как раз наоборот. Я хотел бы обратиться к вам и к вашей подруге с предостережением. Вернее, с добрым советом: не путаться с этими парнями.

– Надо же – пришел откуда-то и оскорбляет. Что ж ты так своих хоккеистов оберегаешь?

– Я призван следить за дисциплиной в команде.

– Они заразные, что ли? Почему нам запрещено с ними путаться?!

У Паши чуть не вырвался смешок.

– Нет, все здоровые. Э-э, стоп. Мне сказали, что вы приличные девушки. Я не хочу, чтобы парни вам докучали. Но и вы тоже проявите, пожалуйста, сознательность и не давайте поводов заглядываться на вас. Иначе рискуете быть использованными. Словам не верьте, какими бы они ни были. Тупых подкатов не воспринимайте.

– И умных подкатов тоже?

– Всех. Гарантированно пожалеете.

«Опоздал», – подумал Митяев. Девчонки уже в игре.

Света задумалась. А если очкастый правду говорит?

– Мы примем к сведению. Не беспокойся. Кавалеры у нас уже есть, – у спрятавшихся хоккеистов сейчас одновременно екнуло в груди. – Есть, кому защитить.

– Чудесно. Все у вас будет хорошо, если не будете поддаваться на провокации. Они способны на многое. Особенно, когда девушки красивые.

– Я поняла. Прости, но ты сам-то еще...

– Все задают один и тот же вопрос. А я не устаю на него отвечать, что дело не в возрасте, а в ответственном подходе. Мне поручили навести порядок в команде, и я с этой задачей справляюсь.

Света важно закивала.

– Мы достигли взаимопонимания?

– Конечно.

– Если что-нибудь понадобится – я к вашим услугам.

– Очень мило с твоей стороны. Спокойной ночи!

– И вам, – я раскланялся и пошел прочь, не оборачиваясь.

А стоило, ибо Света не сводила с меня глаз. По ее сигналу все трое мигом освободились из укрытий и побежали к себе, как только я зашел в уборную.

– Мы еще не закончили, – произнес Паша.

Зеленцов же обратился к Свете:

– Я думал, ты стесняешься и не будешь много болтать. А ты вон, оказывается, какая.

Троица прошла мимо сортира на цыпочках, ибо линолеум мигом известил бы меня о множестве тяжелых шагов. Я пребывал в туалете около минуты – достаточно, чтобы блудливая троица проскользнула в свои номера.

– И что это было? – поинтересовалась Амира.

– Было весело.

– И грядет продолжение. А ты не хотела.

– Сегодняшняя ночка без сна...

– Я только за!

– Тебя не смущает, что их аж трое. Мне вот некомфортно.

– Тебе же сказали, – ответила Амира, – к кому ты можешь обратиться в случае опасности. Это их точно остановит, – прихорашивалась Амира.

Я же отправился на заключительную инспекцию. Все спокойно – аж подозрительно. Напоминает сон-час в детском саду: воспитатель уходит, а дети начинают шуметь, бегать, прыгать и так далее. А сегодня ничего такого: некоторые укладываются, кто-то уже лежит. Вопросы возникли к Митяеву, Зеленцову и Брадобрееву – они до сих пор не застелили свои кровати, отчего получили замечания от меня. Хотя я сам свою еще не застелил. В целом я удовлетворился обходом и скомандовал всем спать, ибо завтра: ранний подъем, тренировка и первая игра. Все уже привыкли к такому режиму, но лишняя встряска никогда не помешает.

В 22 часа вечера, как и обещано, двери в центральный холл закрылись на ключ. На этаже воцарился покой. В тишине вентиляция шумит громче обычного. На пустой кухне потрескивают включенные светильники. Возвращаясь к себе, я заметил, что свет в комнате Светы и Амиры еще горит. Странно. Главное, в моей зоне ответственности все улеглось.

Я вернулся в нашу комнату. Степанчук тем временем уже отправился в мир сновидений. Очень хочется спать, но не сделать несколько записей в свой дневник я не мог. Тезисно зафиксировав на бумаге события дня, я ради интереса перелистнул ежедневник на случайную страницу и прочел то, что выпало, попутно укладываясь:

«...плюхнулся на стул да стукнул двумя руками об стол. Закрыл глаза – тишина вокруг ласкала уши. Но... тонкой раздражающей нитью из раздевалки доносились разговорчики хоккеистов, пришедших на тренировку. Я зажмурил глаза посильнее и решил внушить себе, что это не разговоры, а капельки дождя, барабанившие по окнам. И ведь поверил – верил и не замечал, как в коридоре мимо дверей сновали хоккеисты с баулами. Хотелось спать. Стоило усесться поудобнее, как кресло подо мной несчастно заскрипело.

«Почему бы сразу не приобрести нормальную мебель для сотрудников? Это кресло чересчур широкое и неподъемное, скрипит, да и спинка у него туговата», – я облил грязью ни

в чем не повинное тренерское кресло, чья жизнь и так одна сплошная задница, и совершенно не услышал, как кто-то остановился напротив тренерской.

Я обернулся. В коридоре, освещенном угрюмым октябрьским светом, стоял крупный парень. Наши взгляды встретились. Я за долю секунды осмотрел его с ног до головы. Выражение лица посетителя, вызывающее и страх, и отвращение, похоже на первую работу неумехи-габитоскописта, который жестоко поиграл в программе по составлению фотороботов.

«Хоккеист. Кто ж еще?» – предположил я.

– Ты не похож на тренера. Ты кто такой? – предъявил мне незнакомец.

– А ты не похож на хоккеиста, – бесстрашно съязвил я. – Это ты кто такой?!

Он усмехнулся, позволил себе вальяжно пройти в тренерскую и сесть напротив – нас разделял только письменный стол. Гость принялся осматривать меня с презрением: «Вот так штука!» – наверняка подумал он, не ожидая увидеть вместо Степанчука какого-то школьника. Школьник заговорил:

– Не беспокойся. Это всего лишь базовый страх. Обычно он плохой помощник в беседе, но зато я вижу, что он помог тебе сосредоточиться, – произнес я, поставив в замешательство гостя. Он не понимал, о каком страхе идет речь. Неужели ему стоит остерегаться меня? Что за чушь?!

– А ты не слишком борзый? – спросил хоккеист.

– Это тебя интересовать не должно.

«Кажется, самый борзый из нас двоих точно не я, – подумалось мне. – Посмотрим, что ты выдашь на трене».

– Так уж и быть. На первый раз я прощу твою дерзость.

– По-моему, ты первый начал задираться, – сказал я. – Да и прошел в комнату без разрешения.

– Это я у тебя должен разрешения спрашивать? – не успел я ответить, как визитер продолжил. – Я скажу тебе вот что, – видно, что парень еле сдерживал агрессию. – Если ты сидишь здесь, наверняка немного шаршишь в хоккее. Я тебе расскажу, кто я такой, – я лишь делал вид, что увлеченно слушаю его. Произношение у гостя – полный атас. Нос поломан; не все зубы на месте. – Команду «Автомобилист» знаешь? С Екатеринбурга которая, – я смекнул, что товарищ является одним из тех хоккеистов, которые живут, так сказать, на два города – не могут найти себе достойное пристанище, как переходящие из рук в руки истертые сапоги. Их берут, возвращают, продают, выгоняют. – Она недавно играла дома с «Мечелом». Гости знатно выпендривались и вообще возомнили себя королями поначалу. Мы им семь шайб захуярили. Пять из них закинул я.

«Нашел, чем гордиться, в самом деле. Одной игрой? А они вам сколько забросили – десять?» – подумал я и решил унижить эгоиста.

– Да ладно?! – выкрикнул я, театрально привстав с кресла и вытаращив глаза. Зрители тут же закричали бы, что не верят. – Дай-ка я отойду от шока! – заявил я и, забыв скрыть издевательскую улыбку, на минутку удалился в коридор. Оттуда без промедления раздался мой нарочито демонстративный оглушительный смех. Бросив переодеваться, самые любопытные хоккеисты выглянули в коридор.

Приезжий возмущился таким поведением не на шутку. Я вернулся в тренерскую – тот посмотрел на меня, как красный смотрел на белого в году так 1918-ом. Я убедился, что на расстоянии вытянутой руки у меня есть то, чем можно прикрыться и оглушить нападающего в ответ.

– Как, говоришь, тебя зовут? – поинтересовался я, толком не отойдя от смеха.

– Я не называл имени, – хоккеист уже вовсю думал, какую часть моего лица разможжить. От первого удара я бы увернулся, а второй бы меня догнал.

– А вот это плохо. Ничего, я в документах посмотрю. Должно же что-то прийти в нагрузку к тебе, – нужную бумагу на столе я искал недолго. Помню же, что-то из Екатеринбурга было. За таких кадров надлежит присылать бумаги и поценнее: рубли или доллары, например.

Только я принялся разглядывать первые буквы фамилии на бумаге, чувствуя, как гость уже тянется, чтобы схватить меня за грудки, за открытой дверью тренерской раздался сначала спокойный, а потом уже сорвавшийся от неожиданности голос Сени Митяева: «Его зовут... ЛЕХА БРЕЧКИН!!!»

Приезжий развернулся и вскочил со стула. Предмет мебели чуть не отлетел в угол. Леша кинулся в объятия к другу. Ну и сцена – вокзал отдыхает.

– Вернулся, вернулся! – звал остальных Митяев. – Пацаны, Бреча вернулся...»

Я заснул.

– Ты представить себе не можешь, как он меня заебал, – ходил взад и вперед по комнате Алексей Бречкин.

– Не тебя одного, – поддакивал ему Сергей Смури.

Естественно, речь шла о помощнике тренера.

– Хочу все делать ему наперекор. Хочу выжать его отсюда!

– Арс тебе за это спасибо не скажет.

– Из-за Митяева он тут и возник. Арсен сам уже пожалел, что допустил это.

– Да не обращай ты внимания, Лех. Елизаров ведь, по сути, ничего плохого и не делает.

– Калит просто!

– Надоедает, конечно, немного. Но некоторые вещи весьма здравые. Я даже как-то читал о них в книжке...

– В какой, на хуй, книжке?! Вспомни, что он выдал в первый день. Вы сами мне рассказывали. А его номер с Вольским? Ты считаешь это адекватным?

Смури промолчал.

– Хер с этим Вольским. Он слабак. Но я же в сотню раз сильнее Елизарова. Как ему вообще хватает смелости твякать в мою сторону?!

– Значит, не видит в тебе угрозы. Ты же бесишься постоянно – твои действия можно легко просчитать. А вот те, кто спокоен, могут в нужный момент сотворить такой сюрприз, что мало не покажется, – произнес Смури.

– Такие, как ты?

– Пока что я не вижу смысла вмешиваться. Меня сейчас больше беспокоит, почему ты так сильно завелся.

– Да потому что с этой мразью надо что-то делать.

– Для начала ты бы успокоился, – Смури пытался вразумить и утихомирить Бречкина, но эффект от этого, как от тушения огня бензином.

– Я не ты. Мириться с этим не собираюсь.

– Ты вообще меня слышишь? – вещал из-под одеяла Смури. – Многие ржут над ним тихо. Весело же иногда наблюдать за его психами, скажи? Да и без него есть вопросы поважнее.

– Ржут, говоришь? Весело им? А, может, вы все за него?! – рявкнул Леша.

«Это уже какая-то паранойя», – устало подумал Сергей.

– Я ни за кого. Я со всеми, – изрек Смури.

– Вот я со всеми и подниму этот вопрос.

– Поднимай. Но я заметил тенденцию: какой бы треш от них с тренером не исходил, мы стали лучше играть в последнее время. Это факт. Какая-никакая, а польза от этого человека все-таки есть.

- Эта целиком наша заслуга, а не их! Морду я ему все равно набью.
 - Тогда будешь иметь дело с Арсом. Или еще с кем похуже. Ты, видимо, периодически забываешь, что за пьянки, драки и прочее твое любимое дерьмо могут и выгнать.
 - Не помню, чтобы кого-то выгоняли.
 - Больше всего предупреждений у тебя... одного...
 - Спасибо Степанчуку. Его я тоже не перевариваю! А тут еще и второй нарисовался. Может, это он меня сливает?
 - Вряд ли.
 - Но ко мне он прилип с самого моего возвращения.
 - Читал, наверное, твою характеристику из «Автомобилиста». Как бы там ни было, твоя эмоциональность до добра не доведет. Тебе же и выйдет боком.
 - Не знал, что ты такое сыкло.
 - Я бы предпочел слова «осторожный» и «предусмотрительный».
 - Однозначно надо проситься обратно в Ебург. Или в Тагил. Там хотя бы этого маразма с помощниками не разводят.
 - Вот именно. Ну и где они в турнирной таблице?
 - Может, в Пермь?
 - Тебе бы к психиатру попроситься.
 - Да пошел ты! Я разберусь, вот увидишь.
 - Ага, да-да. Ты это хотел услышать? Сосредоточился бы на чем-нибудь важном – на завтрашней игре, например.
- Тут дверь распахнулась, а гримаса Бречкина злобно сморщилась. В комнату воинственно заглянул я, проверяя наличие личного состава. Убедившись, что все на месте, я захлопнул дверь.
- Наверное, ты прав.
 - Еще бы.
 - Но все равно я не могу чувствовать себя спокойно, пока он тут командует.
 - Придет еще твое время. Но я бы попросил тебя лечь спать. А то ты уже марафон по комнате прошел. Не знаю, какие тебе еще аргументы привести.
 - Никаких не приводи! Помоги подлянку ему сделать.
 - О-о, нет, это без меня, – отмахнулся Смурин. – Я не считаю этого человека такой уж великой проблемой, на которую стоит тратить время. В отличие от тебя. Ведь в обыденном общении он вполне себе нормальный...
 - Ничем нормальным там и не пахнет! И точка!
 - Не горячись. Хлебни вон... Что там у тебя? – Смурин показал на кружку.
 - Заварил себе кофеек. Остыл, правда, – отпил немного Бречкин.
 - Откуда у тебя кофе?
 - С банки. Со здешней кухни.
 - Так он, наверное, чей-то.
 - Спроси вон у Степы. Откуда он там, с Сургута? А живет в общежитии у Политеха. Так вот: в общежитии твоя еда на общей кухне только тогда твоя, когда подписана. Все остальное – общее.
 - Банка с кофе была подписана?
 - Я не проверял, – признался Бречкин.
 - Главное, чтобы это реально кофе был.
 - Да кофе как кофе, – успокаивал себя Бречкин, невольно прихихиваясь.
 - Ну смотри, – улыбнулся Смурин.
 - Кстати, о кофе, – вспомнил Леша. – Этот мудака говорил нам простыни не засрать? Они якобы новые?

– Что ты собрался... – Смурин не успел договорить, как Бречкин с упоением плеснул содержимым кружки на белую простынь, мигом пропитавшуюся крепким напитком. Образовалось раскидистое пятно коричневого цвета.

– Сожри, тварь! Сколько раз ты сдавал меня Степанчуку?! Опаздываю, кидаю, пью, матерюсь – все тренеру на ушко, сука!

– Это ты зря, – протянул Смурин, удивляясь поступку Бречкина.

– Вот пусть теперь и решает с этой теткой.

– Цены бы тебе не было, – начал загибать пальцы Смурин, – если б ты не опаздывал, не кидал, не пил, не матерился. По сути, Елизаров прав.

– Тут еще чуток осталось. Сейчас в тебя полетит, – пригрозил Бречкин.

Сергей решил не нагнетать, а лишь получше укрыться одеялом и отвернуться от неадекватного соседа к стенке, а то реально сорвется. Напоследок Смурин не мог не сказать:

– На чем ты, правда, спать будешь?

– Твою мать! – растерялся Алексей, увидев, что уделал свою же постель. – Ну-у, сейчас Богатырев с толчка придет – пусть ложится.

– Не ляжет он туда.

– Я его заставлю.

«Ярость и гордыня. Они тебя погубят, Лешка. К гадалке не ходи», – подумал Смурин, засыпая под злобное бормотание Бречкина, перестилающего постели, свою и Богатырева.

В одной из комнат все-таки не спали. Шебаршение продолжилось. Митяев, Зеленцов и Бradoбреев выжидали, когда можно продолжить охоту. Усидеть на месте никак не получалось, но и попасться мне на глаза тоже никто не хотел.

– Хоть бы у задрота не было бессонницы, – произнес Зеленцов.

В темноте все трое пытались накинуть на себя приемлемую одежду.

– Кажется, нет, – ответил Митяев.

– А откуда ты знаешь? Свечку возле него держал? – съязвил Бradoбреев.

– Часто он сегодня нарывается. Согласен, а, Никит?

– Поддерживаю. Так и хочется его проучить.

– Лучше сразимся на другом поле, братцы-кролики, – предложил Пашка. – Сами знаете где...

– Ты так в себе уверен? – свысока уточнил Зеленцов.

– Завалю любую в два счета.

– Размечтался.

– Я один иду чисто поговорить? – поинтересовался Митяев.

– Хорошо заливать. Это на тебя совсем не похоже, – разволновался Зеленцов.

– Заранее сливается просто, – сказал Бradoбреев.

– Коплю силы на завтра, – спокойно ответил Арсений.

– У Егорки одни отговорки.

– Вы не понимаете. Я вам уступаю дорогу, чтобы вы оба смогли потарабаниться сегодня. Просто, если я буду в игре, можете даже не пытаться, – заявил Арсений, отчего Никита с Пашей чуть не залились громким смехом.

– Не зарекайся.

Митяев тем временем принялся рыться в том самом бауле с припасами.

– Чего ты делаешь? – забеспокоился Паша.

– Надо захватить допинг для вас, – произнес Сеня и выудил из баула бутылку вина.

– Мы в допинге не нуждаемся, – заверил Никита.

– Не зарекайся, – Митяев вернул Зеленцову его же собственную фразу. – Без этого вы вечность телок уламывать будете. Да и несолидно с пустыми-то руками идти.

– А мы не спалимся с бутылкой?

– Кто не рискует, тот не пьет, – произнес Митяев. – Думаю, Елизаров уже давно пускает слюни на подушку. Либо пишет. Либо читает. Зуб даю.

– Удивляюсь твоим познаниям, честное слово.

– Или ты хочешь, – обратился к Паше Арсений, – перелить это в другую тару прямо здесь, чтобы вся общага на запах сбежалась?

– Что за глупость? – не одобрил Зеленцов.

– Рабочая схемка, – облизнулся Брадобреев. – Я про перелить.

Абдуллин дрых без задних ног. Однако разговоры разбудили Кошкарского:

– Вы куда?

– Спи давай, – скомандовал Митяев.

Их колонна смахивала на отряд разведчиков, которые должны проникнуть в тыл противника.

– Надо же, мальчики, – воскликнула Амира. – У нас кружек на всех не хватит, – девушку смутило появление четвертого хоккеиста с натянутой улыбкой, Степы Кошкарского. И его тоже тянуло облокотиться об дверной косяк.

– Кружек?

– Мы решили, – продолжила Амира, поглядывая на Свету, – что в одних полотенцах вы могли замерзнуть. Топят у нас так себе. Поэтому согрели чаю.

– Ничего себе подробности, – присвистнул Кошкарский (это он про полотенца).

– Не было нам холодно, – отрезал Брадобреев. – Как раз наоборот. Полотенца временами даже хотелось скинуть, – сказал он, состроив глазки Свете.

– У нас есть кое-что покрепче, – Митяев предъявил публике бутылку вина.

Амира весело всплеснула руками, а ее подруга напряглась еще больше. Зеленцов не спускал глаз со Светы: «Не бойся, дорогая, – приговаривал он. – Со мной ты расслабишься», – вместе с Сергей он подсел к ней. Арсен с Павликом опустили на кровать Амиры.

– Ой, вот я растяпа, хлеб порезала и на кухне забыла. Надо принести, – засуетилась Амира.

– Сиди, сейчас принесу, – сказал Митяев, а Степа зачем-то поплелся за ним.

Хороший момент, чтобы их прижучили из номера тренера, но обошлось.

– Узбечка. Арсен, ты серьезно? – спросил на кухне Кошкарский.

– А чего такого? В темноте все женщины одинаковые. Больше всего мне интересно, почему ты здесь и что об этом думает Алина? – спросил Митяев.

Они вернулись в комнату к девчонкам.

– ...А ничего Алина не узнает, – Степан закончил начатую в коридоре фразу.

– Алина? – уточнила Амира.

– Наш дядя Степа просто не расслышал твое имя.

– Я Амира, – улыбнулась она и протянула Степке свою смуглую ручку.

– Степа, – легонько пожал ей руку Кошкарский и безмолвно кивнул Свете. – И я не такой уж и глухой. Амира, наверное, что-нибудь да означает? – спросил он, попутно думая об Алине, про которую ему напомнил Митяев. В команде Кошкарский, можно сказать, побил рекорд по времени отношений с одной-единственной девушкой. Пока остальные заводят мимолетные недельные романы, а потом бросают девчонок и переключаются на свежее мясо, Степан души не чаял в Алине. О каких-либо ссорах и расставании речи не шло.

Амира ответила:

– Это означает: лидер, красавица, ведущая за собой, ведущая к победе.

– Классно. Мне нравится, когда имена что-то значат.

- Каждое имя что-нибудь значит, – произнесла Света.
- Что же значит твое? – нежно спросил ее Зеленцов. Та слегка покраснела.
- Предлагаю тост, – перебил их Брадобреев. – За победу!

Пили из разномастных кружек, которые только удалось раздобыть, поглядывая друг на друга. Винишко должно унять стеснение и развязать языки. Однако у Светы уже есть негативный опыт – к подобным посиделкам она относится с осторожностью. Проснуться утром в постели с одним из этих четырех мушкетеров, конечно, лучше, чем с Витей, но едва ли.

– Неужели спортсмены пьют? – спросила Света, застенчиво отпивая по капельке вина из своей кружки.

– Это же чуток всего, – ответил Паша. – Для крепкого сна на новом месте.

– Да ладно скромничать, – сказала Амира, указав Кошкарскому подлить ей вина. – Вы же на игры приехали, правильно? И когда же они?

– Завтра и послезавтра, – ответил Степан, закусывая нарезкой, приготовленной девчонками из оставшихся пожитков.

– А вы бывали когда-нибудь на хоккее? – спросил Зеленцов, глядя на Свету.

Не успели девушки ответить, Паша предложил:

- Приходите посмотреть, как мы разнесем «Мечел».
- Что-то я совсем в этом не разбираюсь, – призналась Света.
- Так мы вас научим, – тихо ответил ей Зеленцов.
- Расскажите нам все, – предложила Амира.
- С большим удовольствием, – согласились парни.
- И самый главный вопрос: от кого вы, четыре взрослых парня, прятались?

Судачили непринужденно. Рассказ о хоккее периодически прерывался тостами. Серьезность и обеспокоенность посетили лица хоккеистов только раз – когда они затронули тему тренерского помощника, выдавая себя невинными жертвами положения.

А чем дальше в лес – тем больше дров. Намеки стали прямее, а полуночные гости – развязнее и нетерпеливее:

– Знаете, девчонки, в чем выражается хоккейный оргазм? – вещал Митяев. – Когда хватаешь шайбу на крюк и со всех ног несешься в чужую зону, обходишь одного, второго, откидываешь от себя третьего. Выходишь один на один с кипером и засовываешь шайбу в ворота с мясом, всаживаешь ее как оголтелый! Вот это, – твердил он, – полнейший экстаз, высшее наслаждение. Тысячу раз так делал. И хочется еще и еще... И не только на льду, – Митяев недвусмысленно подмигнул Светочке.

– Страшно подумать, что за экстаз у вратаря? – задала вопрос Амира, желая сфокусировать внимание Арсения на себе.

– У вратаря? – задумался он. Абдуллин бы с удовольствием ответил (правда, он баб как огня боится). – У вратаря, получается, садомазо, – на этот раз Митяев подмигнул Амуре.

– Даже не думай, Арсюша, – весело отмахнулась она, – даже не думай об этом. С нами так просто не пройдет. Защита в нашей со Светой команде не даст вам этого сделать.

– А мы большинством возьмем, – поддержал друга Паша.

– О защите позаботимся. Не переживайте, – заверил Зеленцов.

От таких разговоров Свете обычно не по себе, однако с увеличением количества выпитого вина ее стали посещать и противоположные мысли. Особенно когда она поворачивалась в сторону Зеленцова или поглядывала на Амиру, которая весело поддерживает беседу и, кажется, согласна на троих сразу, ибо четвертый (тот, что с копной соломы на голове) почти не принимает участия в разговорах, а лишь ловит каждое слово и движение одной только Светланы. Девушка на полную катушку принялась воображать, какой Зеленцов по характеру, какой он в обыкновенной жизни. Она поглядывала на его лицо, руки, стан, дивилась его сдержанной манере, размышляла о нем как о кавалере. Поскольку сравнивать ей особо не с кем (кроме

Вити), она противопоставляла минусы своего парня достоинствам Никиты (о наличии которых не знала наверняка). Естественно, по каждому из пунктов Витя проигрывал Зеленцову. Но боязнь у Светы никуда не делась. Повторения той скверной истории хотелось избежать. Но он же здесь. Как же он смотрит на нее. Как же трепещет ее размякшее от красного вина сердечко при одном лишь мимолетном взгляде на этого паренька. Так на нее еще никто не смотрел – тем более Витя, из рук которого Света начала стремительно выскальзывать, ведь держаться особо не за что.

С каждой минутой девушки теряли самообладание. В плане выпить пацаны явно покрепче дам. Внезапно Светина растерянность показалась Амуре тревожной, и она – может быть, и в ущерб себе – решила сбавить обороты:

– На голы, мальчики, пока не надейтесь, – важно подчеркнула она. – На случай угрозы мы возьмем тайм-аут.

– А ты схватываешь на лету.

– Возьмем тайм-аут и обратимся, к кому следует. Через несколько дверей. Нас заверили, что помогут.

– У-х-х, – с досадой протянул Брадобреев, чуть не пролив вино на постель Амиры, – как грязно и нечестно!

Что-то цокнуло на пожарной лестнице за окном.

– Тише, чтоб тебя, – шикнул Митяев.

– За такие действия на льду... жестоко наказывают, – отреагировал Кошкарский.

Время действительно позднее.

– Это не стоп-сигнал. Просто еще немного, и ваши надзиратели могут проснуться.

– К тому же, мальчики, нам завтра рано вставать, – добавила Света.

– Так и есть, – согласилась Амира.

– Это, кстати, тоже запрещенный прием. Так кайф обламывать, – произнес Митяев.

– Приходите завтра на игру.

– У нас завтра занятия на весь день.

– Но про этот момент с оргазмом ты подумай, – не отставал Паша. – Это надо видеть живую.

– Тогда в субботу?

– Скорее всего. Но не обещаем.

Квартет хоккеистов, распрощавшись с девчонками и слегка позабыв про осторожность, неуклюже побрел восвояси. На полпути до номера Брадобреев ни с того ни с сего очнулся:

– Мужики. Мы же с этой болтовней забыли их елдыкнуть.

– Согласен. Давненько такого не было, чтобы сваливали тупо после разговора.

– Предлагаю зачесть всем техническое поражение в споре.

– А был спор? – удивился Степа.

«Еще есть завтра. Я начал. Я и закончу. Вы, друзья мои, только мешаете, – Зеленцов размышлял без устали. – Света. Ее зовут Света».

– Есть еще завтра, – вслух повторил Зеленцов.

– Пойди подрочи и успокойся.

– Сам иди!

– Не надо. Это точно кто-то заметит.

– Ух ты, какой смелый!

– А знаете, что я понял, – вдруг заявил Арсений. – Завтра мы с такой же легкостью свалим отсюда на тусу.

– Да будет так. Аминь!

Диалог между Арсением, Никитой и Пашкой никак не цеплял зевающего Кошкарского, который мигом завалился на свою койку и отключился. Другие тоже последовали его при-

меру, совершенно забыв о девушках и о том, что выжрали целую бутылку из стратегического запаса.

А вот визит четырех симпатичных парней не на шутку всколыхнул девушек.

– Страшно подумать, что случилось бы дальше, – произнесла Света. – Еще бы минута...

– Чему быть, того не миновать. Пора уже взрослеть, – твердо заявила Амира.

– Еще бы минута, – продолжила Светик, – и я бы поцеловала его, – она, кажется, пребывала в шоке от этого.

У Амиры отстегнулась челюсть:

– Что ты сказала?! Ты перепила слегка, я смотрю. Ложись-ка спать, – непонятно, какой стратегии все-таки придерживается Амира по отношению к подруге?

Свету развезло – она плюхнулась на койку и продолжала говорить, витая в облаках:

– Может, ты и права.

– Ты не обольщайся слишком.

– Я не могу не думать об этом.

– Если честно, я говорила тебе о разрыве с Витей, чтобы... ну... подбодрить, раззадорить.

Никак не...

От сказанного Света ни с того ни с сего неистово взбесилась. Тогда-то Амира поняла, что наделала, однако поздно пить «Боржоми»...

– Витя мне противен! Я уже достаточно натерпелась. Я готова уйти от него... к любому!

– Очнись.

– Все ему назло делать буду! Уголовник. Я ему всю себя. А он что? Что он мне дал?!

Проблемы! А мне романтики хочется, внимания хочется. Хватит уже долгов – я ничего ему не должна, понятно?! – Света чуть ли не кричала в лицо Амуре, на полном серьезе желая покончить с Витьком.

– Ты слишком громко кричишь.

– Да пусть все слышат!

– Потихше. Успокойся, – пыталась урезонить разбушевавшуюся подругу Амира. – Ты чересчур торопишься.

– Не тебе меня судить. Не делай вид, что это не твоих колдовских рук дело!

– Не надо было тебе выпивать.

– Ты, я смотрю, себя не сдерживаешь! Только и ждешь, чтобы на тебя набросились?!

– Света, не надо так.

– Приятно тебе?! Нет?! Так же хреново и мне было, когда со мной поступили как с какой-то вещью. Ладно, если бы любили. Так мой парень просто безмозглый пень. У меня вон кто теперь есть! Узрела?!

– Что ты хочешь этим доказать?

– Что он урод, Амира! Думаешь, он что-то предпримет и будет за меня бороться? Да как бы не так! Зачем он такой мне сдался?! Я любви хочу, большой и чистой.

– Да разве есть такая?

– Я создам ее. Вот увидишь.

– Давай-ка ложись, – настаивала Амира. Светик, кажется, потратила остатки энергии на яростные реплики. – А я сейчас приду.

– Куда ты?

– Схожу носик припудрить, – Амира сказала первое, что пришло в голову, нетерпеливо пошла в сторону уборной, тяжело вздыхая и держа обе руки внизу живота... сгорая от нетерпения.

– Только и умеешь, что мозги с носами пудрить, – Света не уверена, что подруга ее услышала.

Блондинка немного всплакнула от досады и уселась на постели, дабы ее слезы не намочили подушку. Светлана глянула в темноту за окном и задумалась: «Правильно ли все это? Нужно ли все разрушать из-за минутной слабости? Может, я слишком тороплю события с этим хоккеистом? Но как же он на меня смотрел... А, с другой стороны, Витя спрашивал меня, когда использовал? Нет!» – она медленно опустилась на подушку, повернулась к стенке и попыталась уснуть, хотя чувства лились через край.

В крошечной темноте за окном кое-где виднелись желтые точки – отблески окон соседних домов. С течением времени эти огоньки исчезали: все ложились спать и тушили свет. Когда посвежевшая и немного воспарявшая духом Амира вернулась и выключила свет в комнате, накрывшись одеялом, за их окном на мгновение зажегся еще один маленький огонек оранжевого света и через секунду погас. Еле-еле слышалось звяканье замерзших металлических прутьев пожарной лестницы.

На морозе снаружи Глеб, брат Витька, нервно и ненасытно втягивал в себя дым из дешевой сигареты, сжимая ее замерзшими пальцами. До того он, поднимаясь по пожарной лестнице к корешам (в обход вахтера), чтобы подымить дурмящей травой, наткнулся на занятую картину в комнате девушки его брата. На протяжении всего вечера Свету и Амиру обольщали трое, а потом и четверо неизвестных пацанов. Непорядок!

Глеб мигом сложил все в единую мозаику. Следить пришлось долго – он заморозил соплю в носу, но не оставил наблюдательный пост и увидел достаточно. Никто его в пылу беседы и не приметил. Он сидел с весьма кислым выражением лица – обида за брата переполняла его, что Глебу несвойственно. Он жил ради себя и сооружал все низости исключительно для собственной выгоды и собственного наслаждения. Той ночью он приговаривал, глядя на Свету: «Вспомнила бы, кто ты такая и откуда, сучка!» – он трясся от холода, кусал губы, но кипевшая внутри ярость от того, как какой-то длинноволосый мудака строит Свете глазки и мимолетно прижимает ее к себе, мигом согревала Глеба.

Что же предпримет Глеб? Для начала он поведает все брату, молчать не станет. Но кто, по сути, этот Витек? Болван, недоумок. Светочка досталась ему только благодаря оплошности Глеба. А где же братская благодарность, спрашивается? Выкуси, брательник! Глеб заключил, что нужно действовать быстро. Витя не удержит у себя такой лакомый кусочек свежего девичьего пирога – да, именно так 16-летний Глеб позиционировал девушку родного брата. Хороший повод сделать так, чтобы соскочила. А что, если, соображал Глеб, на смену Вите придет его же братишка. Вот тогда-то он ему за все отомстит... и Свете тоже. Его тело покрыли мурашки от одного лишь предвкушения успеха.

Решено. Витьку надо все рассказать, да побольше подробностей: мол, целовались, обнимались, лапали друг друга, она называла своего нынешнего лохом и неудачником. Такое точно снесет Вите башку. Если у него есть хоть немножко гордости, братец побежит разбираться и наверняка «случайно» поднимет руку на свою девушку. Но Глеб как по волшебству окажется рядом и защитит бедняжку. Если кто-нибудь не уделает Витю раньше – например, эти же самые спортсмены.

Глеб заключил, что это недурной план. «Отличный подарок на день рождения!» – подумал он и бросил докуренную сигарету на снег вниз.

История четвертая. «Смерть хоккеиста»

«Обычно я стараюсь не вмешиваться в педагогические методы Виталия Николаевича, однако совсем не поддерживать их я не могу. Одновременно я воплощаю в жизнь свою стратегию, что гарантирует ненависть хоккеистов уже не к одному, а к двум надзирателям.

За месяц моего пребывания в хоккейной школе все присутствующие уже успели ко мне привыкнуть. Поэтому нужно постоянно изворачиваться и придумывать что-то новое, дабы все не расслаблялись. Находясь в обществе спортсменов практически ежедневно, я испытывал смешанные чувства: с одной стороны, мне нравилось командовать и всяческим образом воздействовать на хоккеистов; с другой же стороны, я понимал, что порой заплываю за буйки. Пора меняться: быть в их глазах не только злым и жестоким сторонником еще более злого и деспотичного тренера, но и кем-то вроде помощника, советчика, человека, на которого можно положиться, к которому незастенчиво обратиться в трудную минуту просто за помощью, за поддержкой. Битва внутри меня продолжалась – пока верх брала плохая сторона.

В один из ноябрьских дней 2011 года магнитогорская ледовая дружина играла с аутсайдером первенства – командой «Молот» из Перми. Казалось, что может быть проще – легко и элегантно выиграть. Еще проще сделать это на домашнем льду. Магнитогорские хоккеисты настроились на победу без боя. Однако игра откровенно не шла.

Как известно, фортуна – штука переменчивая. В тот день она внезапно отвернулась от нашей команды. Конечно, времени вернуть ее обратно оставалось более чем достаточно. Но сыпалось абсолютно все, чем доводило некоторых ведущих игроков до бешенства. Легкие и спонтанные шайбы воодушевили «Молот» – соперники находились на подъеме, на кураже и с еще большим рвением отправлялись штурмовать ворота, охраняемые Темой Абдуллиным. С первых минут игры наш кипер пребывал в недоумении от несерьезных голов, пропущенных на протяжении двух периодов. Не во всех плюхах виноват Артем. Быть может, «Магнитка-95» просто недооценила противника. Вот и удача в сговоре с обстоятельствами и случайностью решила проучить зазнавшихся и легкомысленных пацанов.

После сорока минут счет на табло «3:4» – не в пользу «Магнитки-95». Впереди еще целый период – он мог принести магнитогорцам победу, но об этом будто забыли. Степанчук негодовал, а я негодовал с ним за компанию, попутно размышляя, какие действия лично я могу предпринять, чтобы команда перевернула ход матча. В свою очередь, Виталий Николаевич думал только о защите и о реализации моментов.

Оказавшись в раздевалке, хоккеюги (даже те, кто всю игру просидел на скамейке) стали негодовать, возмущенно высказывать свое недовольство, искать виноватых и ругаться друг с другом. Все были разобщены как никогда. Теперь (обычно это продолжается недолго) каждый здесь сам за себя: все будто плюют на общность действий и командный дух; каждый считает себя жертвой неграмотных действий партнеров, толком не обращая внимания на самого себя. В такой обстановке белой вороной стал Ваня Пирогов, который молча дремал в углу, запрокинув голову. Ставить его в рамку в третьем периоде рискованно, ибо может пропустить еще.

Передо мной задача особой сложности, со звездочкой. Дано: куча злых хоккеистов, множество противоречащих друг другу суждений по поводу практически слитой игры и виновников еще не случившегося позора. Условие: предельный накал ситуации вплоть до полного разобщения команды. Вопрос: когда до точки кипения дойдет команда и переменные X и Y? Решение: введем X и Y (Елизарова и Степанчука соответственно).

Степанчук летел в раздевалку со скоростью света – я не попевал за ним. Тренер смахивал на разъяренного быка, который вырвался из загона: он топтал землю копытами и искрил

глазами. Виталий Николаевич рвался растерзать мальчишек, которые отбились от рук и не выполняют его установок.

Только Степанчук зашел в раздевалку, хоккееры сразу вытаращили на него глаза, замолкли и приготовились к неистовству тренера. Виталий Николаевич мгновенно перенесся в центр помещения как вихрь. Вслед за ним в раздевалку просочился я и с недовольным лицом занял позицию в сторонке, сложив руки на груди и слушая матюги Степанчука, обращенные к непрофессионализму, тупости и бездарности команды. Попутно наставник умудрялся делать замечания, поправлять и инструктировать. Мне пришлось слушать внимательно, дабы не повторяться. Все знали: последует и мое слово, и оно ни в коем случае не будет уступать тренерскому.

Кошкарский первым попал под горячую руку коуча, получив подзатыльник. Потирая голову, Степа протяжно спросил:

– За что?!

– За дело, небоскреб ты недостроенный! Каждый из вас достоин удара кувалдой по башке. И не раз! А еще лучше – большого пенка под зад вон из хоккейной школы за такую игру! Вам ведь еще дальше идти. Игра, которую вы показываете – ужасна и отвратительна! Против вас аутсайдеры, представляете?! Я надеюсь, вы, сборище фигуристов некомпетентных, больше не рискнете меня расстроить и забьете наконец две поганые шайбы! – Степанчук еще и активно жестикулировал. В руке он держал бумажку со списком команды и еле сдерживал себя от того, чтобы, поддавшись бешенству, швырнуть ее в кого-нибудь или разорвать на миллион маленьких кусочков и заставить хоккеистов ею отобедать. – Сегодня с вами играет команда subtilных мальчиков. А у меня складывается впечатление, что это вы компания этих самых мальчиков, а не «Молот». Они зацепились за эти заброшенные шайбы, они воодушевили их. Появился настрой. Они что, у вас его стянули? Они атакуют – вы стоите, они забивают – вы стоите. Они умудряются простейшими финтами вас обманывать, потому что понимают, что вы опять будете стоять. Где прессинг, где перехваты, где защита, где нападение, где контратаки, мать их за ногу?! Вы что-то в конце охуели! Я этого терпеть не буду. Если сегодня до ваших деревянных голов не дойдет, будете батрачить у меня круглые сутки как рабы! Мало вам не покажется – мы сделаем так, что после тренировок вы даже в зеркалах отражаться не будете. Подумайте – пораскиньте мозгами... или что там у вас вместо них? Это первое! – все тяжело вздохнули, что, кажется, разъярило тренера еще больше. – Ага! Вы еще и дышать в состоянии – значит, выложились недостаточно! Ясно с вами все – симулянты, сука! Митяев!

– Да, тренер, – произнес Арсений. Степанчук подошел к нему. Сидящим рядом стало не по себе, когда они виновато взгляделись в лицо тренера, изуродованное гневом.

– Устал, наверное? Можешь не отрывать свою задницу от лавки. И вообще, в разговоре с тренером – молчи! – Арс с недоумением посмотрел на него. – Скажи, звездац: ты в конце опиздоумел?

– Почему? – вылутился на него Митяев, однако разгневанный Виталий Николаевич уже вернулся в центр комнаты. Естественно, Арсений раздражен не только сложившейся игрой, но и таким обращением. Он больше думал о том, что нужно быть внимательнее, больше суесться на площадке и дорабатывать моменты, ведь он сегодня еще не отличился.

Степанчук завопил не своим голосом:

– Молчать! Завали ебальник! Ты такой крупный баран и заступиться за себя не можешь! Они совсем от рук отбились – хуячат вас локтями в голову, а вы ничего сделать не можете, только лед после них целуете! Пиздец, блять! – Степанчук вошел в раш. – Кошкарский! У тебя как раз подходящие пропорции, чтобы делать из противников котлеты и размазывать их по бортам. А сегодня будто не ты котлеты из них делаешь, а они из тебя

антрекот готовят. Как сосиску тебя по льду раскатывают! В чем дело?! Давно по башке не получал?!

– Да вот было уже, – вновь потер затылок Степка.

– Не сомневайся, еще добавим – потери 20 минут.

Тренер направился к Абдуллину, утопившему лицо в полотенце, встал перед ним, согнув колени и раскинув руки. Степанчук игриво произнес по слогам его фамилию, оперся на плечо вратаря, повернулся и, показав на него пальцем, заявил:

– Посмотрите, изверги, что вы сделали с нашим ценным (это слово прозвучало очень неестественно) вратарем! Как же ваши клеиши кривые дорвались до такого?! Наш вратарь устал, он изнеможен и к тому же весь в дырках. И не потому, что он неопределенного пола, а потому, что все без исключения посланные «Молотом» шайбы попадают в него и дырявят, на чем только свет стоит! – Абдуллин сдержанно улыбался. Тренер продолжил свой спич. – Товарищи, поработайте над этим! – Виталий Николаевич чуть-чуть смягчился и тихо стал разгуливать по раздевалке. Я молчал.

Сквозь тишину все услышали веселый и уверенный говор игроков «Молота» из гостевой раздевалки. Тренер соперника хвалит своих ребят и подбадривает их на продолжение противостояния. «Молот» явно в хорошем настроении и настроен выигрывать – совершенной противоположностью была раздевалка хозяев.

Услышанное очень не понравилось Степанчику:

– Видите, дети, что творится?! – он показал рукой в сторону коридора. – Видите, что они себе позволяют?! Они настолько не привыкли к этому, что от победы свалятся и умрут на месте. Мы должны свершить благую миссию по сохранению их жизни и выиграть. Господи, не слушай, что я несу! Так... как известно, рыба начинает гнить с головы. Все неудачи зависят не только от ваших личных действий, но и от действий вашего капитана. Где эта кудрявая свинья?! Волчин! Ты куда спрятался?!

– Я здесь, – тихо сказал Андрей, сидящий на лавке в дальнем краю раздевалки тише воды ниже травы. С его кудрявых волос как из крана лился пот. Парень то и дело вытирался полотенцем и моргал глазами.

– Волчин, ты капитан или шлюха?! – спросил Степанчук.

– Не понял.

– Как же это ты меня не понял?! Ты же у нас великий умник, отличник! Можешь засунуть все свои знания в задницу, которой ты не умеешь шевелить ни на льду, ни в школе, ни даже дома! А теперь к главному вопросу. Эти неучи выбрали тебя капитаном, а ты, я смотрю, один час команду обслужил и убежал, бросил, переметнулся.

– Вообще пиздюк! – вмешался Зеленцов, видимо, желая таким образом согласиться с позицией Степанчука, то есть неуклюже подлизаться. Но не вышло.

– От такого же слышу! – вернул Степанчук.

– Почему же? Вы правильно сказали: капитан является лидером и должен вести команду вперед. Когда же нормально играть, если наш хваленый кэп...

– Ой, ладно, Зеленцов, хватит! – отмахнулся Степанчук. Тема ему уже наскучила. Волчин тем временем злобно взглянул на Никиту. – Кто там у нас еще остался?!

Виталий Николаевич принялся разглядывать список (он называл его «расстрельным»), называть фамилию и высказывать все, что думает о человеке. Похвалы и благодарностей не предусмотрено.

– Ага, Брадобреев!

– А что сразу Брадобреев?! – оживился Паша. – Я как бы две шайбы забросил, – нападающий рассчитывал на благодарность.

– Изыди, сатана! – буркнул Степанчук. – Надо же, а! Он «как бы» забросил. Тогда ты «как бы» молодец! А если ты «как бы» молодец, то с тебя еще «как бы» две шайбы: будут

шайбы – будет зарплата, не будет шайб – будет расплата! Ты не вылезешь из качалки, понял?! – после этих слов Паика слегка приуныл и стал пристально разглядывать свою клюшку.

В раздевалке возник местный врач и поинтересовался, все ли у всех хорошо в плане здоровья. Степанчук ничего не имел против этого милейшего человека, но изредка подшучивал над ним и выражался при нем как неадекватный:

– Ты это, подожди-ка немного за дверями – минут пять. Скоро я здесь всех убью и потребую твоя помощь! – произнес Степанчук, разглядывая список. Доктор улыбнулся и исчез.

Сделав еще пару ремарок, Степанчук спросил у меня, сколько осталось времени.

– Минут семь до начала периода, – ответил я.

– Отлично! Значит, я еще успею дать эту... как ее, установку.

– Мы же все равно не слушаем, – словно нарывался Митяев.

– На льду вы как псы на собачьей свадьбе – срываетесь с цепи и делаете все, как сами считаете нужным, – говорил Степанчук. – Тем не менее я попробую...

– Все, что мы делаем на льду – это основа того, что мы отрабатываем с вами на тренировках, – выдал Арсений (наверное, он хотел добавить, что порой не получается осуществить задуманное).

– Плохо вы, значит, относитесь к тренировкам, если на играх такое говно выдаете, – разочарованно добавил тренер. – Я вас такому не учил.

Спустя несколько минут установка на решающий период все-таки была дана. В оставшиеся минуты перерыва хоккеисты могли перевести дух и расслабиться. Все быстро забыли о том, что творилось в раздевалке до прихода тренерского штаба. Лишь самые злопамятные держали в себе ненависть.

Можно вздохнуть с облегчением, но не тут-то было: оставалось слово помощника тренера, которое окончательно размажет хоккеистов по стенке. Торжественно мне это слово предоставил Виталий Николаевич:

– Что ж, я не знаю, как по-другому вам объяснять. Надеюсь, мой помощник достигнет до вас, – сказал он и убрался в тренерскую, погрузившись в думы о предстоящем периоде.

Я медленно стал ходить по раздевалке взад-вперед.

– В наше время люди могут целую речь написать, чтобы оправдать себя. Зато не могут вымолвить простые фразы: «прости, я был не прав» или «признаю, это моя ошибка», – начал я.

Однако с уходом Степанчука исчез регулятор смирения в команде, и все оживились, а Арсен, утомленный невезением, попросил меня:

– Петь, не грузи! И так после Степанчука тошно.

– Я бы с радостью, но не могу. Я, как и все вы, горю желанием разобраться в происходящем. Также я имею особую цель добраться до ваших мыслей, достучаться до вас, повысить вашу производительность и понять, чего вам вообще нужно.

– Срать нам в мозги ты уже научился! Не знал, что ты планировал еще что-то делать, – произнес угрюмый Илья Вольский. Я медленно приземлился на свободное место на скамейке напротив и стал вглядываться в форварда: худой, высокий зеленоглазый парнишка с русыми волосами, бледным лицом прямоугольной формы.

– Понимаешь ли ты, Илюха, что значит жить на самом деле? – тихо спросил я, а он лишь печально опустил голову. – Как я смотрю, жизнь у тебя в последнее время вообще не вяжется. Несомненно, это отрицательно сказывается не только на тебе, но и на всем, что ты делаешь и на что хоть как-то влияешь. Я ведь все о тебе знаю. Со школой не получается, личная жизнь не складывается, родные и близкие далеко (Илья родом из Орска, что в Оренбургской области), а те, кого ты считаешь друзьями, каждый день только и делают, что

кидают тебя, – я знал подноготную каждого в этой раздевалке, – и это еще больше тебя бесит. Естественно, все отражается на хоккее. Кому это нужно? Зачем вообще жить, когда все наперекосяк, когда ничего не получается, даже самое простое, когда ты ложишься спать в плохом настроении, умоляя Господа Бога, чтобы следующий день стал лучше, а он еще хуже предыдущего? В голове творятся вещи, которые ты не способен понять. Откуда-то извне приходят страшные мысли, словно серые тучи. Это мысли о том, что так жить нельзя, что мудрее будет умереть... Это лучше, чем жить на свете и мучиться от каждой секунды...

Я отлично знал, на что надавить – я попал в точку, потому что после долгих наблюдений за Вольским понял, что именно с ним происходит. В нем бушевала битва между жизнью и смертью; он стоял на перепутье, которое сжигало его изнутри, и он не мог ничего с этим поделать. Навалилось все и сразу. Как только он услышал мои слова, мысли в его голове разгорелись с новой силой. Терпеть их невыносимо, но они не покидают его, все глубже пуская свои ядовитые корни.

Вольский загрустил и ничего мне не ответил. Я наслаждался тем, что вновь вызвал у него упадническое настроение, хотя прекрасно знал: в Илье дремлет вулкан, который может начать извержение в любую секунду – направить бы его ярость на ворота «Молота».

– Давай поговорим об очевидном, – призвал я. – Что ты ерундой занимаешься?! Как ты играешь, как свою зону защищаешь, как на чужие ворота лезешь? Это трудно назвать игрой на приемлемом уровне – ты не нападающий, а какой-то вонючий проводник, который любезно сопровождает чужих игроков к своим же воротам. Да пьяная обезьяна будет лучше защищать и перехватывать шайбы, нежели ты! А я уверен, что ты способен на большее, – аргументы о том, что я далек от хоккея, не могли меня задеть или хоть как-то остановить.

Тем временем Вольский медленно копил злость и желание разубедить меня, доказать обратное: он мог показать себя на льду, но с моментами ему сегодня не везет. А вдруг у него не получится, вдруг что-то пойдет не так? Большие его занимали мысли о «плохой и недостойной для Ильи Вольского жизни».

– Голова странными мыслями забита... Что-то со мной творится не то, – решил признаться Илье, но я все равно продолжил наступление (может, вместе с ним и другие заведутся).

– А ты помнишь вообще, что в хоккей играешь?! Что 13 лет им занимался?! Максимум, что тебе можно доверить, так это снег лопатой убирать, а не в хоккей играть. Мне все ясно. Ты еще раз доказал, что слабак и неудачник – ты достоин ни звездного часа, ни последнего шанса! Сначала разберись со своими проблемами, а потом приходи сюда! Хотя я уверен, что подобный мусор хранится в каждом из вас, – я переключился на остальных, поднявшись со скамьи и продолжая разгуливать по раздевалке. – Я вообще не понимаю, как вы все попали в хоккей и умудряетесь держаться на плаву?! Сегодня у вас напрочь отсутствует сплочение. Вы словно друг друга впервые увидели!

Вольский внезапно вскочил с места и схватил меня за предплечье:

– Зачем ты все это делаешь?

– Потому что мне нравится смотреть, как в тебе умирает маленький мальчик и пытается родиться сильный, волевой и ответственный мужчина, – выдал я.

Илью терзали смешанные чувства: с одной стороны, он крайне разъярен и недоволен моим ответом; с другой стороны, он изумлен формулировкой, которую я использовал для объяснения его мук.

– Для чего вы орете друг на друга?! – продолжил я. – Вы явно не чемпионы мира, а думаете, что все умеете, все знаете. Звезды одни собрались, е-мое! А вы раскройте глаза и оглянитесь вокруг. Что же сейчас творится? И что творилось на льду в течение двух периодов? Ведь это же уму непостижимо!

– Да сегодня день такой: что-то потустороннее постоянно вмешивается. Игра плохо идет. Чуть что – так в ссору, мелкая ошибка – большая проблема, – пытался объясниться Антон Малкин. Нечего добавит: мне, к сожалению, тоже не удавалось найти приемлемого объяснения столь неудачной игре.

Время поджимало, а у меня не получалось уложить все то, что хотелось сказать, в несколько минут. Хоккеюгам нужна передышка, но гордыня не позволила мне дать им отдохнуть:

– Отставить панику и продолжать играть! «Молот» своему счастью поверить не может, – говорил я. – Они не делают ничего особенного – вы можете лучше. Так переверните же игру, наконец! И плевать на то, что на их стороне сегодня какая-то там неведомая сила, затаскивающая шайбы в ворота к Артему.

– А, что? – очнулся Абдуллин.

– Ничего. Ты молодец. Ты все делаешь правильно, – успокоил его я.

– Стараюсь подчищать, где получается, – произнес Артем и подумал: «Конечно же, я все делаю правильно. А разве может быть как-то по-другому?»

– О чем я говорил? – спросил я сам себя. – Вспомнил! Отдадите моральное превосходство – они мигом это почувствуют и нейтрализуют вас. Вы сами не знаете, чего хотите. А может быть, и знаете, но желаете так много всего, что сами никак определиться не можете. А хотеть всего и сразу – это прямой путь к тому, что вы равным счетом не получите ничего. Получается, вы пожинаете плоды всего того, что вы вроде бы лелеете – страдаете и ни черта не ведаете. Не спорю, что промежуточных успехов вы добились, но им грош цена – они только тянут вас в яму, которую вы сами себе роете. Не заметите даже, как туда свалитесь, потому что живете в мире, который сами для себя создали из легкого и доступного. Но без труда не вытянешь рыбку из пруда. То же самое и в хоккее. Допустим, мы говорим о победе – сколько всего вы закладываете в эти шесть букв: слава, деньги, девушки, готовые вешаться на вас только из-за того, что вы хоккеисты. Добавьте сюда тщеславие, бесконечные понты, совершенствование физической формы одновременно с захламлением морального состояния. Все это можно назвать одной из ваших главных слабостей, которой, несомненно, надо пользоваться... что и делают ваши сегодняшние противники. Вы их недооценили с высоты вашего мнимого величия. Но на вершине ли вы, судя по счету на табло? Не думаю. Можно приводить уйму подобных примеров – даже я этим пользуюсь. Вы настолько слабы и невнимательны, что не замечаете элементарных вещей, а хоккей – это только повод пилить вам мозги...

Я осекся. Меня так понесло, что я только опосля сообразил, что несколько последних фраз вообще не следовало говорить. Поток аргументов – непрерывная цепочка, в которой каждая последующая мысль выходит из предыдущей. Грех не дойти до логического завершения.

Ужаснувшись, я спросил себя: «Я сказал это вслух?» В ту же секунду я решил как ни в чем не бывало мигом оправдаться, но получилось не очень:

– Вы этого не слышали, – грозно заявил я.

Все без исключения хоккеисты хотели в тот момент меня отмудохать, но я настроился на режим непробиваемой стены. Но всех опередил один-единственный человек...

Адская смесь из чувств и мыслей, бурливших в Вольском, вырвалась наружу в порыве доказать всем мою неправоту, биться за свое имя насмерть. Он старался терпеть мои выпады, ибо первый из всех понял мою надобность в команде, но сейчас и его нервы сдали:

– Еще как слышали! – вспыхнул Илья и с размаху кинул свою клюшку на пол, от которого она еще и пару раз отскочила с характерным звуком.

– А что это ты клюшками разбрасываешься?! На себя посмотри! Судя по твоим действиям на льду, ты просто жалкое и некомпетентное существо. Ничтожество, а не хоккеист!

Вот мы и достигли точки кипения. Словесный конфликт грозил перейти в физический. Однако отведенные на перерыв минуты пролетели – в раздевалку вошел Степанчук и скомандовал:

– Шевелитесь, рептилии! Перекур окончен! – он произнес это с необыкновенным воодушевлением. Гарантированный проигрыш обеспечивал карт-блани для последующей взбучки – пацанам не поздоровится.

– И помните, – объявил напоследок я, – вы должны выйти с высоко поднятыми головами и сделать их!

Все схватили клюшки, надели шлемы и с задумчивыми лицами побрели на лед. Вольский шагал впереди всех, на ходу застегивая шлем и надевая краги.

– Вольский! Не смей распушать перья на хвосте! Ты ничего не сможешь мне доказать! – Вольский не слышал меня: у него свои планы на третий период. Он хотел продемонстрировать всем, что он сильный и способный хоккеист, что не нуждается в других и не заслуживает оскорблений и обвинений. План Ильи прост: забросить такую нужную сейчас шайбу исключительно за счет индивидуального мастерства.

Хоккеисты «Магнитки» и «Молота» усадились на жесткие скамейки в отведенных местах; первые пятерки вышли на лед. Стартовое вбрасывание – третий период стартовал. Никто ни до, ни после перерыва не хотел идти на уступки. Разница в счете минимальная.

Виталий Николаевич, прежде чем занять свое место, прошел мимо хоккеистов на скамейке запасных и произнес:

– Не дай бог – проиграете! Тогда осознаете в полной мере, что означает выражение «не работает голова – работает все остальное». Нужен гол! Поехали!

Я же стукнул Илью по шлему и пригрозил:

– Не смей ничего делать наперекор установке! Никакой самодеятельности! Я прекрасно понимаю, что ты задумал! Выпендриться хочешь – не выйдет! Все, как сказал тренер. А попытаешься что-нибудь выкинуть, знай – ты труп, – сказал я, но Илья даже ухом не повел – он был холоден и сосредоточен как никогда в жизни. Ни я, ни кто-либо другой на свете уже не мог повлиять на порядок действий, который сложился в голове у Вольского. Паренек горел желанием выделиться и исправить сложившееся положение не только в игре, но и в собственной самооценке. До его «звездного часа» оставалось ждать буквально несколько минут. Не для команды, а только для себя.

Я, настороженно поглядывая на непослушного форварда, встал рядом со Степанчуком, продолжая вести статистику.

– Знаете, вот начался третий период, а я чувствую себя неудобно – какая-то нездоровая обстановка складывается среди наших игроков, – признался я.

– Я всегда себя так чувствую, когда нахожусь рядом с этими дегенератами.

– Может, стоило перетасовать пятерки?

– Поздно пить «Боржоми». Это шоковая терапия, – хладнокровно выдал тренер.

Прозвучал свисток.

– Смена! – крикнул тренер.

Нападающие и защитники сменились, играючи преодолев бортики. Свежая пятерка распределилась по нужным позициям на площадке. Вольский с ними. «Хоть бы чего лишнего не вытворил, сумасшедший!» – я справедливо считал, что самодеятельность выйдет боком не только ему, но и всей команде. Все, что с ним творится – это закономерный процесс, который пройдет сам собой. Такой уж возраст.

Илья глянул на партнеров по звену, один из которых застыл в полушагате на круге вбрасывания. На секунду Илья присмотрелся и к игрокам «Молота-95». Он закрыл глаза и сделал глубокий вдох – холодный воздух детского ледового дворца проник в легкие.

– Понеслась... – произнес он и услышал звук пронзающей воздух шайбы и щелчок скрещенных на точке клюшек.

Вбрасывание выиграл противник, что разозлило Вольского – он ринулся за нападающим «Молота» вместе с остальными. Пас за пасом, и вновь пермяки в позиционной атаке – хмурый Абдуллин готовится тащить. Команда нервничает, тренер с помощником напряжены до предела, а тут следующая картина...

– Гляньте на него! – вырвалось у кого-то.

Я, Виталий Николаевич и все наши примкнули к бортику, чтобы лучше увидеть то, что происходит на льду. Вольский, будто сам не свой, рассекает по льду, отрабатывая в защите за троих. На его пути возник мчащийся с шайбой в сторону ворот Артема Абдуллина нападающий «Молота». Вольский догоняет его и сбивает с ног. В пределах правил, показывает арбитр. Шайба достается Илье. Он цепляет ее на крюк клюшки и несется в противоположную сторону площадки, а форвард «Молота» продолжает лежать на льду – глядишь, все же назначат двухминутный штраф. Арбитры непреклонны, поэтому приходится подниматься. Желая отомстить своему визави, нападающий «Молота» бросается вдогонку за Вольским. Илья же, никого не замечая, мчится к чужим воротам, не отдавая шайбу ни своим, ни встречающим его чужим.

– Во дает!

– Один в ноль будет.

– Отдай! 17-й открыт! – истошно орал с трибуны Степанчук.

– Начались в деревне танцы, – отреагировал я.

– Демон! Сейчас забьет, – сказал Брадобреев.

– Нет, не забьет, – парировал Сергей Соловьев.

– Спорим?

– Забились.

– Блин, нашли время! – ворчал я.

Арсений Митяев в недоумении стучит клюшкой, требуя передать ему шайбу. Они с Вольским летели в зону «Молота» на параллельных курсах. Арс недовольно озирается в сторону скамейки запасных «Магнитки-95». Видит недоумение и там – это явно ни с кем не согласовано. Вольский полностью дистанцировался от посторонних взглядов и восклицаний. Его волнует реакция только одного человека – того, кто побудил его на совершение этого маршброска. Илья уже не в силах остановиться: очень хочется доказать всем, что он достоин уважения.

Вскоре Илья позабыл и про это – он на пределе сил и возможностей. С него ручьем лился пот, дыхание опережало обыкновенное тиканье часов. Он перебирал ногами по льду так быстро, что это движение невозможно уловить глазами. Он вцепился в клюшку; его глаза чуть ли не взрывались от напряжения, веры и желания. Взгляд устремился на вратаря команды противника, к которому Вольский с каждой секундой подлетал все ближе и ближе – казалось, что ему уже никто не сможет помешать. Оставалось несколько мгновений до прицельного удара клюшкой по шайбе, которая точно попадет в ворота. Должна попасть в ворота! Обязана!

– Где защита?! – истошно кричал тренер «Молота».

Он направил всю энергию своего тела в одну точку – все для прицельного щелчка, от которого наверняка сломается клюшка. Его сердце билось в таком бешеном ритме, что разгоряченное тело дрожало. Резкая остановка игры или промах стоили бы ему жизни. Кровь в Илье вскипела. Тут и наступил самый важный, волнующий момент... Он уже не видел преследующих его хоккеистов, защитников и нападающих, своих и чужих. Он видел только вратаря впереди и несущуюся шайбу, которую Илья подгонял клюшкой. Она казалась ему сверхбыстрой кометой с блестящим хвостом, которая вот-вот устремится во вражеские ворота.

Вольский даже на секунду представил, как он феноменально забросит шайбу без посторонней помощи, ни разу никем не остановленный; вообразил, как объедет чужие ворота, всплеснет от радости руками, цинично улыбнется вратарю, окунется в объятия и похвалы одноклубников, а потом невольно поймает мой недовольный взгляд, взгляд побежденного человека, который убедится в том, что чудовищно ошибался. Потом Илья весело отобьет подставленные кулаки всех сидящих и запрыгнет на скамейку через бортик. И никто уже не вспомнит про то, что он весьма эгоистично провел шайбу до чужих ворот через всю площадку под ошалевшие взгляды товарищей, с которыми должен был поделиться. Предвкушение гола на секунду стало самым важным моментом в его жизни, но... желаемому не суждено сбыться.

Внезапно Вольского поразило, словно ударом молнии. Ее воображаемый электрический разряд прошелся по всему раскаленному телу хоккеиста – от головы до ног и рук, по каждой клеточке. Он прошел по ногам, которые затряслись и перестали держать его, по рукам, которые мигом ослабили хват, по спине, которая не удержала осанку. Он даже не успел понять, откуда последовал удар. Его источник – нападающий «Молота», которого в самом начале атаки неловко опрокинул Илья. Парень настиг обидчика и со всей силы отомстил дерзкому форварду, исподтишка зарядив по нему клюшкой.

Сокрушительный удар. Защиты на Илье будто и не было вовсе. Парнишка из «Молота» невольно вырубил Вольского: удар по плечу и частично по шее достиг мозга и сердца, что миг отключило Илью, как короткое замыкание отключает электрическую сеть. Вольский никак не предвидел такого исхода, поэтому до ужаса напугался столь странному состоянию. Все его ощущения и мысли мигом улетучились куда-то в небытие, за пределы телесной оболочки; ему показалось, что и душа тоже покинула тело... И это тело просто свалилось как старое пальто с вешалки – прямым под свисток арбитра, зафиксировавшего грубое нарушение. В глазах у Ильи потемнело; ноги надломались, словно спички. На скорости Вольский рухнул на лед и врезался в борт за воротами «Молота».

Единственное, что Илья успел сделать, прежде чем потерять сознание, – это прикрыть решетку шлема крагами. Пронзительную боль от столкновения с бортом он уже не почувствовал. В этот момент все затихло, все потеряли дар речи и устремили свои взгляды на то, что произошло на льду. Тишина продлилась пару секунд, затем по скамейкам и трибунам прошелся шумок негодования. Такое периодически происходит, поэтому все до последнего думали, что Илья лежит и по-мужски терпит сковавшую его боль и сейчас непременно поднимется. Но Вольский продолжал лежать неподвижно.

– Этого еще не хватало. Вольский, вставай же, вставай, – сквозь зубы приказывал ему я, но тщетно. Степанчук как ответственный за ребят и их здоровье уже мысленно сел на нары.

Страх, пробежавший неприятным холодком по спине, неизвестность, удивление, томительное ожидание и абсолютно неуместный интерес – что только не витало в воздухе. Среди хоккеистов наконец-то проснулось сопереживание, волнение и сострадание к другу. Присутствующие на льду уже давно обступили лежащего без сознания Вольского: даже хоккеисты из другой команды, даже арбитры – все просто стояли и смотрели...

Когда человек видит умирающее животное, ужас охватывает его: то, что есть он сам – сущность его – уничтожается на глазах, перестает быть. Но когда нечто умирающее есть человек, человек знакомый, близкий, любимый – тогда, кроме ужаса перед уничтожением жизни, чувствуется смертельная печаль, надрыв и духовная рана, которая так же, как и рана физическая, иногда убивает, иногда заживает, но всегда болит и боится прикосновения извне.

Для всех Вольский – неотъемлемая часть команды, часть единого кулака. И эта часть исчезла. Что же, спрашивается, будет с таким неполноценным кулаком? Ответ очевиден. В особенности тогда, когда команда и так не в очень хорошем состоянии. Что же, спрашивается, будет с тренером, с его ассистентом, если этот надрыв, полный боли и сострадания, постиг абсолютно всех, кто стал невольным свидетелем разыгравшийся в тот день драмы?

Я и Степанчук чуток помешкали и, поскользываясь на льду, спешно устремились к Илье. Он лежал на животе и не шевелился. Вокруг него сомкнулось плотное людское кольцо, но ближе всего к нему стояли и сидели хоккеисты его команды. Не каждый день сталкиваешься с таким.

– Врач, где врач?! Где он, когда так нужен?! – спрашивал кто-то с дрожью в голосе.

Словно танк и бульдозер, Степанчук и я растолкали столпившихся хоккеистов в разные стороны. Увидев воочию лежащего Вольского, мы тоже ощутили тот самый страх, витавший вокруг травмированного (или чего похуже) 16-летнего хоккеиста. Будто вся неопределенность и грусть момента сосредоточилась тогда именно в этом месте. Я с каменным лицом оглядел хоккеиста – остальные ничего не предпринимали. Рот немного приоткрыт, глаза закрыты, но плотно не зажмурены, кожа побелела от холода, на щеках, лбу, бровях и ресницах блестели капельки пота, дыхание едва уловимо. До пульса еще нужно докопаться через толстый слой экипировки. При беглом осмотре можно заключить, что Илья безмятежно спит. Но это хуже, чем сон. Все стояли в недоумении.

– Что же вы стоите?! – растерянно и одновременно злое рывкнул Степанчук, сварганив фирменную физиономию (все мышцы его лица напряжены, а глаза вытаращены).

Чибриков с Бречкиным искали виновника происшествия в толпе. На первых порах они хотели хорошенько его отделать, положить рядом с Вольским. Плевать на штрафы и возможную дисквалификацию.

Мое же лицо не выражало абсолютно никаких эмоций – я стоял перед Вольским на коленях, ощущая жуткий холод от исцарапанного льда: «Этого ты хотел, засранец?» – думал я, аккуратно снимая с него шлем. Подложив ему под голову крагу, я прощупал пульс на руке и на шее – слабый и неровный. Я раскрыл его веки, стараясь не делать резких движений, – увидел бессознательно потемневшие глаза.

Я поднялся и спокойно объявил:

– Пошлите скорее за доктором – человек без сознания, – меня поразило, что обозначенная профессиональная помощь только лишь коснулась льда где-то позади. – Промедление может стоить нам очень дорого. Надеюсь, вы понимаете, о чем я?

Хладнокровие, бессердечность и отсутствие хоть какого-нибудь сострадания от моего имени поразили присутствующих. Магнитогорских хоккеистов особенно. Они, конечно, догадывались, что я способен на такое, но никак не ожидали того, что я останусь в стороне от беды. Я и сам не ожидал. Роль, всего лишь роль... От собственного поведения мне самому стыдно и тошно, но ненужные эмоции я подавил и внезапно словил злобно-серьезный взгляд Митяева, который стоял ближе всех ко мне. Я посмотрел на Кошкарского и Брадобреева – их глаза говорили мне: «Ты не человек – ты бессердечная машина!» Я отвернулся от них и вышел из толпы. Наверное, полкоманды хотело положить рядом с Ильей меня, а не форварда «Молота». Предысторию знали все.

Это одновременно спокойное, тихое, мирное, размеренное, сонное, умиротворяющее чувство окрыленности и пустоты, радости, смертельной скованности, отчаяния и печального осознания конца, который постепенно переходит в страх, привычку, а затем и в телесное и душевное тление. Вольский чувствовал, что находится в каком-то глубоком сне, полном неизвестности: все перед его глазами заблестело, словно в облаках. Его одолевало приятное чувство отторжения от прежней жизни, от всех ее трудностей, условностей, проблем, гра-

ниц – пришло осознание того, что все кончилось, мучения и недоразумения позади, волнения завершились, как и напряжение с нервяками – все это в прошлом, все кончилось.

Странно, но в последнее время все хорошее в жизни Ильи начисто забыл, поставив перед собой только самое негативное, поэтому в первые минуты пребывания в новом и необычном для него состоянии он не вспомнил про хорошее, а когда вспомнил, то это заставило его занервничать, напрячься, открыть глаза и не поверить тому, что происходило вокруг. Состояние странное и волшебное, даже пугающее; к тому же Вольский погрузился в него неожиданно – он мог эту секунду нарушить тонкую незыблемость, помешать окружавшему его равновесию. В первые минуты явно не хотелось производить столь значительные изменения, боясь не пережить их. Либо он просто обрадовался этому, хотя и внезапная радость заставила его ужаснуться.

Вольский так и лежал на холодном льду, на том же месте. Он лежал и не хотел ничего менять, был спокоен и равнодушен, будто все знал и со всем смирился, что бы с ним ни произошло дальше. Время остановилось. Вокруг царил обилие света и холода, так что Илья даже немного замерз... мысленно: он знал, что ему холодно, но не чувствовал этого – его голова не дружила с телом. Еще бы, покойники ведь существа бесчувственные. Форвард лежал неподвижно, словно он спит и видит прекрасный сон. Но неизвестный голос пробудил его...

Вначале шумы, которые слышал хоккеист, издавались тихо и неразборчиво. Но потом их источник резко приблизился к нему, и непонятные звуки стали похожи на голос, рождающий отдельные слова, которые органично образовывали предложения:

– Я чувствую, что ты боишься. А ведь секунду назад бесстрашным был. Желал ведь распрощаться с жизнью, которая тебе надоела, наскучила, замучила тебя. А сейчас все свершилось так, как ты и хотел. Ты не рад? Наверное, еще не понял, где ты и в каком состоянии. Так уж и быть, я дам тебе пару минут отдышаться и прийти в себя. Хотя... о чем это я? Здесь никто не дышит, и времени как такового нет, – голос показался Илье знакомым, но он никак не мог собрать все разлетевшиеся на осколки мысли в одно целое и постараться идентифицировать его. Хоккеист чувствовал пугающее опустошение, будто вся его память, все его мысли, характер, поведение и инстинкты стерлись, поэтому полагаться ему не на что. Даже свой голос, ставший тихим, хриплым и грубым, Илья не узнавал. Хоккеист не мог пошевелиться: наверняка пролежал на этом месте целую вечность и вмерз в лед.

А лежал он на знакомом ему катке в хоккейной школе, на том же льду, за теми же воротами «Молота», у бортика. Ледовый совершенно опустел. Илья слышал один только странный посторонний голос и ненавязчивый гул то ли холодильного оборудования, то ли ветра снаружи. Поразительным для него стало также то, что на обычно плохо освещаемом катке теперь стало ослепительно много белого света. Куда-то подевались немногочисленные зрители, исчезли команды и обслуживающий персонал.

Чувства медленно возвращались к Вольскому – неизвестный голос нарушал ласкающую уши вечную тишину. Илья впервые постарался подняться, но не получилось – тело его не слушалось, он его попросту не чувствовал, ему просто внушалось то, что тело у него есть. Присутствовали всего лишь вольные мысли, простейшие умозаключения и свободная душа. Вновь послышались слова, исходящие от расплывчатого силуэта, глядевшего на Илью сверху вниз:

– Не вставай, – Человек словно ощущал все чувства и мысли, одолевавшие Илью. – Не надо этого делать, – спокойно твердил силуэт, подошедший к хоккеисту. – Лежи спокойно, наслаждайся умиротворением, пока есть время – ты всю свою жизнь ждал этого момента. А тот мир, из которого ты ушел, никогда бы не предоставил такой возможности, – Илья крепко зажмурил глаза и медленно открыл их снова. Ярчайший поток света на секунду ослепил его. Человек весело и удивленно произнес еще одну реплику. – Не узнал, что ли?

Неизвестный отошел в сторону, облокотился об борт и спросил:

– Итак, что ты хотел этим доказать? – собеседник пристально изучал Вольского. Сам Илья лишь слушал его и старался узнать говорящего, но пока был не в силах этого сделать. – Чего ты хотел этим добиться? Доволен теперь? Видимо, ты всегда мечтал закончить свою жизнь именно так. О карьере вообще молчу.

– Я умер? – смог вымолвить Вольский, не узнав собственного голоса. Он понимал, что его желания стали явью, а когда он произнес свою догадку вслух, то удивился и одновременно испугался как ребенок. Вот до чего доводят безрассудные желания.

Вольский задал вопрос с нотками вины и сожаления в голосе. Непривычная, неведомая ситуация – все человечество бьется над вопросом, что же нас ждет там, после земной жизни, и вот он здесь, но извечный вопрос волнует его в последнюю очередь. Ему казалось, что он говорил первые в жизни полноценные слова. Он хотел закричать или заплакать от отчаяния и безысходности, но ни того, ни другого сделать не получилось. Заплакать и одновременно закричать ему также хотелось от ошибки, которую он совершил, желая очутиться здесь: он не успел достаточно пожить, чтобы в полной мере осознать смысл жизни, ее ценность и красоту. Он прекрасно понимал, что отныне не почувствует себя хорошо, не увидит и не услышит родных и близких, не вернется в родной город, не встанет на коньки и так далее. Также он недоумевал, почему его натренированный организм дал сбой в самый неподходящий момент. То, что его сломали извне, он попросту не успел понять.

Транс, кома, бессознательный бред, глубокий сон – не ровня тому, что происходило в том странном месте. Воображение такого тоже дать не сможет. Если лежать на льду, то рано или поздно становится холодно – Вольский это знал, но не ощущал ничего кроме тишины и режущего ее на куски голоса. Вскоре он поймет, кто его собеседник, и ему станет не по себе еще больше. Илья просто не готов увидеть этого человека в таком месте и в такое время и тем более разговаривать с ним на серьезные темы. Почему именно он? Может быть, это и есть тот предсмертный сон, та магическая стадия, когда нужно выбирать: погружаться во тьму смерти или идти к свету жизни (умереть ведь можно в любой момент, а жизнь нужно заслужить, в том числе осознав свою неправоту), а ведь у каждого этот сон, наверное, свой собственный, особенный? Где же тоннель?

Илья был в ужасе, что так рано и внезапно с этим столкнулся. Человек тем временем продолжал говорить, медленно разгуживая по катку. Наружность и голос Человека хоккеисту знакомы. Этот персонаж ходил за ним по пятам, заставлял его сомневаться в себе, грустить и радоваться, уставать и нервничать, доводил до бешенства, олицетворял недоверие, обман, жестокость и наглость, но одновременно подталкивал преодолевать себя, совершенствоваться, думать головой и играть в хоккей. Вольский не раз задумывался, что от этого человека все-таки есть польза и что он неслучайно появился в хоккейной школе. Наверняка все уже догадались, о ком идет речь.

Да, это вполне объяснимо, но одновременно невозможно. Данный факт никак не поддается простейшей вере в свою реальность, но в тот момент реальность была жестока, а стечение обстоятельств – беспощадно. Илья закатил глаза, будто обращаясь к небу: «По-моему, ты смеешься надо мной. Замечательно! И этот человек – даже не знаю, называть его человеком или нет – поможет мне сделать самый главный выбор в жизни? Или он здесь, чтобы поглумиться надо мной?! А, может быть... может быть, он здесь из-за того, что когда-то я поверил в него первым из всех, а теперь он поверит в меня? – размышлял Вольский. – Но в чем же он может мне подсобить? Он не способен верить, не способен понимать и помогать, не способен чувствовать? Или я ошибаюсь? Боже, за что? Почему это происходит со мной?»

Итак, это действительно было нечто с внешностью Петра Елизарова. Все остальное – мысли, эмоции, чувства и суждения – издавались будто не от него, а от кого-то на стороне. Язык не повернулся бы назвать Человека его земным именем, так что будем называть его

некой таинственной сущностью, Фантомом или просто Человеком. Он продолжал говорить, отвечая на заданный Вольским вопрос:

– Да-а-а. Ситуация, конечно, на грани безумия, но тебе в первую очередь нужно осознать, что это немного не такая, но все-таки реальность... какая бы страшная она ни была. Их вообще много... этих реальностей. Конкретно в этой только красного занавеса не хватает... Здесь тебе остается лишь принять решение, сделать выбор. Простое на первый взгляд действие: решиться, выбрать между двух слов, двух миров – жизнью и смертью. Что ж, волнующий момент, но долго продолжаться он не будет, – строго отрезал собеседник.

Илья понял, что от него ждут ответа, хотя он толком и не определился.

– Что же я должен сделать?

Вольскому стало страшно: неужто он такая безвольная тряпка? Паренек запутался и усомнился во всем настолько, что не способен найти подходящих и стоящих доводов для того, чтобы жить, и для того, чтобы умереть. Он стоял на распутье. Фантом дал ему немного времени подумать – мыслительный процесс станет для Илья мучительным и одновременно самым важным в жизни. Для начала нужно поверить в то, что с ним происходит.

– Для начала я повторю вопрос: с какой целью тебя понесло забрасывать эту чертову шайбу? Зачем ты это сделал? Что хотел, на что рассчитывал? – спросил Вольского Человек, хотя прекрасно знал ответ.

– Я хотел победить. Победить себя, победить других. Хотел доказать, что я далеко не тот слабый и ни на что не способный человек, каким меня считают другие, – поведал Вольский, но потом подумал и заключил. – Но получилось в точности наоборот: я ничего не доказал... вернее, доказал обратное, ничего не добился, сделал только хуже.

– Победа – это приз, а боль – это цена, которая прилагается к этой победе, – изрек собеседник Илья. – А тебе больно всю жизнь. Может быть, твоя победа заключается в том, чтобы жить?

– Я сейчас встану и прекращу этот кипиш! – бесцеремонно объявил обессиленный хоккеист, понадеявшись на авось – это рассердило Фантома.

– Прекратишь?! Ха, ты уже десять минут на льду валяешься. Попробуй, смельчак! А вообще: зачем тебе это надо?! Лежал бы спокойно, не рыпался. Умереть при исполнении любимого дела – каждый творец о таком мечтает. Пора уже завязать с этим жестоким миром. Надо жертвовать жизнью ради жизни, и эта жизнь может стать твоей, – не щадил его Фантом.

– Хватит так говорить: ты явно хочешь, чтобы я страдал!

– Да, – выкрикнул Человек и тут же шепотом промолвил, – а вот умирать – это только тебе подвластно.

– Какая разница? Можно считать, что сейчас я пожертвовал собой.

– Нет находки без потери, а облегчения без трудностей. Мы вечно чем-то жертвуем – без этого никак. Мы все в этом мире отчасти страдаем, но некоторые страдают одновременно с любовью, счастьем, удачей, богатством. Все звенья этой цепи – от страдания до счастья – неразрывно связаны. Твоя жизнь, как тебе казалось, состояла из долгих и изнурительных страданий, поэтому у тебя пропало желание жить, но его можно перебороть. Но сначала поблагодари и покайся – тебя проверяют... и проверяют оттуда, – Фантом указал пальцем куда-то вверх. – Ты обязан преодолеть эти испытания. Иначе, выходит, они сделали неверный выбор. А они не должны ошибаться: люди перестанут в них верить... и тогда ничего не останется, – Фантом призадумался, а потом продолжил. – Если испытывают, следовательно, ценят – значит, чего-то ты еще стоишь в этом мире. В мире, в котором большинство людей можно уже не считать людьми по-настоящему.

Слушая Фантома, Илья размышлял: «Спокойно. Без паники. Меня будто вербуют, и я ничего не могу с этим поделать, потому что силы покинули меня. Я хотел стать сильнее,

а на деле стал беззащитным и уязвимым. Душа моя плачет, а тело изнывает – я сам довел себя до такого состояния. Я в смятении – от неожиданности и мнимой торжественности момента мне становится страшно, больно и досадно. Кто же это? Чьи лапы пытаются ухватить мою душу? Кто защитит ее? Либо я сам, либо никто! Да, кажется, здесь заблудшие души небо принимает. Обеими руками держусь за себя, за душу свою, за ангела-хранителя, умоляю его не оставлять меня, не покидать мое немоющее тело». У него родился закономерный вопрос, произнесенный с толикой сомнения:

– Мне умирать?

– Нет, тебе еще рано умирать. У тебя будет долгая замечательная жизнь, но когда-нибудь умирать и надо. Будь, пожалуйста, живым! – Человек словно играл с Илей.

После этих слов Вольский не выдержал, напряг мышцы и попытался встать, но их будто свело. Свело и не отпускало. Тело будто огрело током, и он едва незаметно дернулся – ему стало больно, боль вывернула его так сильно, как выворачивают мокрую тряпку. Илья плотно сжал веки и губы. Но все-таки успел яростно произнести:

– Прекрати это!

– Не могу! – ответил Фантом. – Лишь тебе под силу это чудо!

– Боже, как я ненавижу эту жизнь!

– Быстро, однако, ты сдался, – разочарованно покачал головой Человек. – Испугался, как только почувствовал приближение смерти, ее ледяное дыхание. Испугался такой ответственности. А решать только тебе. Я здесь лишь для того, чтобы ты сделал правильный выбор – в зависимости от него ты поймешь, что нужно делать дальше.

– Мне нужно встать – мое место явно не здесь! – заскулил хоккеист.

– Стой! Ты еще не понял всей ситуации до конца... Ага, вот и появились зрители (в тот момент вокруг Вольского уже скопился толпа). Посмотри на них, на их глаза – они ведь просто смотрят из любопытства, а не из сострадания, – какие-то полупрозрачные силуэты действительно окружили его на несколько мгновений. – Никто из тех, кто сбежался посмотреть на тебя, даже не стремится хоть чем-то помочь. Вот ты очнешься – все твои мечты о хоккейном будущем растопчут. А твой обидчик, который сейчас прячется за спинами остальных и нервно озирается, избежит наказания, дадут максимум «5+20», а потом он станет богатым... знаменитым, возможно. Но то, что он с тобой сделал сегодня, будет преследовать его всю оставшуюся жизнь.

– Так вот, кто меня так, – вымолвил Илья. – Это был не я.

Вольского продолжали посещать различные мысли: «Почему эти люди смотрят на меня такими пустыми и беспомощными глазами и ничего не делают? Почему продолжается действие, когда герой на грани жизни и смерти? Вытащите меня отсюда! Пожалуйста! Хотя они глухи, ничего не слышат. Сменяются декорации, по-новому засияет свет, музыка не прервется, а жизнь не остановится. Действительно, едва ли она изменится для остальных, если я уйду. А как же мои родные? Они верят, ждут, любят. И все хоккеисты мне тоже как родные!» Подумав об этом, он произнес:

– Но хоккей – это смысл моей жизни. Моя судьба тесно с ним связана, – наивно отметил хоккеист.

Фантом предполагал, в какую сторону будет склоняться Вольский. Интересно наблюдать за самим процессом терзающего парнишку выбора. Правда, даже сам собеседник Ильи толком не определился, какую сторону занять в этом случае – жизнь или смерть?

– Хоккей. Команда. Друзья. Пора бы это оставить! Я понимаю, близкие, а что здесь? Для чего тебе все эти люди? У одного – тщеславие, у другого – деньги, у третьего – девушки и секс, у четвертого – понты. Несерьезно все! Я раскрою тебе страшную тайну: не каждому из твоих друзей в дальнейшем посчастливится сыграть в хоккей по-настоящему. Меньше половины пробьются в МХЛ, единицы – в КХЛ. А за бугор – про это вообще говорить не хочу.

– А я?

Человек молчал.

– Ответ же!

В ответ молчание. А потом:

– А знаешь ли ты вообще, что такое коллектив? Коллектив – это когда люди подлые пытаются взять то, что поодиночке взять не могут, чтобы под одним флагом и общими целями спрятать свою слабость и трусость, сесть на шею тем, кто сильнее и лучше. Я за одиночку: чтобы жить так, как хочется, чтобы никто не указывал, чтобы позволять себе все, что хочешь, получать от этого кайф и ни с кем не делиться, – Вольского поразила такая интерпретация – он задумался, прищурив глаза, но согласиться не мог – ненароком ему вспомнился и разговор с настоящим Елизаровым на точно такую же тему. – Хочешь жить в предрассудках? Пожалуйста. Тебе решать! Только тебе... Где и как играть, кстати, тоже.

Тут Илью вдруг посетил проблеск истины, который то ли пробудил его, то ли еще глубже опустил в забвение.

– Своей жизнью распоряжаюсь я и только я! – отчеканил он.

Илья постарался изо всех сил подняться, но лишь поморщился – вновь ничего не вышло.

– А ты не торопись – подумай хорошенько. Хочешь ли ты возвращаться в эту жизнь, которая состоит только из мучений, жестокости, тьмы, вероломства и несправедливости – это просто ломанная судьба. Я знаю, ты много об этом думал. Сейчас наступил такой момент, когда нужно прийти к заключению, завершить мучительные и долгие размышления. Остаться живым и продолжить мучиться. Либо выбрать другой путь, на котором тебя больше никто не побеспокоит... вечно.

Рвение Вольского пропадало: он опускал руки, переставая мысленно карабкаться к свету и падая во тьму, из которой вновь старался выбраться через какое-то время. Приходилось очень трудно, но он держался изо всех сил: подобную моральную нагрузку, особенно когда она причиняет тебе нестерпимую моральную боль, способен выдержать не каждый.

– Может, мне и незачем подниматься с этого льда, на котором меня и не стало, на который я возлагал большие надежды... когда-то. Он должен был возвысить меня, заставить любить, гордиться, ценить жизнь, а в итоге на нем я и умер, как когда-то впервые встал на коньки и поехал, – Вольский отлично помнил тот момент – воспоминания немного согрели его. – Это было мое второе рождение – теперь оно станет моей смертью.

– Хорошую ты, однако, провел параллель, – похвалил его Человек. – Попробуем проанализировать вкратце твою жизнь, которую ты предпочел бы до нынешнего момента потерять, с двух сторон.

– Можешь выпустить последнюю каплю яда. Она меня точно добьет.

– Что ж, представь, что будет, если вдруг бац! и тебя не станет. Ну прям как сейчас – ты в двух сантиметрах от смерти. Несомненно, своим уходом ты причинишь боль не только родным и близким, но и тем, кто каким-либо образом с тобой связан, например, друзьям или еще кому-нибудь. Стоит заметить, что ни все из вышеперечисленных желали тебе добра – лишь единицы верили и доверяли тебе, только они по-настоящему ценили и любили тебя. Кому-то совершенно до лампочки, существуешь ты или нет. А остальные просто тобой пользовались, утоляли свои первичные потребности. Например, те же мнимые друзья-хоккеисты...

– Им я не посмею причинить боль! Даже не смей говорить о них ничего плохого! – разозлился Вольский и тут же почувствовал острую боль в голове, от которой потемнело в глазах.

– Не надо меня поучать – это тебе не поможет. Не забывай, что здесь ты под моим контролем, поэтому слушай. Я хочу, чтобы ты понял все, дабы не наступить на одни и те же грабли дважды.

Боль прекратилась, и Илья вновь почувствовал душевное и телесное опустошение. Фантом продолжил:

– Сначала они твои друзья, а потом при первой же возможности они с большим удовольствием превратятся в твоих врагов, кинут тебя, оставят погибать в одиночестве. Их основное оружие – хитрость и твое чрезмерное доверие. Ты, может, и не захочешь причинять им боль, но они причинят ее тебе, если ты не сделаешь это первым. В данном контексте человека бережет одиночество, даже если он находится среди других людей... в команде.

– Это не так, – прошептал Вольский.

– Хорошо. Не хочешь про это, давай про хоккей. После твоей скоростной смерти ты станешь знаменитостью, обретишь такую славу, о которой ты не мечтал даже в самых смелых грезах: все будут говорить о тебе и о том, что с тобой произошло, будут лелеять, хвалить, вспоминать, терзаться, почему тебя больше нет, плакать и скорбеть. Будут разбираться, заведут дела, найдут виновных, те откупятся, посему накажут крайних. Возможно, снимут фильмы, документальные по большей части. Никогда не проливали столько слез и так о тебе не говорили, как будут говорить и плакать после твоей кончины. Будешь звездой – стараться здесь особо не нужно. Нет жизни – нет проблем. Ты же этого хотел. Разве я не прав?

Вольскому показались странными и необъективными доводы его собеседника, но факт, что ему хотелось уйти в мир иной, хоккеист отрицать не мог, поэтому отделался общей фразой человека правильного и принципиального:

– Никогда не слышал ничего абсурднее.

– Но это правда. Ужасно – через каждую секунду «хоккей» да «хоккей»! Для чего ты вообще связался в этот хоккей – это опасный спорт, он совершенно тебе не подходит. Такому, как ты, нужно заниматься чем-нибудь другим – творчеством, спокойным и размеренным.

Собеседник хотел, как и Елизаров в реальности, подавить моральную стойкость Ильи, наталкивая на дурные мысли. Фантом ничуть не разочаровался, когда услышал критику в сторону доводов о смерти, хоккее, друзьях. Нечто, говорившее с Вольским в то время, сделало вывод: что-то светлое в нем осталось, причем эти чувства сильные и искренние. Когда же они собираются пробиваться наружу и нести его обратно к жизни?

Илья думал недолго – из всех прелестей занятия хоккеем он выдал только одну, самую характерную для себя:

– Когда конек касается льда, я забываю обо всех своих проблемах и невзгодах. Это другой мир и другая жизнь – непосвященным не понять, – с легкой усмешкой сказал он, но она быстро исчезла с его бледного лица. – А сейчас вроде бы все в порядке, а внутри хуй знает что происходит. А ведь тело нужно содержать в таком виде, чтобы душе не хотелось... его покинуть...

– Да, с этим трудно спорить – уроки жизни не прогуляешь, не то что уроки в школе.

– Как же хорошо было тогда, до всего этого.

Собеседник опустил на корточки перед Вольским:

– Если ты стоишь лицом к прошлому – значит, ты стоишь спиной к будущему. Не оглядывайся назад – иди только вперед. Прошлое на то и прошлое, что оно в прошлом, а наше будущее еще не написано, потому что зависит от дня сегодняшнего. Жить надо настоящим, даже если это больно и неприятно. Все у тебя получится – люди ведь учатся не по теории, они учатся на ошибках. Жизнь есть и тогда, когда этих ошибок вагон. Какой вывод можно сделать из первого варианта развития событий: свобода в смерти – уход от всего. Каждый из нас свободен! Я не говорю о свободе внешней, я говорю о внутренней свободе – внутри мы свободны! Это исключительно наш выбор, а не выбор нашей судьбы или еще чьей-то. Но свою жизнь надо контролировать, ведь некоторые люди умирают в 25 лет, а в могилу попадают только в 75. Я вижу, что тебе трудно, но жизнь такая; не было бы трудностей и испытаний

– не было бы жизни. Вот сейчас ты на распутье и совершенно безосновательно. Ты можешь сомневаться в ком и в чем угодно, но только не в себе. Такой вариант собственной смерти, я вижу, тебе не очень симпатичен. Поэтому есть и другая сторона этого вопроса, и она, наверное, тебя сейчас очень интересует. Представь, что будет, если ты вернешься и продолжишь жить. Здесь далеко не все так сказочно, как ты себе воображаешь. Это не наивный детский мультик все-таки... Ну, вернется к тебе сейчас жизнь: очнешься ты в больнице, терзаемый мучительной болью. Спустя некоторое время ты узнаешь, что твое здоровье окончательно подорвано не только физически, но и морально. Пройдут месяцы восстановления, и в один прекрасный день ты придешь на тренировку, а твое место уже занято другим и в тебе больше не нуждаются, потому что ты отныне серьезно болен – любая мало-мальски тяжелая нагрузка сделает тебя инвалидом окончательно. Да и к тому времени твоей команды уже и существовать не будет. Ты окажешься у разбитого корыта, на выжженной земле, в опустошенной жизни, потому что все, что связывало тебя с хоккеем, отныне ушло в небытие – на это была потрачена вся твоя сознательная жизнь. Хоккей настолько прижился в ней, что вместе с этим несчастным случаем и травмой, которая надолго поселит тебя в больничной палате, от твоего сердца оторвется солидный кусок. И никуда ты не сможешь пойти, не сможешь что-то изменить, заняться другим будешь не в силах, потому что главная цель твоей жизни – хоккей – отныне недоступна, а освободившееся место в кратчайшие сроки трудно заполнить чем-то серьезным. Жизнь без цели опустеет. Тем самым круг замкнется – все вернется к мыслям о смерти. И старуха с косой придет к тебе охотнее и быстрее, чем сейчас. Поверь, последний вариант намного хуже.

– Да, никуда-нибудь у меня жизнь, мало чего в ней хорошего: одна серость да уныние. И ведь я же не хотел делать чего-то неправильного... И вот результат моего безрассудства. Зачем тогда жить, если мое жалкое существование и настоящей жизнью назвать трудно? – произнес Вольский.

– Наверняка ты уже понял, что жизнь надо ценить за то, что она есть, а оскорблять и сомневаться в ней никто не имеет ни малейшего права. Потому что это величайший дар, за пренебрежение которым предусмотрены серьезные последствия.

– Это и было моей главной ошибкой – я много сомневался. А всего-то надо было жить, невзирая ни на какие трудности.

– Если не научишься ценить то, что есть – никогда не станешь счастливым. Ценить надо не только что-либо большое и важное, но и самое маленькое и незаметное, – казалось, что Фантом был то за белых, то за красных. – Важно все: каждая мелочь, каждое действие, каждая мысль, каждая минута и секунда прожитого. Совокупность этих мелочей и есть жизнь, и, как видишь, мелочи играют огромную роль в людском существовании, а иногда – в твоём случае – могут сыграть злую шутку с человеком: на них ведь никто не обращает внимания, а они вон что творят... иногда даже убивают. Вся жизнь состоит из мыслей – как из молекул. Имеющие впоследствии огромное значение мысли всегда просты по своей сути. Ведь так просто сослаться на сложность, которая на самом деле коварна, двулична и обманчива. Просят и жалуется слабаки, а сильные терпят, идут и добиваются цели.

– Но ведь в жизни было и хорошее, – понадеялся Илья.

– Это да. Но на фоне мыслей и событий последних месяцев ты сам затмил все хорошее в себе; твое хорошее по сравнению со всем плохим – просто ничто. Надо уметь наслаждаться минутой счастья – второй такой может и не представиться.

– Что ж, поживу – увижу, доживу – узнаю, выживу – учту, – заключил Илья.

– Ага, но к прелестям земной жизни еще необходимо вернуться, так что главная ступень – здесь и сейчас. В твое нынешнее состояние люди впадают именно тогда, когда находятся на перепутье. На данный момент у тебя много мыслей о смерти, поэтому я имею право

поддержать и их. Тебе в сотни раз труднее – не всем под силу за несколько минут уговорить себя жить. Многие на этом моменте уже давно концы отдали.

– Я смогу...

– Довольно амбициозное заявление. В тебе-то я не сомневаюсь, но готов ли мир, готовы ли остальные к твоему возвращению?

– Не понял? Я же сознание потерял всего лишь на минуту – к чему им готовиться?

– Ты в этом состоянии можешь проваливаться не только минуту, но и день, неделю, год, а то и всю жизнь. Не факт, что все вернется на круги своя.

– Нельзя все вернуть?

– Нет. Твоя жизнь уже не будет прежней. Если ты и попытаешься что-то восстановить, то будет катастрофически трудно. Ты сам завел себя сюда – это твоя битва, твой поединок, ты борешься с самым сильным и коварным противником, который знает о тебе все... С самим собой. Как раньше уже не будет никогда. Все в этом мире тянет тебя в разные стороны: переманивает на свою и опровергает противоположную. И каждый раз мы делаем выбор и идем избранной дорогой к поставленной цели, часто немыслимыми путями соединяя воедино эти противоборствующие стороны и направляя их в нужное русло, дабы юлить и выживать. Столкновение этих сторон наступает неожиданно, как землетрясение или цунами. А есть принципиальные вопросы, по которым необходимо занять одну сторону и устоять на ней. Момент выбора наступает в жизни каждого.

– Почему именно сейчас? Почему сегодня?

– Так совпало. Вероятно, это всего лишь плохой день, а не плохая жизнь. Она только кажется хуже всего на свете, но при этом является бесценным сокровищем для людей, источником их существования – к сожалению, логику этих существ, которые не замечают очевидного, не понять, – собеседник Ильи помолчал немного. – Значит, ты после долгих размышлений и анализа первого более или менее серьезного жизненного опыта и всех бед и страданий, которые тебе пришлось пережить в жизни, дошел до того момента, когда получишь ответ: человек ты или просто оболочка? Еще существует истинный путь: по нему идут праведники, которые игнорируются обществом или признаются умалишенными. Некоторых в свое время даже на крестах распивали. Смысл в том, что истинный путь – он на земле, при жизни, а не там, где смерть и вечный покой, – собеседник Ильи все-таки выбрал сторону, хотя с легкостью мог бы разубедить Вольского и направить парня в сторону смерти. Что-то в Илье понравилось Фантому, поэтому он не мог просто кинуть в бездну заплутавшего человека. – Жизнь – это череда сложностей и испытаний, это бытие, судьба, а по ту сторону – тишина и умиротворение. Подумай еще раз, стоит ли возвращаться? Чтобы начать новый путь, нужно сойти со старой дороги, и этот переход здесь, Илья. А касаясь всего, что там, что вокруг тебя, то бояться не нужно: не надо сторониться ни Степанчука, ни человека, чью маску я надел, ни кого-либо еще, врага или конкурента... ибо все мы тоже с кем-то бываем ласковыми, а какого-то боимся и ненавидим.

– А ты и Бога знаешь?

– Хм, – усмехнулся Человек. – Каждый из людей сам по себе бог, коль управляет своей жизнью, ведь ей по-настоящему никто управить и не сможет.

– Скажи мне, ты ангел?

– Может быть, я и смахиваю на ангела, но не смей даже предполагать этого, особенно при мне.

– Я знаю, что ответ тебе уже известен: должно же все это закончиться когда-то и чем-то?

– Хорошо! Давай, попробуй все закончить! Прямо сейчас! Вставай! Но помни: тебя поднимет не тело, а душа, а она у тебя разбита. И разбил ее ты. Но, с другой стороны, выхода нет только из гроба, – Илья яростно поверил в то, что это дурной сон, несуразное видение,

бред сумасшедшего, будто он вел беседу сам с собой, и решительно собрался выйти из этого состояния, но все окружающее было и реально, и абстрактно одновременно, то есть относительно – в голове не укладывается. – Это сложно, сложнее всего материального и духовного – поднять себя из ямы, которую сам выкопал.

Илья чуть шевельнул веками, но никто из окружающих наяву не заметил этого. Подняться у него не получилось, а Фантом продолжал угнетающе давить на свою жертву:

– Вот видишь! Даже самое простое действие для тебя оказалось невыполнимым, – Фантом оживился, будто перенесся в реальное время и оказался в толпе обступивших Илью людей. – Смотри, сколько глаз смотрят на тебя! – с усмешкой сказал он, а потом заявил серьезно. – Пора решать! Жить или умирать. Прямо сейчас! Давай же!

Вольский застонал:

– Я уже ничего не могу. Поздно что-то делать и о чем-то думать. Я по горло увяз в этой жизни. О, что же творится?! Я уже ничего не знаю!

Илья растерялся – ему хотелось заплакать от безысходности, но ни одна слезинка так и не выкатилась.

– Обидно, Илья, когда у тебя есть шанс все изменить, а ты просто трусил. Ты сам подписываешь себе приговор. Мне искренне тебя жаль – распоряжайся собой сам! Выбрал путь – иди по нему до конца, никогда не сдавайся. Те, кто сильны духом и волей, тому и владычица тьмы, Смерть, не конкурент. Именно в такие моменты, Илья, понимаешь, как классно жить, так что у тебя два варианта: подниматься и жить либо умирать.

Внезапно Илья почувствовал, как по его жилам медленно начала растекаться надежда, что он выживет, что сможет наслаждаться жизнью, любоваться миром незамысленными глазами, вдыхать свежий воздух полной грудью, что сможет играть в хоккей, увидаться с любимыми и так далее. Ему хотелось как можно дольше избегать повторения этого разговора.

– Значит, у меня есть выбор? – повторил вопрос Илья.

– Глупый вопрос. Выбор есть всегда, даже если тебе кажется, что это безвыходная ситуация. Так что решай. Поиск пути – обязанность каждого человека. Главное, найти его, пойти по нему и не свернуть в сторону. Все от тебя зависит.

Хоккеиста осенило – в нем проснулось желание жить, в первую очередь из-за красоты жизни, которую он однажды перестал замечать. Здесь и наступил перелом, ради которого все перевернулось с ног на голову – Илья отлично понимал, что жизнь после поменяется и наверняка не в лучшую сторону. Он верил, что все преодолет, несмотря на грядущие трудности.

– Я готов – я хочу обратно! Я хочу жить и радоваться жизни. Плевать, что она мне готовит. Я буду жить и не сдамся, не пойду на поводу ни у людей, ни у губительных мыслей про ничтожество этой великой... величайшей жизни, – одухотворенно произнес Вольский, хотя силы его на исходе.

Но прежние мысли и ближайшее будущее, сулящее проблемы со здоровьем и прощание с хоккеем, не теряли надежды задеть Вольского, будто обхватив его толстой ржавой цепью вокруг шеи. Илья внезапно погрузился и подумал: «Я бездарность! Что же я могу? – он задал себе вопрос и тут же на него ответил. – Все! Я способен на все! Я человек, божество, и своей судьбой управляю только я один, только я один контролирую свою жизнь! Я буду жить. Никто не сможет мне помешать!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.